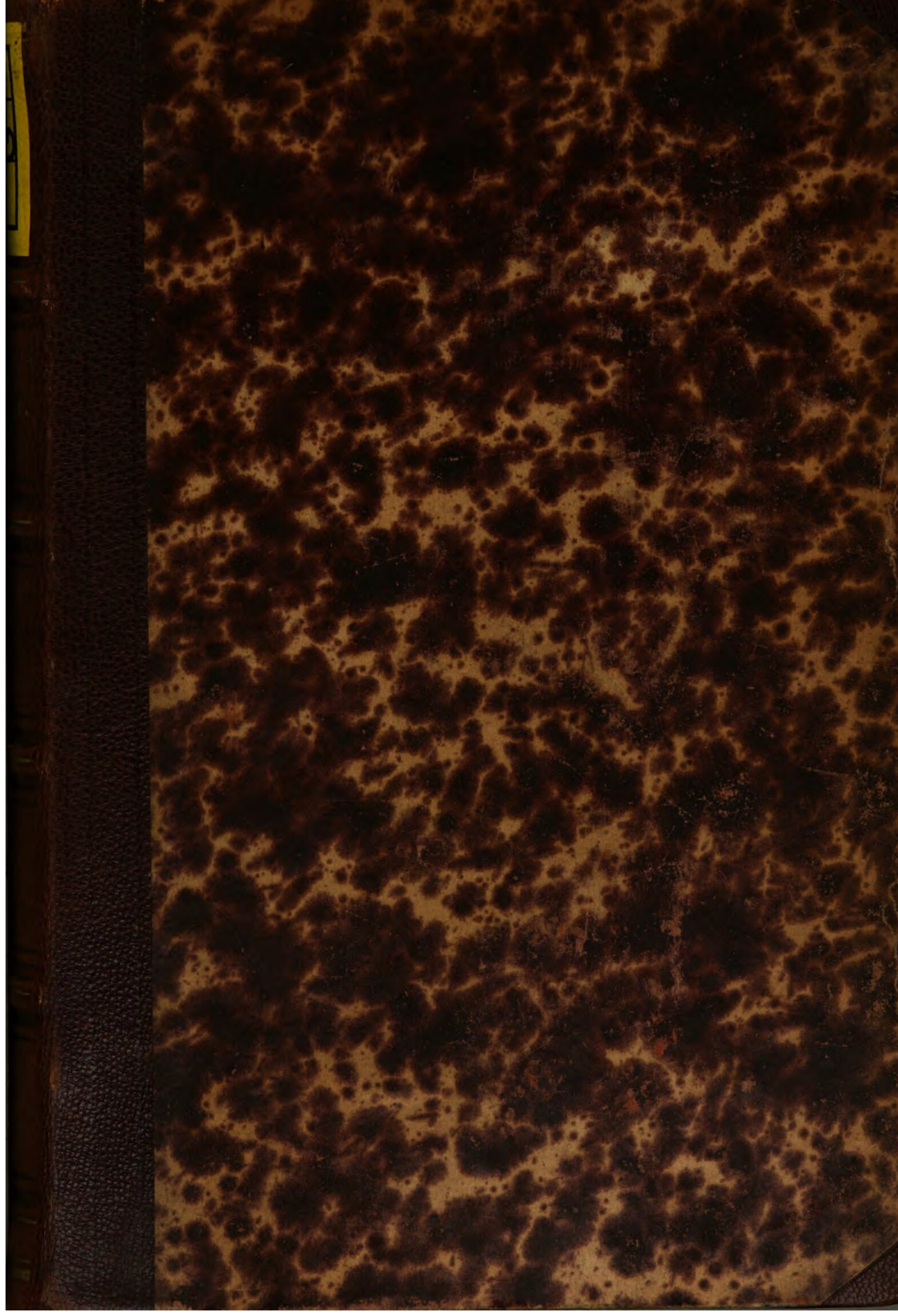

P. o. nel. 3316

Narskaja

ДВѢ СЕСТРЫ.

ABB CECTPL

ДВѢ СЕСТРЫ.

РОМАНЪ Е. НАРСКОЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАТКОВА И К^О.

1858.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Москва, 12 сентября 1856 года.

Ценсоръ Н. Фонъ-Крузе.

I.

— Да! это случилось въ то время, какъ мужъ мой былъ губернаторомъ! сказала нараспѣвъ Марья Осиповна Кульпякова, раскинувшись въ креслѣ, со всею граціозностію дамы, воспитанной въ институтѣ и понимающей что такое свѣтъ.

Но скажу напередъ два слова о гостиниой и гостяхъ Марьи Осиповны, наконецъ, если угодно и о мужѣ ея, дѣйствительномъ статскомъ совѣтникѣ и кавалерѣ, Евграфѣ Петровичѣ Кульпяковѣ. Человѣкъ онъ съ деньгами и не безъ претензій на умъ, который высказывается особенно блестящимъ образомъ, въ то время, какъ онъ говоритъ о своей безкорыстности; душа умиляется, чуть не плачешь; слушаешь не на-слушаешься! такъ сладостно льется рѣчь изъ устъ его; такъ лицо его, нѣкогда замѣчательное красотою, озаряется какимъ-то сверхъестественнымъ свѣтомъ самоотверженія и любви къ человѣчеству!... Чтобъ быть вполнѣ понятнымъ, онъ обыкновенно изъяс-

няется самымъ чистымъ французскимъ языкомъ, и что это за рѣчь!... удивленіе! Вамъ кажется, что вы слышите блестящія страницы изъ *Путевыхъ Впечатлѣній* Александра Дюма. Жена не сводитъ съ него глазъ, и даже забываетъ о своей мантильѣ, которою во всякое другое время умѣетъ играть также удачно, какъ дамы прошлаго столѣтія играли опахалами. Вся душа ея переходитъ въ сѣренькіе рысьи глаза, всѣ жилки трепещутъ въ ней!... Она мысленно переносится въ тѣ былыя времена, когда мужа ея называли въ свѣтѣ le beau Кульпяковъ, и вотъ такъ и готова, кажется, растаять отъ избытка сладкихъ ощущеній... Что касается до него, то этотъ человѣкъ, весь живетъ въ разсказахъ... Отнимите у него эту способность и онъ поблѣкнетъ, свернется и исчезнетъ, какъ цвѣтокъ безъ майскаго солнца. Жена свято вѣритъ всему, что онъ ни говоритъ; но не всѣ однакожь одного мнѣнія съ нею.

Марья Осиповна почитаетъ себя весьма ловкою хозяйкой и любезною дамой; и дѣйствительно, чего не достаетъ ей? Платье всегда сидитъ на ней отлично, талія ея тонка и граціозна не по лѣтамъ, хотя увѣряютъ злые люди, что это многого стоитъ ей; чепчикъ всегда у ней очаровательный и надѣтъ необыкновенно ловко! Она очень мило встрѣчаетъ гостей... Протянетъ ли имъ руку, улыбнется ли, пригласитъ

ли садиться, — все это съ такимъ достоинствомъ, такъ привѣтливо и благородно, что вы сейчасъ увидите, что значить воспитаніе!... Въ сущности она немножко мелочна, какъ всякая провинціальная барыня, и любить сплетни... отъ нечего дѣлать...

Въ гостиной ея есть и трельяжи, и шелковая фантастическая мѣбель, и статуэтки, и бронзовыя побрякушки, и каминъ, наконецъ, — каминъ, около котораго сгруппировалось въ эту минуту все маленькое общество, зашедшее съ прогулки напиться чаю у Кульпяковыхъ.

Нельзя сказать однакожь, чтобъ весеннее солнце недостаточно согрѣвало Одессу; но сидѣть у камина такъ весело что, никто не хочетъ отказать себѣ въ этомъ удовольствіи, лишь только солнце спрячется за однообразный горизонтъ степи.

У камина пріютилась самая почетная изъ гостей, если судить по вниманію, какое оказывали ей хозяева, графиня Надежда Ѳедоровна Омская, женщина среднихъ лѣтъ, но вполнѣ еще прекрасная, какъ бываетъ прекрасенъ свѣтлый сентябрьскій день. Нѣсколько смуглый цвѣтъ лица придаетъ необыкновенный блескъ ея чернымъ глазамъ, и выраженіе ихъ разнообразно до безконечности. Она худошава вообще; но на ней столько чернаго кружева, чернаго бархата и чернаго атласа, что трудно разсмотрѣть ея фигуру во всѣхъ

подробностяхъ. Она сидитъ спокойно, неподвижно, молчаливо. Ей лѣнь мѣшаться въ разговоры; но глаза ея, замѣчательныя по своему глубокому, испытующему взгляду, слѣдятъ внимательно за каждымъ движеніемъ другихъ, и пахитоска, которую она куритъ непрерывно, не совсѣмъ прикрываетъ лукавую полуулыбку.

Около графини вертится Александръ Александровичъ Зарайскій, какъ мотылекъ около огня. Одѣтъ онъ щегольски, надушенъ безбожно, занятъ собою безсовѣстно, «строить глазки» всѣмъ женщинамъ безъ разбора, часто придирается къ Кульпякову, горячо спорить съ нимъ, какъ бы питая тайную злобу къ человѣку, который давно прославился своими успѣхами, а тотъ смотритъ на него величаво, какъ на букашку. Впрочемъ, Зарайскій добрый, услужливый малый, особенно для тѣхъ, которые захотятъ польстить его самолюбію. Такіе люди, какъ Зарайскій, необходимы во всякомъ образованномъ обществѣ. — Какой-то инженеръ стоялъ у самага камина; а напротивъ графини сидѣлъ, протянувши ноги, Иванъ Григорьевичъ Шанскій, вѣчно растрепанный и пропитанный табакомъ, 48-ми-лѣтній холостякъ, неуклюжая фигура съ подвязанною рукой, безцвѣтными, но не безмысленными глазами, и неуловимыми, какъ будто сглаженными чертами лица, однимъ словомъ, чело-

вѣкъ ни на кого непохожій, и въ высшей степени безцеремонный! Всегда веселъ, спокоенъ, готовъ выпить съ друзьями и поболтать при случаѣ, много читалъ въ свою жизнь, и что видѣлъ, то хорошо понималъ; не многихъ любитъ, вообще издѣвается открыто надъ филантропіей, и чрезвычайно доволенъ, когда удастся ему стравить Кульпякова съ Зарайскимъ; съ дамами и молодыми дѣвушками онъ на дружеской ногѣ, старухъ терпѣть не можетъ и неизъяснимо счастливъ, когда есть надъ чѣмъ посмѣяться. Никогда не говоритъ о своихъ добродѣтеляхъ, потому что убѣжденъ, что не имѣетъ ихъ; а между тѣмъ въ душѣ глубоко честенъ. — Въ свѣтѣ его не то чтобы уважали, не то чтобы боялись, а вездѣ принимаютъ.

— Странное дѣло! Что это не ѣдутъ Еладыны! замѣтила Марья Осиповна, отдавая приказаніе готовить чай. — Я думаю, все это Анна Васильевна сидитъ передъ зеркаломъ, да наряжается... Графиня, не беспокоить ли васъ огонь?

Графиня молча покачала головой.

— Онѣ очень хорошенькія обѣ сестры — я ихъ видѣлъ въ церкви, началъ Зарайскій. — Вы знакомы съ ними, вѣроятно, по деревнѣ?

— Да, по Орловскому имѣнію, которое мы продали въ то время, какъ Edgard былъ губернато-

ромъ ; да я и не жалю — тамъ сосѣдство прескверное!...

— А! что Еладыны, которыя пріѣхали сюда недѣли съ двѣ? воскликнулъ инженеръ, оживляясь. — Да, онѣ прехорошенькія, и говорятъ богатые невѣсты!...

Графиня выпустила изо рта маленькое облачко дыма, и улыбнулась невзначай. Шанскій сдѣлалъ какое-то движеніе ногами и такъ неловко, что чуть не уронилъ экранъ на колѣни графини; онъ словно чему-то обрадовался.

— Нѣтъ! ужь какъ компрометируетъ себя наша прелестная Луиза — такъ это изъ рукъ вонъ!... воскликнулъ Кульпяковъ, перебивая рѣчь о богатыхъ невѣстахъ.

— А что? спросила съ любопытствомъ жена.

— Да что! ужь и рассказывать не хочется, отвѣчалъ онъ махнувъ рукой, — право этому Долицкому не житье, а рай. Генераль отъ него безъ ума, генеральша тоже — дѣла никакого!... Легко служить этимъ господамъ, вспомнишь пословицу: не родись ни хорошъ, ни пригожъ, а родись... адъютантомъ!...

— Какъ будто Долицкій не хорошъ?... помилуй, мой другъ! замѣтила Марья Осиповна...

— Да... именно счастливъ!... продолжалъ Кульпяковъ, оживляясь еще болѣе: — всѣ дамы отъ

него безъ ума... А что, неужели ты скажешь, что онъ любезенъ?

— Разумѣется.

— Вотъ, какой вздоръ! Дерзкій, грубіянь, избалованъ до крайности, и мечтаетъ о себѣ Богъ знаетъ что...

— Онъ славно рисуетъ... особливо каррикатуры; замѣтила сквозь зубы графиня.

— Каррикатуры на своего генерала... говорятъ, преуморительныя!... подхватилъ Кульпяковъ.

— Ахъ, Боже мой!... подумаешь! — ну, кто бы, взглянувши на Луизу Лоргеймъ, не почелъ ея примѣромъ всѣхъ женскихъ добродѣтелей?... воскликнула Кульпякова, сентиментально поднявъ глаза къ небу. Что за кротость, что за смиреніе! Какая-то постоянная меланхолія въ глазахъ... притомъ эти бѣлокурые волосы — ну, ангель, да и только.

— Скажите, Марья Осиповна, въ самомъ дѣлѣ эти Еладыны такъ богаты, какъ рассказываютъ? спросилъ инженеръ, подвинувшись ближе къ хозяйкѣ.

— Да, особенно одна изъ нихъ, очень богата!... Ольга, брюнетка.

— А, а... а...! протянулъ молодой человѣкъ.

— Мать Ольги, Лиза, первая жена Павла Ивановича, была премиленькая женщина! продолжала Кульпякова: — съ такими черненькими глазками, миніа-

тюрная, живая. Я ее очень любила! Но Павел Ивановичъ женился на ней рѣшительно по расчету. Онъ тогда метался во всѣ стороны какъ угорѣлый, искалъ богатой невѣсты... Сватался и за Алину Коробову и за меня... Но я разумѣется ни минуты не колебалась въ выборѣ.

При этомъ словѣ она бросила томный взлядъ на мужа и мечтательно улыбнулась, протянувъ ему руку черезъ столъ. Вокругъ нихъ по слышатся легкій, одобрительный смѣхъ растроганныхъ зрителей. Шанскій сильно закашлялся, графиня начала искать свою папироспицу... Кульпяковъ, нѣсколько сконфуженный, всталъ, прошелся по комнатѣ и приказалъ подать рахатъ-лукумъ, до котораго графиня была больша охотница.

Однакожь, когда не стало Лизы, продолжала Кульпякова, — Павелъ Ивановичъ впалъ въ такую тоску, въ такое отчаяніе, что долго боялись за его разсудокъ. — Доктора велѣли скорѣй увезти его изъ Москвы, чтобъ ничто не напоминало ему покойницы... Тогда была еще жива мать его, добрая, почтенная женщина, которая воспитывала Оленьку до шести лѣтъ. А потомъ, бѣдняжка, попалась въ руки махихъ... Надо вамъ сказать, что Павла Ивановича женили... безбожно женили на Аннѣ Васильевнѣ... Знаете... въ деревнѣ, въ глуши... это такъ легко

дѣлается. Я очень помню... тутъ все вертѣлся двоюродный братецъ, какъ бѣсъ передъ заутреней — какъ ни прїѣдешь бывало: «*ma cousine*», «*mon cousin!*» дружба страшная!... Вотъ онъ и подбился къ Павлу Ивановичу. Сначала все оплакивалъ вмѣстѣ съ нимъ покойную Лизу; а тамъ и завелъ рѣчь о кузинѣ, написалъ ему, что она такая добродѣтель, такая красавица, что...

— Ахъ! въ самомъ дѣлѣ, какъ она была хороша! воскликнулъ Кульпяковъ съ какимъ-то упоеніемъ.

Жена его вспыхнула и заговорила скороговоркой:

— Не мудрено, что она казалась тебѣ красавицей... еще бы!... влюблена была въ тебя по уши.

— Ну, это еще не доказано... замѣтилъ Кульпяковъ скромно, но съ пѣкоторымъ достоинствомъ.

— Однакожь, въ этомъ никто не сомнѣвался въ цѣломъ уѣздѣ.

— Чтожь, Евграфъ Петровичъ, развѣ вы были жестоки къ этой бѣдной Аннѣ Васильевнѣ? спросилъ Шанскій, который началъ брать участіе въ разговорѣ.

— Ахъ, помилуйте! развѣ можно было заинтересоваться ею, перебила Марья Осиповна: — вѣдь она глупа, до невѣроятности глупа... Кромѣ нарядовъ, рѣшительно ничего не понимаетъ...

— Ну... ну... ну, матушка! ты нѣсколько преуве-

личиваешь! вступился Кульпяковъ. — Она, конечно, весьма обыкновеннаго ума...

— О мущины!... вотъ, что значитъ пристрастіе! воскликнула почти съ негодованіемъ Марья Осиповна: — не будь она влюблена въ него, онъ первый назвалъ бы ее идіоткой...

Графиня и Шанскій невольно переглянулись между собою... Дрова затрещали въ каминѣ... Человѣкъ принесъ самоваръ и поставилъ передъ хозяйкой.

— Стало-быть брюнетка-то богаче сестры? рѣшился наконецъ выговорить кто-то изъ молодыхъ людей.

— О! несравненно богаче! подхватила Марья Осиповна, всыпавъ чаю и отвернувъ кранъ, изъ котораго хлынула вода и повалилъ сильный паръ: — мать оставила ей слишкомъ тысячу душъ.

— Да какое имѣніе! въ трехъ верстахъ отъ моей мельницы... золотое дно! прибавилъ мужъ.

— Тысяча душъ! воскликнули въ одинъ голосъ оба жениха. — Да, это славная невѣста!...

— Дѣвочка не глупа?... нѣтъ? не въ Анну Васильевну? спросилъ инженеръ.

— Съ какой же стати она будетъ въ Анну Васильевну... вѣдь она ей мачиха.

— Ахъ, да! мачиха!... въ самомъ дѣлѣ... —

— Вотъ чудакъ!... воскликнулъ Зарайскій: — тысяча душъ, да еще чтобъ была и умница!...

— По несчастію, эта дѣвочка именно необыкновенно умна, продолжала Марья Осиповна, принявъ глубокомысленный тонъ. — Всѣ профессора удивлялись ей въ Москвѣ!... Понятливость, соображеніе, страсть къ наукамъ... безподобно играетъ на фортепіано; рисуетъ еще лучше. Портреты — сходство, какъ двѣ капли воды... вотъ кажется живой сидитъ... какая кисть! На учителей не жалѣли денегъ, нечего сказать. Оленька чудесно сочиняетъ...

— Должно-быть педантка! произнесъ Зарайскій.

— Какая же педантка, Боже мой! вскричала Марья Осиповна съ жаромъ. — Вотъ то-то и удивительно, ни тѣни педантства. Такъ проста, такъ молчалива, даже можно сказать застѣнчива!... я ей говорю: помилуйте!... съ вашими преимуществами!... Она, вся, покраснѣла. «Какія же преимущества? говоритъ: — я, въ свѣтѣ очень не ловка»... Я ее стала ободрять... а Леночка такъ и расхохоталась... такъ и заливается, во все горло хохочетъ — насмѣшница страшная... у!... это будетъ штука!...

— Это рыженькая-то?... спросилъ Зарайскій.

— Да, рыженькая... я ее признаться не очень жалую... Гордая, надменная дѣвочка... Похожа на

мать, такая же точь-въ-точь, только поумнѣ... умъ впрочемъ непріятный... такая хитрая.

— У нихъ только двѣ дочери? спросилъ инженеръ.

— Двѣ, Ольга и Елена... Была еще Катенька, да жила не долго: ее ушибли, сталъ горбъ расти... жалкая была такая дѣвочка... къ счастію, Богъ прибралъ. — Они кажется не очень горевали по ней.

— Добрые родители! воскликнулъ Шанскій съ увлеченіемъ... Покажите мнѣ ихъ пожалуйста, Марья Осиповна!

— Вотъ подождите, пріѣдутъ можетъ — быть сегодня... наряжаются, умываются: вѣдь Анна Васильевна до сихъ поръ объ одномъ только и думаетъ... Бывало пріѣдешь къ ней... Ну, когда я была губернаторшей... знаете... дѣло другое!... засуетятся, приготовятся принять какъ слѣдуетъ... Но разъ я пріѣзжаю въ Кармашовку (это названіе ихъ имѣнія) совершенно невзначай. Ну, тамъ пруды, парки, аллеи... Вхожу въ домъ, знаете... отдѣланъ великолѣпно: шелковая драпировка, французскіе обои, зеркала, а все какъ-будто нежилой домъ... Иду дальше, никого нѣтъ; наконецъ, въ четвертой комнатѣ нахожу Анну Васильевну. Что же вы думаете, какъ она одѣта? Шелковое платье съ иголочки,

свѣтло-зеленаго цвѣта, мантилья бархатная, чепецъ префрантовской... точно кукла на пружинахъ; а противъ нея сидитъ просвирня, повязана платочкомъ, да вяжетъ шерстяные чулки и шевелитъ губами. Какъ растолстѣла, какъ поглупѣла эта женщина! Мнѣ съ ней, сдѣлалось такъ скучно, что я пробралась на другую половину къ барышнямъ. Ольга выскочила ко мнѣ въ фартучкѣ, забрызгана краской, видно, что рисовала.... въ простомъ ситцевомъ платицѣ. Такъ мила! Попросила меня къ себѣ въ комнату, стала показывать свои рисунки, занимать меня; между тѣмъ, вошла и Елена... Смотрю, — точно мать: въ букляхъ, въ кисейномъ платьѣ, вышитомъ какимъ-то красненькимъ снурочкомъ; пунцовый галстучекъ на шеѣ... Вошла, прищурилась, ломается, какъ будто не узнаетъ меня; я говорю: чтò, mesdames, какъ проводили время? съ кѣмъ знакомы здѣсь? Привыкаете ли къ деревенской жизни? Ольга отвѣчала очень скромно на всѣ мои вопросы. Говоритъ: «мнѣ очень весело и безъ общества, я рисую, играю, занимаюсь»... Елена все время странно улыбалась. И наконецъ, заговорила свысока: «да скажите съ кѣмъ здѣсь знакомиться? Есть-ли хоть одна душа человѣческая?... что это за общество!»... Все не по ней, все дрянъ!... Оно правду сказать, отчасти и справедливо; да все

не прилично молодой дѣвушкѣ говорить такъ рѣзко, съ такою надменностію. — Какъ видно, бѣдныя дѣвушки съ ума сходили отъ скуки. Прежде у нихъ въ домѣ бывало такое веселье, что на удивленіе всему уѣзду, особливо когда Павелъ Ивановичъ былъ предводителемъ: всякаго сброда набиралось со всѣхъ сторонъ; шампанское лилось рѣкой, танцы, спектакли... Пристроили такимъ образомъ двухъ сестеръ Анны Васильевны, Таничку и Раису. Приданое далъ Павелъ Ивановичъ очень порядочное...

— Вѣдь онъ вѣроятно опекунъ надъ имѣніемъ дочери? сказалъ кто-то.

— Ну, разумѣется...

— Э! полно, Машенька! перебилъ Кульпяковъ.

— Что же, мой другъ? будто я порочу его... онъ точно добрый, услуживый человѣкъ; можно сказать, очень не глупъ, а все таки согласись, онъ человѣкъ взбалмошный и пустой; въ пруды-то одни сколько денегъ всадишь!... Ну, вообразите, графиня! Бывало заведетъ фабрику... страсть къ разнымъ открытіямъ, помѣшанъ на химіи... ну, прекрасно!... Вотъ онъ дотого занимается этой фабрикой, что ужасъ!... ну, такъ и корпитъ надъ машинами, такъ и живетъ тамъ съ утра до ночи... ну, кажется приключись землетрясеніе, потопъ, а онъ все будетъ сидѣть на фабрикѣ, да пробавать

разные химическіе препараты... Вотъ, думаешь, человекъ полезный... что же! пройдетъ мѣсяць—другой, смотришь! — а Павелъ Ивановичъ ужь уискалъ въ Петербургъ на представленіе новаго балета... Вотъ и бросить все на какого-нибудь нѣмчурку, которому платить огромныя деньги... да — вѣдь деньгами не купишь безкорыстія... согласитесь сами! все и пойдетъ вверхъ дномъ, а тамъ нечаянный случай! говорятъ: несчастіе! сгорѣла фабрика... и концовъ не найдешь!... Павелъ Ивановичъ посердится, пошумитъ... «все говоритъ воры, разбойники меня окружаютъ!» Да ктожь виновать въ томъ? я желаю знать... всякій украдетъ, коли увѣренъ, что съ рукъ сойдетъ... Выбирай людей почестнѣе, да умѣй ихъ цѣнить, такъ и не будетъ «непредвидѣнныхъ несчастій», и пожара не случится...

— Правда, что Павелъ Ивановичъ былъ несчастливъ, сказалъ Кульпяковъ.

— Несчастье несчастьемъ, не спору, подхватила жена его, — а и самъ виновать во многомъ... нетерпѣливъ очень!... не любитъ правду выслушать отъ какого-нибудь простаго человека. И! и! какъ взбѣсится!... Все льсти ему, да утѣшай прибаутками!...

— А что, я думаю, въ домъ страшный безпорядокъ? спросилъ Зарайскій, человекъ въ высшей степени аккуратный.

— Безпорядокъ невообразимый!... Просто ха-
осъ!... людей пропасть, а толку мало! Аннѣ Василь-
евнѣ вѣдь ни до чего дѣла нѣтъ... Она только свой по-
кой наблюдаетъ...

— И у нихъ часто бываютъ балы? спросилъ въ
свою очередь инженеръ (онъ слылъ за отличнаго
вальсера).

— Балы? не знаю, что здѣсь будетъ, а въ Кар-
машевкѣ очень утихло съ тѣхъ поръ, какъ дочери под-
росли. Сестры Анны Васильевны разѣхались по
полкамъ за мужьями. Милый cousin, который при-
строилъ Анну Васильевну, умеръ, опился, кажется,
голубчикъ! — Павелъ Ивановичъ свое воронежское-
то имѣніе какъ прокутилъ (вѣдь онъ любить и въ кар-
точки поиграть!), такъ сдѣлался такой пасмурный и
грустный... отъ свѣта отсталъ... ипохондрія, ска-
зали... потомъ мало-по-малу прессорился со всѣми
сосѣдами... вѣдь характеръ такой неугомонный!...

— А что, боится жены? спросилъ Шанскій.

— У! какъ огня, она такая хладнокровная, дес-
потка! всѣмъ повелѣваетъ, въ домѣ полная госпожа;
а онъ кричитъ, бранится, а пребезхарактерный... Ка-
жется, Ольгѣ бѣдной не очень сладко жить на свѣтѣ...
зависѣть отъ такой мачихи... какой крестъ!...

— Какъ жаль, что эта дѣвушка говоритъ по-ла-

тынѣ, а то-бы я женился на ней!... провозгласилъ Зарайскій, бросивъ взглядъ въ зеркало на самого себя.

— Bon jour, madame! сказалъ кто-то, входя въ комнату.

Кульпякова живо обернулась.

— Ахъ! Мме Лоргеймъ! Откуда вы? Chère Louise, моя прелесть!... Сядьте скорѣй сюда, на диванъ!... вы какъ будто утомлены...

— Я пришла пѣшкомъ, сказала Луиза, снимая шляпку; она дѣйствительно дышала тяжело, и казалось, чѣмъ-то была встревожена.

— Изъ дому пѣшкомъ... можно ли это!... въ такую позднюю пору!... вы шли однѣ?...

— Одна, отвѣчала Луиза въ полголоса.

Кульпякова взглянула на нее подозрительно, и вдругъ пришла въ восторгъ.

— Да какъ она хороша!... посмотрите, какъ хороша она въ эту минуту! воскликнула она, сверкая своими маленькими рысьими глазками: — эти чудные волосы blond cendré нѣсколько въ беспорядкѣ... букли развились — не поправляйте! такъ интереснѣе!... щечки зарумянились отъ воздуха... право, я въ васъ влюблена, Луиза Львовна!...

— Благодарю васъ, произнесла Луиза, какъ будто не хотя, и впала въ задумчивость.

Графиня, которая не любила Луизы, отошла по-

дальше отъ камина, подъ тѣмъ предлогомъ, что ей жарко, и удалилась на другой конецъ комнаты. Молодые люди напротивъ подвинулись ближе. Шанскій протянулъ дружески руку Луизѣ, но не трогался съ мѣста. Луиза, которая, казалось, не замѣчала никого на эту пору, привѣтливо улыбнулась на его дружескій поклонъ.

— Что-нибудь да тутъ есть!... шепнула графиня хозяину дома, который, также какъ и она, любилъ таинственность...

— Я тоже думаю...

— Вотъ, вы увидите!...

Но они увидѣли передъ собой образъ величественной дамы, въ яркомъ клѣтчатомъ платьѣ и шали, а за нею двухъ молодыхъ дѣвушекъ въ бѣломъ. Женихи такъ и впились въ нихъ глазами.

— Что это, Анна Васильевна, вы такъ поздно!... воскликнула хозяйка, бросаясь къ ней на встрѣчу съ удвоенною любезностію. — И мы васъ ждали, ждали!...

Кульпяковъ молодцомъ подошелъ къ своей старинной знакомкѣ, сѣлъ подлѣ нея и завелъ рѣчь о вчерашней прогулкѣ на бульварѣ, гдѣ имѣлъ удовольствіе встрѣтиться съ нею послѣ столькихъ лѣтъ. Анна Васильевна разговаривалась объ Одессѣ; съ величавой небрежностію жаловалась на пыль и духоту.

Ольга дѣйствительно была робка казалось, она съ

радостію взялась за чашку, которую ей подали и стала медленно пить чай, не поднимая глазъ на присутствующихъ. Елена, напротивъ, казалось, желала видѣть всѣхъ и все, и безъ малѣйшаго смущенія окинула глазами комнату. Въ ея манерѣ, въ ея взглядахъ, въ движеніи головы ея, была какая-то врожденная свѣтскость (если можно такъ выразиться); она была хороша, блестяща, золотисто-бѣлокурые локоны сообщали физіономіи ея столько энергіи! веселая, умная улыбка ея правила съ перваго взгляда; необыкновенная бѣлизна, правильно развитый станъ, большіе глаза неувимаго цвѣта, переходящаго въ темный при бальномъ освѣщеніи, полужакрытые рѣсницами, то полные нѣги, то яркіе, живые до смѣлости, производили электрическое впечатлѣніе на толпу; тогда какъ надобно было вглядѣться въ скромно—выразительную физіономію Ольги, чтобы найти прелесть въ ея глубокомъ, мыслящемъ взорѣ, въ ея кроткой улыбкѣ, въ строгомъ типѣ ея красоты, которая не увлекала, не бросалась въ голову какъ шампанское, но наводила мечтательность на человека съ воображеніемъ. Нѣсколько смуглый цвѣтъ лица, очень тонкая талія, черные, блестящіе волосы, гладко причесанные, почти дѣтская робость въ движеніяхъ, что-то грустное, выказывающееся невольно за добродушною простотой, которою от-

личалась она ; голосъ звучный , но какъ будто привыкшій выражать одно страданіе : вотъ Ольга!... Она не любила обращать на себя вниманіе , и потому старалась не глядѣть ни на кого въ особенности. Свѣтской болтовни она тоже не любила и воображала, что никакъ не сумѣетъ сладить съ нею. Елена, напротивъ, очень охотно пускалась въ разговоръ со всѣми... она обладала въ высшей степени даромъ слова и находчивости.

Шанскій, опершись обѣими руками на столъ, положилъ подбородокъ на широкія ладони свои, и принялся безъ церемоніи наблюдать за всѣми движеніями Ольги. Елена не занимала его. Бѣдная Ольга краснѣла , старалась смотрѣть въ другую сторону; съ ней заговаривали, но она отвѣчала очень отрывисто на вопросы, и видимо избѣгала докучливыхъ разговоровъ.

— Жаль, что эта богаче, а вѣдь рыженькая-то милѣе, шепнулъ въ сторону Зарайскій хозяину дома; тотъ слегка кивнулъ головой.

— Попробуйте заговорить съ ней по-латыни, можетъ-быть развернется и брюнетка, сострилъ инженеръ.

И всѣ трое улыбнулись этой остротѣ.

Въ то время, какъ Анна Васильевна и дочери ея заняли собою все маленькое общество , кромѣ гра-

фини, постоянно сидѣвшей въ отдаленіи, Луизу казалось тяготилъ всякой разговоръ, и она отошла къ окну, гдѣ напросторѣ вся погрузилась въ свою думу. Вдругъ вошелъ Долицкій... Графиня въ одно мгновеніе отыскала глазами Кульпякова, какъ бы желая сказать ему: ну, не угадала ли я? Кульпякова взглянула на Зарайскаго, и состроила сострадательную мину. Луиза бросила быстрый взглядъ на Долицкаго, и отвернулась. Долицкій подошелъ къ хозяйкѣ, поклонился ей только изъ приличія, не сказалъ никому ни слова, посмотрѣлъ пристально на Ольгу, и отошелъ въ сторону. Луиза встала, держа въ рукѣ шляпку и вуаль.

— Куда же вы, *ma chère Mme Лоргеймъ*? воскликнула хозяйка съ принужденною любезностію: — посидите! я велю заложить карету... вѣдь вы пѣшкомъ...

— Нѣтъ, не беспокойтесь... Я слышала, какъ подъѣхала моя карета къ крыльцу... Прощайте!...

Она наскоро надѣла шляпку, завязала вуаль, и вышла не взглянувъ ни разу на Долицкаго, какъ будто онъ былъ ей вовсе незнакомъ. Она уѣхала. Снова переглянулось между собою все общество. Графиня, закуривъ тридцатую пахитоску, не могла прикрыть ни дымомъ, ни словами своего тайнаго удовольствія. Луиза видимо была огорчена, раздосадована, скон-

фужена. Все это пріятно дѣйствуетъ на наблюдателей сердца человеческого.

Долицкій между тѣмъ повернулся, помолчалъ, посмотрѣлъ разсѣяннo кругомъ и исчезъ, никѣмъ, какъ онъ воображалъ, незамѣченный.

Отъ Елены не укрылась маленькая, едва ощутительная суматоха, которая произошла въ это время въ гостиной; но она не знала никакихъ отношеній, и слѣдственно, для нея все было не ясно.

Марья Осиповна была очень любезна съ Еладьиными, разсыпалась въ увѣреніяхъ дружбы, припоминала съ восхищеніемъ прошедшее, любовалась молодыми дѣвушками, и ужасно наскучила имъ.

Женихи любезничали наперерывъ; Кульпакѣвъ не отставалъ ни на шагъ отъ нихъ. Пожалуй, можно было подумать, что онъ хочетъ отбить невѣсть у своихъ пріятелей. Графиня въ душѣ забавлялась всѣмъ этимъ, а Шанскій все молча поглядывалъ на Ольгу. Въ глазахъ его проявлялось что-то похожее на грустное, но сладкое воспоминаіе... Но кто же давалъ себѣ трудъ замѣчать выраженіе глазъ Шанскаго? Рѣшено было, что онъ человекъ безъ души и безъ фізіономіи.

II.

Чрезъ мѣсяцъ, за дорогую цѣну (и все изъ экономіи), нанять былъ хуторъ на морскомъ берегу, и семейство Еладыныхъ немедленно перебралось туда. Еленѣ гораздо было бы пріятнѣе остаться въ городѣ; но Анна Васильевна объявила, что ни за что на свѣтѣ не будетъ жариться въ этой раскаленной печи! Ольга счастлива: она видитъ море!... ей дана полная свобода любоваться и восходомъ солнца, и вечернею зарей, и утреннимъ туманомъ, такъ живописно обвивающимъ утесистый берегъ, и веселымъ видомъ хуторовъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ, по скату горы. Съ наслажденіемъ вдыхая запахъ бѣлой акаціи, укрывающей ее въ часы зноя, Ольга даетъ волю своему воображенію, и волны бѣгутъ къ ногамъ ея разказывать ей повѣсть дальняго своего странствованія. Онѣ знаютъ и тайны Босфора, и задушевную пѣснь рыбака, и любимую мечту запоздалаго странника, который ле-

титъ на крыльяхъ парусовъ, чрезъ широкую бухту, мечтая о сладкомъ свиданіи, и фосфорическія блески, рождаясь подъ каждымъ ударомъ весла, озаряють путь его фантастическимъ свѣтомъ...

Душа ея ожила при видѣ природы, развернутой передъ нею, такъ роскошно и обуманно рукою великаго художника! Невыразимъ былъ восторгъ воспріимчивой души ея. До тѣхъ поръ она не видѣла ничего, кромѣ Кармашевки, гдѣ пашня да кусты, кусты да пашня, составляютъ всю прелесть сельской природы; есть еще тамъ, около скотнаго двора, такъ называемый прудъ, въ который смотрится нѣсколько тощихъ березъ, да двѣ, три кривыя ивы, какъ старыя, безобразныя кокетки, въ обломкѣ разбитаго зеркала: вотъ все, чѣмъ должно было до сихъ поръ довольствоваться пламенное воображеніе Ольги. Перенесенная, какъ будто рукою доброй волшебницы на живописный берегъ, огибающій Одессу, Ольга едва дышала отъ радости; щеки ея пылали, на темныхъ рѣсницахъ наворачивались слезы... Она была счастлива!... И кто бы не позавидовалъ этому непритворному чувству, этой юной, дѣвственной фантазіи, впервые пробужденной гармоніею природы? Въ эту минуту она любила, и ей отвѣчали любовью на любовь. Какъ Пигмаліонъ, она сжимала въ объятіяхъ своихъ оживившійся мраморъ, въ который

влила частицу души своей... «Нѣтъ! еще судьба не совсѣмъ гонить меня! — думала она. Есть утѣшенія!... есть радости!... есть слезы — такія сладкія слезы! Новый путь лежитъ передо мною, поэзія и природа, мнѣ достанетъ васъ, чтобъ прожить вѣкъ, не сталкиваясь ни съ людьми, ни съ страстями... Но странно! отчего никто изъ нашего круга, не обращаетъ здѣсь вниманія на эту дивную природу? даже Леночка, которая молода и всегда толкуетъ про любовь... Ихъ развлекаетъ новый фасонъ бурнуса, мелькнувшій между кустовъ, новая шляпка, мантилья... Отчего же я не похожа на всѣхъ?... О! можетъ быть тогда я была бы счастливѣе!» И она снова погрузилась въ думу, и передъ ней развернулась прошедшая жизнь ея, она вспомнила деревню... большой, каменный домъ съ колоннадою и двумя балконами, изъ которыхъ одинъ шелъ en pente douce къ самому саду, состоявшему изъ правильныхъ, подстриженныхъ аллей, гдѣ она бѣлала, будучи ребенкомъ, или бродила рано утромъ съ стихами Андрея Шенье въ рукахъ, когда стала уже взрослою дѣвушкой. Ей пришло на память дѣтство, — грустное, осиротѣлое дѣтство, взлелѣянное не ласкою попечительной матери, но рукою хотя не злой, но ничтожной и легкомысленной женщины, которая безпрестанно огорчала бѣдную падчерицу

безо всякаго коварнаго умысла, по одной только привычкѣ изъяслять на каждомъ шагу свое неудовольствіе.

Грубая натура мачихи не понимала, сколько страданій для Ольги заключалось въ одномъ холодно-взыскательномъ словѣ ея. Она не имѣла даже и на столько такту, чтобъ скрывать свое предпочтеніе къ дочери. Леночку всегда наряжали, какъ куклу, и тщательно завивали ея бѣлокурые, длинные волосы, тогда какъ Ольгу стригли коротко и одѣвали дурно. Правда, маленькая Ольга была дика, не говорлива и не ласкова вообще, а потому никто не замѣчалъ ея; всѣ, напротивъ, восхищались Леночкой, въ которой не было ни малѣйшей застенчивости. Эта маленькая дѣвочка, рѣзвая, хорошенькая, съ плутовскими глазами, съ румяными щечками, съ врѣзанными въ нихъ ямочками, получила отъ природы способность нравиться всѣмъ, не имѣя на то никакого особеннаго права: она любила пошалить, напроказничать и солгать при случаѣ; она передразнивала походку и манеры каждаго съ неподражаемымъ искусствомъ, и не оказывала ни къ кому горячей привязанности; а всѣ, однакожь, приходили отъ нея въ восторгъ, въ то время какъ великодушная, правдивая Оленька, всегда готовая любить, оставалась не замѣченною, въ тѣни, какъ всѣ робкія дѣти.

Леночка наслаждалась жизнью, ее возили въ гости, осыпали похвалами и конфетами; но Ольга, которую по большей части оставляли дома въ наказаніе «за упрямство и капризы», рано научилась размышлять, рано начала свыкаться съ горемъ. Каждый разъ, какъ не брала ея Анна Васильевна съ собой къ сосѣдямъ, сострадательная нянька находила средство утѣшать обиженное дитя безконечными разказами о Жаръ-Птицѣ, о Змѣѣ Горыничѣ и объ Емелѣ-дурачкѣ. Внимательный ребенокъ, смирно усѣвшись съ ножками на лежанкѣ, прислушивается къ каждому слову неутомимой разкащицы, которая все болѣе и болѣе вдохновляется монотонною величавостью собственнаго разказа, ежедневно повторяемаго безъ малѣйшихъ измѣненій. У нея какъ будто все «въ очью совершается», и торжественно восклицаетъ она: «Сивка бурка вѣщая коурка! стань передо мной, какъ листъ передъ травой! Конь бѣжить, земля дрожить, изъ ушей дымъ валить, изъ ноздрей полымя пышетъ...» У Ольги такъ и замираетъ сердце при этой таинственной сценѣ, происходившей ночью на кладбищѣ, и она придвигается все ближе и ближе къ нянѣ, вперивъ въ нее свои черные, выразительные глазки...

Но вотъ возвратилась Леночка съ конфетами, пряниками и изюмомъ, она щедро дѣлится съ се-

строю, и вмѣстѣ съ нею начинаетъ играть въ куклы. Чувство зависти было незнакомо Ольгѣ, и она равнодушно смотритъ на розовое, вышитое платьице Леночки, вполне вознагражденная за все сказкой о Емелѣ-дурачкѣ, который надѣлалъ столько чудесъ сидя на печи, что все остальное казалось ей сущими пустяками. Сестры любили другъ друга, несмотря на то, что Анна Васильевна никогда не старалась поселить въ нихъ чувствъ дружбы, равенства и братства, а напротивъ того, часто, вовсе не размышляя, бросала между ними кость, за которую онѣ не ссорились подобно полкану и барбосу, а дружелюбно дѣлили ее пополамъ. Ольга часто предоставляла всю добычу въ пользу Леночки, предпочитая обыкновеннымъ игрушкамъ таинственныя странствованія по темному корридору, гдѣ находилась печка, въ которую постоянно свистѣлъ вѣтеръ на разные лады; въ ея воображеніи составлялась цѣлая поэма... тутъ заключены были незримые духи, и она понимала ихъ грустные напѣвы, ихъ жалобы... они разказывали ребенку о чудныхъ явленіяхъ своего міра... она слушала... морозъ пробѣгалъ по ея жиламъ; но это не мѣшало наслажденію — и притаивъ дыханіе, наслушавшись вдоволь этихъ пѣсень, насмотрѣвшись изъ-за двери на мѣсяцъ, который скользилъ по группѣ серебристыхъ облаковъ, лавируя и ныряя между ними какъ

живой, Ольга съ трепетомъ сердца прибѣгала въ дѣтскую... Ей казалось, что за ней гонится кто-то, и вѣтъ на нее злобѣщимъ холодомъ... Блѣднѣя отъ ужаса, но съ громкимъ смѣхомъ, бросалась она къ нянѣ и прятала головку въ ея фартукъ. Леночка же ужасно боялась темнаго корридора, и удивлялась храбрости сестры своей. Ольга наслѣдовала отъ матери пылкое воображеніе, соединенное съ замѣчательною мягкостію характера, и то, что мачиха называла «капризами», было не что иное какъ раннее проявленіе ума вѣрнаго и логическаго, а часто признакъ чувствительности, принимаемой въ ребенкѣ за своенравіе. Къ дѣтямъ приходила играть Пашенька (дочь наемнаго конторщика), къ которой чрезвычайно пристрастилась Ольга. Въ одно утро, когда она просила позвать Пашеньку, ей сказали, что она уѣхала далеко, въ Москву... вмѣстѣ съ своимъ папашей. Ольга залилась слезами и требовала возвращенія Пашеньки, ей отвѣчали, что это дѣло невозможное; она втрое больше расплакалась, несмотря на угрозы няни пожаловаться маменькѣ, если она не перестанетъ плакать.

— Я все буду плакать безъ Пашеньки, говорила малютка, — и маменька не можетъ мнѣ запретить плакать, я люблю Пашеньку!

— Какъ! маменька не можетъ вамъ запретить?

что́ это вы говорите, сударыня!... вотъ я скажу маменькѣ-то... извольте сей-часъ перестать!...

— Что тамъ такое за слезы? спросила Анна Васильевна, важно входя въ дѣтскую.

— Да вотъ Ольга Павловна, проговорила какъ бы нехотя няня, показывая рукой на расплакавшуюся дѣвочку.

— Опять капризы!... смотри!... вѣдь я накажу!... о чемъ она плачетъ? спросила она, обратясь къ нянѣ, которая стояла въ почтительномъ разстояніи отъ барыни.

— Да вотъ подай ей Пашеньку!...

— Пашенька уѣхала въ Москву, и никогда не воротится сюда! сказала Анна Васильевна Оленькѣ, въ видѣ утѣшенія: — а если ты не перестанешь плакать, то я скажу папашѣ... онъ оставитъ тебя безъ пирожного.

— Никогда не перестану плакать!... отвѣчала Ольга, неутѣшно рыдая: — приведите мнѣ Пашеньку!

— Говорятъ тебѣ, что она въ Москвѣ.

— Ну, такъ пустите меня въ Москву... я не хочу здѣсь жить безъ Пашеньки.

— Чтооо? проговорила на распѣвъ Анна Васильевна, озадаченная мятежными словами Ольги.

— Я люблю Пашеньку!...

— А въ углу любишь стоять?... видишь, какая буйная голова!...

Ольга продолжала горько плакать.

— Коли такъ, поди въ уголъ... да не смѣй хныкать на всю горницу!...

Ольга безпрекословно повиновалась этому приказанію и, прижавшись къ углу, заливалась тихими слезами.

— Полно-те, сударыня, какъ вамъ не стыдно!... сказала ей няня вполголоса, подойдя къ печальному ребенку, въ видѣ парламентаря.

— Отчего же, няня, тебѣ было не стыдно, когда ты плакала о своей внучкѣ? спросила Ольга прерывистымъ голоскомъ.

— То внучка!... совсѣмъ другое! а вы что это расплакались!... вонъ мамаша-то изволить сердиться!...

— Чтò такое? спросила Анна Васильевна, наморщивъ лобъ: — чтò тамъ еще она разсуждаетъ?... Няня! поди за Павломъ Ивановичемъ!... изъ рукъ вонъ, какая упрямая!...

Няня вышла за дверь и притаилась въ корридоръ.

— Приведите Пашеньку... я не стану плакать, пропищала, сквозь слезы, разогорченная дѣвочка.

— Вотъ папаша приведетъ тебѣ Пашеньку, пожди!... проговорила торжественно мачиха. Оля по-

няла что́ это значить, и плачь ея перешелъ въ судорожное рыданіе.

Въ это время прибѣжала въ дѣтскую Леночка, съ куклою въ рукѣ и съ огромнымъ яблокомъ.

— Вотъ посмотри на Леночку, она не плачетъ... умница Леночка! сказала мать, и чтобъ лучше убѣдить Оленьку, прибавила: — если ты перестанешь плакать, то я и тебѣ дамъ яблоко.

— Я не хочу яблока, отвѣчала печально Ольга.

— А не хочешь яблока, такъ стой въ углу! грозно сказала разобиженная мачиха.

Весь этотъ день Ольга была погружена въ глубокую горестъ; ничто не могло развлечь ее: ни новая игрушка на пружинѣ, ни яблоко, разрѣзанное Леночкою пополамъ, ни ласковыя убѣжденія няни, которая принесла цѣлое блюдечко меду, для подкрѣпленія своихъ краснорѣчивыхъ словъ. Замѣтивъ такую продолжительную печаль на личикѣ Ольги, Анна Васильевна сказала за чаемъ Павлу Ивановичу:

— Вотъ Оленька все капризничаетъ... цѣлое утро плакала... и теперь, посмотри, какая надутая сидитъ.

— Ай! ай! ай! не хорошо Оленька, сказалъ Павелъ Ивановичъ, качая головою: — любить никто не станетъ капризницу!...

Ольга вновь залилась горячими слезами.

— Вонъ, видишь, опять разрюмилась! замѣтила мачиха. — Право не знаю что съ нею дѣлать!...

— Оставь ее въ покоѣ, матушка! сказалъ шопотомъ Павелъ Ивановичъ женѣ своей, прихлебывая чай изъ стакана: — больной ребенокъ, такая же нервная какъ покойница.

— Совсѣмъ не больной, а упрямый ребенокъ, подхватила Анна Васильевна, покраснѣвши отъ негодованія. — Ты всѣхъ перебалуешь, Павелъ Ивановичъ, скоро мнѣ самой надо будетъ изъ дому бѣжать.

— Э! дѣлай что хочешь! воскликнулъ Павелъ Ивановичъ, махнувъ рукой, мнѣ некогда съ тобой толковать...

И выпивъ наскоро стаканъ чаю, онъ побѣждалъ толковать съ подрядчикомъ.

Анна Васильевна снова обратилась къ ребенку. Она цѣлый часъ билась, требуя повелительно, чтобъ Оленька просила прощенія. Перепуганная дѣвочка молчала...

— Просите же прощенія у маменьки! говорила няня, наклонившись къ ней: — скажите: никогда не буду, маменька! простите!

Но Ольга, которой притомъ смертельно хотѣлось спать, не понимая вины своей, не находя словъ къ

оправданію, робко потупила глаза и молчала... Ее душили слезы. Понятія ребенка путались. Анна Васильевна, не изъяснивъ ей ничего, повторяла только надъ ея головой свои угрозы! «Ты не хочешь повиниться!... не хочешь сказать: маменька, простите меня!... Такъ стой же!... я съ тобою справлюсь... ахъ! какая дурная дѣвочка! Видѣть тебя не хочу!... завтра же отправлю на скотный дворъ... и живи тамъ одна съ Лукерьей... фи!... какой стыдъ! и Леночку не пущу къ тебѣ...»

А няня твердила съ своей стороны надъ самымъ ухомъ ребенка:

— Ахъ какой срамъ! всѣ будутъ говорить, что барышня у скотницы... хуже деревенской дѣвочки!... какой-нибудь Аксютки!... Ну, говорите же скорѣе. маменька, никогда не буду, простите!... Цѣлуйте ручку у маменьки.

Бѣдная Оленька, которую все болѣе и болѣе одолевалъ сонъ, уже не въ силахъ будучи размышлять. ни даже разобрать что ей говорили, чувствуя себя стѣсненною со всѣхъ сторонъ, и совершенно беззащитною, начала плакать на взрыдъ; дыханіе ея сперлось, въ глазахъ потемнѣло, ручонки похолодѣли... у дѣвочки сдѣлался нервическій припадокъ, и она почти безъ чувствъ упала на руки няни. Испуганная няня, прижала ея головку къ себѣ и при-

говаривала, качаясь вмѣстѣ съ нею: «ну!.. ну!.. ну!.. полно!... перестань!... душечка!... у тебя будетъ головка болѣть!» Но Анна Васильевна, приписывая все это неслыханному упрямству, пожала плечами и прибавила, выходя изъ дѣтской, съ чувствомъ собственнаго достоинства и спокойной совѣсти:

— Я въ жизнь мою не видывала такой своенравной дѣвочки!... не смѣй никогда подходить ко мнѣ... я не люблю капризницъ!

Узнавши какъ-то случайно, что причиною горькихъ слезъ Ольги былъ отъѣздъ Пашеньки изъ Кармашевки, Павелъ Ивановичъ, на другой же день, приказалъ хорошенько нарядить и привести вверхъ Феню, дочь садовника, въ надеждѣ совершенно утѣшить Оленьку. Но Оленька, посмотрѣвъ съ презрѣніемъ на Феню, которая стояла какъ вкопаная посреди горницы и никакъ не хотѣла поднять головы, ствернулась, вопреки краснорѣчивымъ убѣжденіямъ няни, и сказала: «Это не Пашенька... я не хочу съ нею играть!...»

— Стыдно!... стыдно, барышня! повторила ужаснувшись няня. — Не все-ли равно? Пашенька, или Феничка!... и съ Феней можно играть...

— Я не люблю Фени, сказала Ольга, дико посматривая на озадаченную дворовую дѣвочку, мнѣ надо Пашеньку!...

— Вотъ опять стали капризничать!... я вѣдь маменькѣ скажу. Вонъ посмотрите, сестрица сейчасъ занялась съ Фенечкой.

Для Леночки, которая ни къ кому не привязывалась исключительно, все равно было играть съ тою или другою дѣвочкой, и она тотчасъ же принесла на показъ Фенѣ всѣ свои игрушки.

На другой день посѣтила Кармашевку Катерина Николаевна Ельцовская (бывшая искреннимъ другомъ покойной Елизаветы Александровны, матери Ольги), и на вопросъ: что Ольга? услышала, что она вчера и третьяго дня все капризничала, что однимъ словомъ — отъ нея житья нѣтъ.

И Анна Васильевна принялась разказывать... Ельцовская терпѣливо выслушала исчисленіе всѣхъ проступковъ Ольги; но мало полагаясь на успѣшность исправительной системы Анны Васильевны, желала поговорить сама съ ребенкомъ. Пробравшись въ дѣтскую какъ будто для того, чтобъ посмотреть новыя игрушки, которыя Павелъ Ивановичъ привезъ изъ Тулы, она посадила къ себѣ на колѣни Оленьку, и стала спрашивать, отчего она вчера капризничала.

— Я не капризничала, а плакала о Пашенькѣ, мнѣ ея жаль, отвѣчало дитя.

— Что жъ дѣлать, душенька! Пашенька не могла

одна оставаться здѣсь, когда ея маменька поѣхала въ Москву. Вѣдь ты никуда одна не пойдешь?...

— Не пойду!...

— Вотъ видишь! кто же виновать, что Пашенька уѣхала?...

— Да и я не виновата... сказала Ольга, размышляя: — за чтò жъ меня наказывали?

— Наказывали тебя за то, душенька, что ты не хотѣла перестать плакать, когда знала, что этимъ безпокоишь и огорчаешь маменьку.

— Развѣ я ее огорчаю? спросилъ ребенокъ, вникая все болѣе и болѣе въ смыслъ словъ Катерины Николаевны; дѣвочка очень любила ее.

— Да, конечно огорчаешь. Посмотри поди, какая она скучная, мамаша-то. Ты вчера не хотѣла просить у нея прощенія, а я видѣла нынче, что мамаша твоя плачетъ. Я спрашиваю: что вы, Анна Васильевна? А она говоритъ: это отъ того, что Оленька упрямилась весь день... Развѣ это хорошо, мой другъ?

Это было единственное средство примирить ребенка съ мачихою.

Дитя слушало эти слова, задумавшись и крѣпко размышляя.

— Ну, а если я стану просить прощенія?... спросила Оля, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.

— Тогда и мамашѣ и мнѣ будетъ пріятно.

— И у папаша мнѣ надо просить прощенія?...
вновь спросила Ольга, какъ бы теряясь въ недоумѣніи.

— А у папаша и еще больше: онъ хотѣлъ доставить тебѣ удовольствіе, нашелъ дѣвочку твоихъ лѣтъ и прислалъ къ тебѣ, а ты смотрѣла на нее изподлобья, и не хотѣла играть съ нею. Ты этимъ и папашѣ сдѣлала непріятность и бѣдной Феничкѣ.

— Такъ и у Фенички должно просить прощенія?
спросила Ольга, все болѣе и болѣе проникаясь врожденнымъ чувствомъ справедливости.

— И Феничку должна поцѣловать... тогда и она будетъ тебя любить, а теперь она думаетъ: «какая Оленька, не добрая!» — Вѣдь тебѣ жаль, что ты ее обидѣла?

— Жаль, отвѣчала Ольга, — я ее поцѣлую, когда она придетъ сюда.

— Пойдемъ же теперь къ мамашѣ!

И Ельцовская, совершенно довольная своимъ успѣхомъ, повела за ручку Ольгу прямо къ Аннѣ Васильевнѣ.

Анна Васильевна довольно хладнокровно посмотрѣла на дѣвочку, очень смиренно потупившую глазки, и сказала ей наставительно:

— Смотри же, не упрямясь въ другой разъ!...

Оленька поспѣшила поцѣловать руку, которую ма-

чиха протянула ей, и уже съ веселымъ личикомъ обратилась къ Ельцовской, прося ее позвать Феничку.

— Нѣтъ! прежде пойдемъ къ папашѣ, да попросимъ у него прощенія... сказала ласково Ельцовская.

— Ну пойдемте къ папашѣ, отвѣчала дѣвочка, взявши ее за руку.

Отыскали «папашу» на другомъ концѣ дома со сче-тами въ рукахъ, окруженнаго толпою мастеровыхъ. Дѣвочка, чувствуя инстинктивно, что отецъ нѣжнѣе любить ее, безъ робости подошла къ нему и изъявила свое раскаяніе. Отецъ улыбнулся, выслушивая малютку, приподнялъ ее съ полу и расцѣловалъ, надѣляя разными нѣжными именами.

Онъ любилъ Ольгу. Въ сердцѣ его осталось неизгладимое воспоминаніе о кроткой, милой матери ея, и это воспоминаніе, слившись съ привязанностію къ дочери, должно было бы оградить ее отъ всѣхъ опасностей и печалей; но сердце человѣческое такъ устроено, что недостатокъ характера затмѣваетъ наилучшія качества, и обращаетъ въ ничтожество самую возвышенную доброту.

— Какъ вы добры, Катерина Николаевна, что занимаетесь ею, сказалъ Павелъ Ивановичъ, пожавши дружески руку Ельцовской.

— Мудрено ли? вѣдь это дочь моей Лизы? отвѣ-

чала она, бросивъ на Ольгу взглядъ, оживленный чувствомъ.

Дѣвочка, съ улыбающимся лицомъ, ухватила за руку Ельцовой и, припрыгивая начала что-то болтать. Онѣ отправились обратно.

— Вотъ вѣдь какая, сказала Анна Васильевна Ельцовой, когда та воротилась къ ней, — вѣдь мнѣ никогда не покорится; а другіе дѣлай изъ нея, что хочешь.

Анна Васильевна думала, что вся вина на сторонѣ ребенка, ни сколько не подозрѣвая въ себѣ неспособности къ воспитанію.

Ольга очень живо помнила какъ послѣ этой сцены, она съ торжествующимъ лицомъ влетѣла въ диванную, ведя за руку Феню. Эта дѣвочка преглупо улыбалась, не спуская глазъ съ нарядной куклы, которую держала въ другой рукѣ. Обѣ онѣ добѣжали до половины комнаты, и остановились съ какою-то робостію и недоумѣніемъ.

— Вотъ теперь я довольна тобой! сказала Ельцовская, подходя къ Оленькѣ: — поцѣлуй меня, дитя!

Дѣвочка съ довѣрчивостію протянула къ ней свои алыя губки.

— Феня! кто тебѣ подарилъ куклу? спросила Ельцовская у дѣвочки.

Феня смѣшалась, потупилась, и вмѣсто отвѣта

украдкой взглянула на Ольгу, раскраснѣвшуюся отъ удовольствія.

— Вотъ это хорошо! продолжала Ельцовская: — вчера ты обидѣла Феню, а нынче подарила ей куклу это значитъ, что ты доброе дитя!...

— Э! полно-те вы съ ними, Катерина Николаевна! сказала Анна Васильевна, и пустилась въ разсужденіе о кисеѣ, образцы которой на дняхъ прислали ей изъ города.

Дѣвочки убѣжали въ садъ, и тамъ скоро забыли свое горе...

Тутъ воспоминанія Ольги, внезапно стушевались... Она нѣсколько минутъ не могла ничего пояснить себѣ опредѣлительно; но вдругъ, посреди этихъ полутѣней, ярко представилась ей бабушка, грустная, вся въ черномъ, высокаго роста, ласковая бабушка — она такъ любила Ольгу!... а вслѣдъ за ней и няня, добрая няня, съ пресердитымъ лицомъ, худощавая небольшая старушка... Наконецъ ей показалось, что она бѣгаетъ одна одиухонька въ дубовой рощѣ, которая вдаль виднѣлась съ балкона, а ей на встрѣчу престрашный Филать истопникъ, бывшій пугаломъ бѣдныхъ дѣтей. Онъ заговорилъ толстымъ голосомъ: «Что вы, барышня, бѣгаете тутъ!» Она такъ и обмерла, руки опустились... земляника посыпалась изъ корзиночки...

Потомъ вдругъ опомнилась Ольга... бросила взглядъ кругомъ себя, видитъ, что она уже большая, и никого нѣтъ подлѣ нея... Вѣтеръ пробѣжалъ по деревьямъ, запищала птичка въ травѣ, всплеснулось море, зарябилось оно, словно усыпанное золотыми блестками, пахнуло ей въ лицо душистою акаціей... Она вспомнила, что далеко Кармашевка, ей стало жаль Кармашевки!... Есть души, которыя привязываются наиболѣе къ мѣстамъ, бывшимъ свидѣтелями ихъ страданій. Этотъ большой домъ снова нарисовался въ ея воображеніи. Могильная тишина, безотрадное однообразіе, безотчетный страхъ, внушаемый мачихою всему народонаселенію Кармашевки, не выключая даже и Елены, все это почувствовала она такъ живо, что по тѣлу ея пробѣжала дрожь.

— О!... охъ!... моя голубушка! говорила ей няня, покачивая головою: — послѣ маменьки, осталась ты шести недѣль сиротою; бывало, Богу-то молюсь о тебѣ... вотъ и выросила красавицу, умницу, да что радости-то!... Эхъ! Богъ съ ними, папенька-то на комъ женился! и году не прошло послѣ Елизаветы Александровны!... не грѣхъ-ли ему!

— Полно няня, что ты?

Няня примолкла, опустила голову, и какъ будто

молилась. Потомъ заговорила опять глухимъ старческимъ голосомъ :

— Душа у меня болитъ... Богъ видитъ!... такъ и ноетъ, барышня, какъ погляжу, какъ имѣніе-то размытарили... какихъ управителей-то нанимаютъ!... да какіе счета-то подають!... Васька мой намедни говоритъ... ну, да, что!... вещь видимая. Боюсь, сокровище мое, безъ куска хлѣба останешься. Оно все будетъ незамѣтно, все щеголять будете; а тамъ проснешься, а тебѣ скажутъ, что дескать у тебя ничего нѣтъ. Вотъ тебѣ Богъ, а вотъ порогъ, иди съ сумой по свѣту... Охъ! страшно, дитя, за тебя! ты подумай о себѣ!... вѣдь ты здѣсь послѣдняя спица въ колесницѣ.

— Что же я могу, няня!

— Охъ! родная... не знаю!... Молись Богу!

— Ахъ! няня! няня!... оставь меня! мнѣ и такъ грустно!

Сердце Ольги сдавилось подъ тяжелымъ бременемъ этихъ воспоминаній; она напрасно гонитъ ихъ отъ себя, все передъ ней няня сморщенная, желтая, печальная старушка... Вотъ мертвая тишина водворилась въ домѣ, вслѣдствіе бурной сцены между мужемъ и женою, — сцены, случившейся по поводу пережареной курицы. Никто не смѣетъ шевельнуться. Анна Васильевна заперлась въ своей

комнатъ. Павелъ Ивановичъ, трагически хлопнувъ дверью, ушелъ къ себѣ.

— Ну опять стихъ нашелъ! шепчетъ няня грустно подгорюнившись, въ то время какъ Ольга трепетно ожидаетъ новаго взрыва.

Въ самомъ дѣлѣ... подошло время вечерняго чая.

— Гдѣ же она? спрашиваетъ запальчиво Павелъ Ивановичъ.

— Маменька нездорова!... отвѣчаетъ робкимъ голосомъ Ольга.

Елена старается не показываться на глаза.

— Какъ не здорова!... вздоръ какой!... восклицаетъ внѣ себя Павелъ Ивановичъ. — Это одни капризы!... Я хочу, чтобъ она вышла!... Слышите ли? Я хочу этого!

Боже мой! что дѣлать? Дочери бросаются къ двери Анны Васильевны... умоляютъ ее... плачутъ... Анна Васильевна долго ломается... Наконецъ отворяется дверь... она выходитъ съ опухшими глазами. При взглядѣ на нее у Павла Ивановича опять разыгрывается желчь, Ольга и Елена хотятъ ускользнуть изъ комнаты.

— Ахъ, не уходите, дѣти! не оставляйте меня! восклицаетъ Анна Васильевна, падая въ обморокъ.

Всѣ засуетились. Павелъ Ивановичъ переходитъ мгновенно отъ гнѣва къ раскаянію.

— Я убилъ ее!... Я ее убилъ!... твердитъ онъ, подбѣгая къ женѣ съ видомъ непритворнаго отчаянія. — Дѣти! скажите мнѣ, что съ ней!

Но Анна Васильевна открываетъ глаза и слабымъ голосомъ велитъ нести себя въ спальню на постель.

Какая ночь для бѣдныхъ дѣвушекъ! Павелъ Ивановичъ такъ взволновался, что не можетъ успокоиться вплоть до разсвѣта. Ольга должна сидѣть подлѣ него и утѣшать... Онъ въ свою очередь умираетъ!... На него находитъ хандра, чуть не бѣлая горячка!... Испуганная, истерзанная дѣвочка, не знаетъ что ей дѣлать!

Такъ проходитъ дня два... Никто не спитъ и не ѣстъ въ цѣломъ домѣ, начиная съ господъ. Наконецъ настаетъ блаженная минута примиренія. Павелъ Ивановичъ все забываетъ, поцѣловавъ руку у жены; но Анна Васильевна злопамятна... она очень долго дуется на него и на весь міръ... Бѣда, если въ это время провинится кто-нибудь изъ людей!... Тутъ ужъ всѣ дрожать!... Она холодно смотритъ на окружающихъ и вымещаетъ на всѣхъ свое неудовольствіе. Спросите, каково тѣмъ, которые подпали подъ ея гнѣвъ, въ подобную минуту!... а пріѣдутъ гости, Анна Васильевна, какъ ни въ чемъ не бывало, все также румяна, здорова и спокойна... Павелъ Ивановичъ отправляется съ сосѣдями на охоту... Проходятъ недѣли

двѣ довольно мирно; но дочери каждое утро просыпаются съ какимъ-то тревожнымъ чувствомъ... онѣ со страхомъ прислушиваются къ малѣйшему шороху... все пугаетъ ихъ!... Жизнь ихъ походить на пытку... Характеръ ихъ съ каждымъ днемъ становится грустнѣе и молчаливѣе. Но вотъ еще новое горе: добрая няня умираетъ на рукахъ Ольги... Ольга читаетъ отходную и закрываетъ ей глаза. Эта преданная душа оставляетъ ее. Ельцовской тоже давно нѣтъ на свѣтѣ...

Все холодно вокругъ Ольги. О! страшно! страшно! кто утѣшить ее... куда бѣжать? мысли ея путаются... Чу!... слышался голосъ мачихи!... Ольга поблѣднѣла... Анна Васильевна приказываетъ выбросить всѣ ея картинки за окно.

— Что за прихоть!... что за пачкотня! кричитъ она: — терпѣть не могу я этого духа!... по всему дому воняетъ скипидаромъ... Рисовать!... давай ей рисовать!... это одно баловство!... на что это?

— Помилуй матушка! что тебѣ мѣшаетъ ея рисованье! говоритъ Павелъ Ивановичъ, стараясь урезонить жену: — пусть ее занимается!...

— Вѣдь ты вѣчный баловникъ, батюшка! въ дѣтствѣ еще посадилъ ее себѣ на голову. Ну скажи, прилично ли дѣвушка въ воспитанной поймать гдѣ-ни-

будь мужика съ огромною бородищей, и рисовать съ него портретъ?

— Ну полно, полно!

Пошла исторія... шумъ, споръ, весь домъ вверхъ дномъ. Ольга бѣжитъ въ садъ, и тамъ, прижавшись къ старой липѣ, въ страхъ и трепетъ ждетъ, чѣмъ все это кончится. Несмотря на второстепенную роль, которую играла Ольга въ своемъ семействѣ, она рѣшилась никакъ не поддаваться махихъ въ томъ, что было наиболее близко ея сердцу. Изъ всѣхъ сокровищъ, она спасала только талантъ свой, служившій ей опорой и утѣшеніемъ.

Жизнь становилась день ото дня сжатѣе и грустнѣе въ Кармашевкѣ. Павелъ Ивановичъ по цѣлымъ суткамъ пропадалъ на охотѣ, заѣзжалъ въ гости къ людямъ, у которыхъ скучалъ; проигрывалъ по цѣлымъ ночамъ въ карты, какъ человѣкъ, который не знаетъ чѣмъ убить время. Домъ все болѣе и болѣе пустѣлъ. Анна Васильевна не умѣла поддерживать знакомства; она облѣнилась и по природѣ своей удалялась отъ людей, которые были образованнѣе ея. Вдова бывшего почтмейстера, приходская попадья, отставная просвирня, да теща станового, вотъ что окружало ее. Эти барыни льстили ей и угождали не хуже иныхъ придворныхъ. Она, разряженная, сидѣла посреди нихъ какъ царица и

милостиво раздавала имъ свои старые салоны и платки. Дочери, по большей части, были однѣ, и она не желала знать, чѣмъ онѣ занимаются. Лёля, балованная дочка, обращалась съ ней не очень почитительно и не очень нѣжно; за то падчерица, которая по природѣ своей была молчалива, преклоняла голову подъ гнетомъ ея деспотизма. Она отдала себя на волю Божію, и ничего не ожидала въ будущемъ. Однакожь, это не прошло ей даромъ; здоровье ея съ каждымъ днемъ ослабѣвало, наконецъ у ней открылась сильная нервная болѣзнь. Но молодость взяла свое, она ожила, она опять увидѣла солнце, зелень, природу, и залилась слезами.

Даже Лёля, баловень, безпечная натура, съ крѣпкими нервами и счастливою организаціей, и она чувствовала припадки непобѣдимой тоски. Единственною отрадой Ольги были мечты ея сильнаго воображенія. Она любила по цѣлымъ днямъ бродить въ рощѣ, утомившись садилась и срисовывала развѣсистую иву, полуразрушенную избушку, наклонившуюся надъ оврагомъ, записывала какую-нибудь мысль, слагала нѣсколько римъ, создавала въ своемъ воображеніи физіономію, характеръ человѣка, страстно любила его, жертвовала ему всѣмъ на свѣтѣ, спасала ему жизнь, и ничего болѣе не требовала отъ него, кромѣ одного ласковаго взгляда... Когда она возвращалась

домой, то мачиха важно окинувъ ее глазами, говорила обыкновенно.

— Вотъ чудиха! сидить одна въ лѣсу! — Это просто сумасшествіе!...

Но Ольга не обижалась ея заключеніями, и была счастлива, если мачиха только насмѣхалась надъ ней. Были минуты, когда Анна Васильевна рѣшительно возставала противъ живописи. Не понятно, отчего она такъ возненавидѣла это искусство; въ этомъ капризѣ было что-то болѣзненное. Она хотѣла, что называется, переломить свою падчерицу, но никакъ не успѣвала въ этомъ. Ольга, уступивъ ей всѣ права свои, не по безхарактерности, но по равнодушію къ богатству, по незнанію дѣйствительной жизни, отъ которой она удалялась съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, — Ольга оставалась непреклонною только въ этомъ случаѣ. Она твердо и геройски отстаивала свой талантъ. Это была горячая, вседневная борьба, стоившая многихъ слезъ и болѣзней бѣдной дѣвушкѣ.

— Брось ты свои кисти и краски, говорила ей сестра, — онѣ сведутъ тебя въ могилу.

— Невозможно, Лёля. Это моя жизнь, моя любовь! Безъ этого я сойду съ ума... не знаю, понятно ли тебѣ это?

— О! какъ нельзя больше, моя бѣдная Ольга! отвѣчала съ глубокимъ вздохомъ Елена: — и я завидую

можетъ-быть тебѣ! Хорошо любить, что бы то ни было!... Я ничего не люблю... меня грызетъ скука, меня душитъ она. Неужели мы на всю жизнь заключены въ этомъ прелестномъ, заколдованномъ замкѣ? Я бы желала угадать, чѣмъ все это кончится! Не знаю, какъ ты Ольга, но я вовсе не создана для этой созерцательной жизни молящихся дервишей... Я умираю безъ дѣятельности, я сойду съ ума... непременно сойду съ ума... ты увидишь!... Послушай, сестра!... тогда ты отвези меня въ Лондонъ, тамъ, говорятъ, отлично устроенъ домъ сумасшедшихъ.

— Полно вздоръ говорить, Лёля!...

— Нѣтъ не вздоръ!... развѣ маменька сумѣетъ насъ выдать замужъ?...

— Я не пойду замужъ, сказала задумчиво Ольга!

— Вотъ какая безсмыслица!... Неужели ты думаешь вѣкъ прожить въ Кармашевкѣ? Прелестная будущность!... Нѣтъ! мнѣ нуженъ свѣтъ, свобода, разнообразіе, движеніе... я хочу, чтобъ меня знали люди, похожіе на людей. Кого мы видимъ здѣсь?... Не для того же я получила воспитаніе, чтобы въ одинъ прекрасный день, выйти за становаго, который къ намъ ѣздитъ съ бумагами. А у насъ кого порядочно принять умѣютъ? Помнишь прошлаго года пріѣзжалъ къ намъ раза два князь Григорій Кромскій, очень образованный человѣкъ... да съ тѣхъ поръ и не бы-

ваетъ, какъ въ его присутствіи разыгралась трагикомическая, семейная сцена... Да и кому же охота, въ самомъ дѣлѣ!... Ужасное положеніе!... Тебя по крайней мѣрѣ занимаетъ живопись, а я рѣшительно погибаю!...

— Да, я съ нѣкоторыхъ поръ замѣчаю, Лёля, что подъ твоею безпечною веселостію кроется что-то грустное.

— Я становлюсь эгоисткой... грустно произнесла Елена. Ольга вздохнула, выпустивъ руку Лёли.

— Полночницы!... сумасбродныя!... долго-ли вамъ таскаться по этой сырости? закричала Анна Васильевна, высовываясь въ окно.

Дѣвушки вздрогнули, прижавшись другъ къ другу.

— Пойдемъ! сказала Елена, ускоряя шаги.

— Какъ жаль разстаться съ этою ночью! шептала Ольга, бросивъ прощальный взглядъ на темносинее небо, усѣянное звѣздами.

— Ахъ, милая! мнѣ, признаюсь, не до звѣздъ, не до ночи, говорила Елена, едва сдерживая слезы, — грустно, безотрадно такое безвыходное положеніе... На кого ты надѣешься, Ольга?

— На Бога.

Елена вздохнула и не сказала на это ни слова. Калитка захлопнулась за ними, онѣ разстались.

Ольга не забыла этой бессонной ночи, когда живѣе чѣмъ когда-либо представилась ей странная судьба ея.

Эта богатая наслѣдница, такъ мало пользовавшаяся своимъ богатствомъ, что, несмотря на тысячу душъ, которыя достались ей отъ матери, не имѣла рубля, чтобъ помочь бѣдному, завидовала Машенькѣ Зельницкой, у которой ничего не было, кромѣ неисощимаго запаса веселости, хорошенькаго, свѣженькаго личика и полной свободы... Машенька была круглая сирота безъ пристанища, безъ куска хлѣба, и жила изъ милости у какой-то бабушки, которая приходилась ей, какъ говорится, седьмая вода на киселѣ.

Онѣ познакомились съ Машей, еще въ дѣтствѣ, но въ послѣдствіи разстались потому, что ее отдали въ институтъ на три года, и потомъ встрѣтились уже молодыми дѣвушками. Какое было счастье, какая радость, когда онѣ узнали, что Машенька въ десяти верстахъ отъ Кармашевки!... Ждали, ждали ее съ нетерпѣніемъ, наконецъ, завидя экипажъ въ концѣ аллеи, выбѣжали на крыльцо встрѣчать Машу. Тутъ и смѣхъ, и слезы, и горячія объятія!... Машенька прыгала какъ сумашедшая, вбѣжавши въ комнату Ольги. Посыпались разные вопросы, восклицанія!... Все говорили вдругъ, некому было отвѣчать... Маша хотѣла все видѣть, все узнать въ одну минуту...

— Ахъ, Маша! какъ ты похорошѣла!... восклицала радостно добрая Ольга: — посмотри на меня!...

— Ну, что за вздоръ! похорошѣла!... покажи лучше свою шляпку... какая-то нынче мода въ Москвѣ?...

— Объ этомъ спроси лучше Лёлю...

— Ну, такъ покажи мнѣ скорѣй свои рисунки, Оля! Гдѣ они у тебя? Вотъ не въ этомъ ли портфель?...

— Оставь, Маша! когда-нибудь покажу... Расскажи намъ лучше, что ты дѣлаешь у бабушки?

— Ровно ничего... Ахъ! Оленька, я не могу на тебѣ смотрѣть!... какъ ты худа и блѣдна!... больна была, что ли?

— Да, знаешь, нервы, говоритъ докторъ.

— Развѣ ты вѣришь нервамъ!... воскликнула Маша съ комическимъ ужасомъ: — помилуй, душечка Ольга! я прихожу въ ужасъ отъ одного слова: нервы! у меня вопервыхъ ихъ нѣтъ, ну, рѣшительно нѣтъ!... а къ тому же моя тетушка Alexandrine до того мнѣ надоѣла съ своими нервами, что я готова...

— Не шути, Маша, нервами! перервала Елена: — это великое открытіе нашего времени, которымъ поясняются всѣ въ мірѣ горести и несчастія. Это, говорятъ, ничего, нервы! пройдетъ! тоска, без-

сонница, грустное расположение духа! Докторъ сказалъ, что это не опасно; родители совершенно спокойны насчетъ милой дочери... это нервы! зачѣмъ мѣнять образъ жизни! вѣдь нервы не опасная болѣзнь, пройдетъ когда-нибудь само собой.

— Полно, Леля! сказала Ольга съ оттѣнкомъ нетерпѣнія. — Ну, скажи мнѣ, милая Маша! чтожъ твоя бабушка, въ какомъ родѣ?

— Кажется, добрая старушка, не затѣйливая, любитъ чаекъ, карточки, только ненавидитъ музыку. Я ее умоляла купить мнѣ фортепіано, а она говоритъ: «Что ты, Машенька, Богъ съ тобой! да это всю голову мнѣ простучить»... Скажите, mesdames, есть у васъ сосѣди, чтобъ этакъ любили чтеніе, музыку?...

— Есть, говорятъ, но мы, у нихъ не бываемъ; маменька говоритъ: далеко ѣздить.

— Ну, а близкіе сосѣди?

— Близкіе? какъ тебѣ сказать? Собакевичъ, Маниловъ, Мг et Mme Чичиковъ... вѣдь онъ женился и очень счастливо!... прибавила Елена.

— Прекрасно!... А рѣгорос: нѣтъ-ли чего почитать, Лёля? У бабушки «Путь ко спасенію» доводитъ меня до отчаянія, я прочла его разъ десять вслухъ, у бабушки бессонница... я тоже не сплю

по ночамъ, а вчера задремала, игравши въ *тентере*?... и мнѣ досталось немножко...

— Бѣдная!... да что такое *тентере*?

— Карточная игра — прескучная, все счетъ да счетъ, а я никогда не любила считать.

— Какъ же это, Маша? ты должна играть въ карты? сказала Ольга: — да отъ этого можно сойти съ ума.

— Я и такъ ужъ, кажется, помѣшалась. Вчера сидѣла у насъ Прасковья Гавриловна, да Евдокимъ Назаровичъ... знаете, старикъ засѣдатель, который такъ громко чихаетъ, что я вздрагиваю. У Прасковьи Гавриловны на чепчикѣ волчьи ягоды... Ну, вообразите, *mesdames*, *вольчи ягоды*!... Я смотрѣла, смотрѣла на нее, да такъ глупо, такъ бессмысленно расхохоталась, особливо когда засѣдатель скрыпнулъ табакеркой... Я такъ хохотала, такъ хохотала!...

— Бабушка, я думаю, разсердилась?

— Ужасно! Прочла мнѣ престрогую рѣчь объ уваженіи къ старшимъ. Я расплакалась... Бабушка приписала это силѣ своего краснорѣчія и приказала подать варенья. А право бабушка предобрая старушка!.. я ее люблю.

— Ахъ, Маша! неужели такимъ образомъ ты

проведешь весь вѣкъ и состарѣешься между Евдокимомъ Назаровичемъ и Прасковьей Гавриловной! воскликнула Елена, пораженная легкостію, съ какою Маша описывала свое положеніе. — На что дано тебѣ воспитаніе? скажи ради Бога! какже жить безъ фортепіано?

— Проживу какъ-нибудь! отвѣчала Маша съ наивностью, въ которой, однакожь, было что-то и грустное.

— Отпросись къ намъ на недѣльку! сказала Ольга, обхвативъ талію Маши и ласково взглянувъ ей въ лице.

— На недѣльку! нѣтъ, бабушка не пуститъ. Это слишкомъ долго. Кто жь будетъ ей читать «Путь ко спасенію»? Этакъ пожалуй и не спасешься. Нѣтъ, шутки въ сторону, мнѣ самой жаль оставить надолго мою старушку; ей скучно, она такая добрая!

По окончаніи курса въ московскомъ институтѣ, Машеньку взяла къ себѣ ближайшая ея родственница, двоюродная тетка, которая давно уже вдовѣла, но нравилась еще недавно; и потому крѣпко призадумалась, прислушиваясь къ хору похвалъ, гремѣвшему повсюду при появленіи ея хорошенькой племянницы. На бѣду, Машенька вдругъ совершенно не ожиданно похорошѣла въ семнадцать лѣтъ.

Ну, куда ей дѣться, круглой сиротѣ? Бѣда, да и только! Молодая вдовушка къ ней холодна; другая тетушка, у которой три взрослые дочери, и не смотритъ на нее, говоритъ: «кокетка»; въ гувернантки никто не беретъ ее, говорятъ: молода! Состоянія рѣшительно никакого нѣтъ, а между тѣмъ она всѣмъ нравится. Одинъ красивый гвардеецъ, лучшій кавалеръ на балѣ протанцовалъ съ ней три мазурки сряду. Тетушка Alexandrine сказала вслѣдствіе этого, какъ будто мимоходомъ, что состояніе ея не позволяетъ ей наряжать племянницу и вывозить въ свѣтъ... Маша ушла въ свою комнату и проплакала весь вечеръ. Около этого времени, модная тетушка, развывая передъ зеркаломъ свои черные волосы, получила отъ своей свекрови, старой провинціалки, письмо слѣдующаго содержанія:

«Отыщи мнѣ, Сашенька, въ Москвѣ компаньйонку «не дорогую, до смерти скучно одной: стара становлюсь. Все думаешь, какъ умрешь, люди все «раскрадутъ; они у меня такіе мошенники, такіе «избалованные, грозы нѣтъ надъ ними никакой! Ну, «то-ли дѣло, какъ благородная дѣвица или вдова, «подлѣ тебя, оно все какъ-то лучше, особенно те- «перь длинные вечера, я плохо вижу»...

Само собою разумѣется, что тетушка Alexandrine очень тонко предложила Машенькѣ погостить у Марѣы

Алексѣевны, которую расхвалила до небесъ въ первый разъ въ жизни; а Маша, сильно скучавшая въ Москвѣ, съ тѣхъ поръ, какъ тетушка Alexandre стала находить тысячу предлоговъ оставлять ее дома, въ то время, какъ сама порхала по баламъ и концертамъ, — была рада радехонька какой-нибудь переменѣ, и потому безъ всякихъ разсужденій согласилась на предложеніе тетки и отправилась въ деревню. Случилось, что по сосѣдству этой деревни жили Еладыны, съ которыми Маша подружилась еще въ дѣтствѣ. Надо ли прибавлять, что въ послѣдствіи уединеніе и горе сблизило ихъ еще болѣе, и онѣ стали какъ сестры? Маша особенно привязалась къ доброй Ольгѣ. Елена, часто была для нея непонятна.

Но вскорѣ... Богъ знаетъ, какъ это случилось! у Павла Ивановича «завсегда семь сорокъ на одномъ суку скачетъ» говорила Арина Тимоѣевна, отставная просвирня, большая фаворитка Анны Васильевны. Такъ ужъ не извѣстно почему и зачѣмъ, но Павлу Ивановичу вдругъ пришла фантазія ѣхать въ Одессу. Тамъ дешевле жить, а онъ принялъ твердое намѣреніе сдѣлаться экономнымъ! Тамъ морскія купанья, а у него застарѣлый ревматизмъ въ ногѣ... тамъ наконецъ... да тамъ тысячу удобствъ, миліонъ развлеченій! Что за общество! прелесть!

Да это рай!... просто рай! Надо же дочерямъ показать свѣтъ!

— Полно, Павелъ Ивановичъ, какъ можно такую даль тащиться! и зачѣмъ, Богъ знаетъ, говорила Анна Васильевна.

Но Павелъ Ивановичъ началъ шумѣть; долго спорили они, говорили другъ другу колкости, но кончилось все-таки тѣмъ, что Павелъ Ивановичъ поставилъ на своемъ. Какъ это случилось, Богъ знаетъ!... всего на свѣтѣ не растолкуешь. Взялъ да и поѣхалъ, какъ истинно русскій человѣкъ. Что было слезъ! Маша рыдала, крѣпко ухватившись за шею Ольги.

— Ну, что расплакались? сказала Елена, которая земли подъ собой не чувствовала отъ радости, что ѣдетъ въ Одессу.

— Ахъ, Лёля! ты очень счастлива, что такъ благоразумна!... а намъ грустно разставаться.

— Грустно и мнѣ... отвѣчала Елена, а я, все-таки не плачу.

Маша бросилась обнимать и Лёлю. Но Леля лгала, ей было весело. Ольга замѣтила это, хотя и не сказала ни слова.

Наконецъ карета двинулась... Маша долго смотрѣла имъ вслѣдъ, и махала платкомъ съ балкона. Наконецъ все исчезло, и крыша дома, и роща, и

крестъ церкви, который долго свѣтился издали. Вотъ и большая дорога... скачетъ во весь духъ какая-то тройка, сидитъ военный, курить трубку; тянутся обозы; мелькаютъ деревни, церкви... Все кончено!... прощай Кармашевка! что-то будетъ!... Грустно Ольгѣ, она закрыла глаза платкомъ.

— Вотъ, нечего тебѣ дѣлать, милая! сказала улыбаясь Елена.

Эта холодность еще пуще сжала сердце молодой дѣвушки, еще сильнѣе почувствовала она свое одиночество. Анна Васильевна дремала, прислонясь къ подушкѣ. Павелъ Ивановичъ курилъ сигару и машинально смотрѣлъ въ окно. Вотъ наконецъ пріѣхали. Сбылись ли всѣ мечты? заговорило ли сердце въ пользу Одессы? Обѣ-сестры оживились. Елена старалась понять свѣтъ и приноровиться къ нему. Ольга плѣнялась природой, быть-можетъ въ смутномъ ожиданіи другихъ впечатлѣній...

III.

Вотъ уже нѣсколько дней, какъ Еладыны перѣхали на хуторъ, который отдѣляли на свой счетъ, и изъ простыхъ каменныхъ стѣнъ довольно сыраго домика вышелъ прекомфортабельный лѣтній пріютъ, со всѣми необходимыми причудами. Чего не сдѣлаешь съ деньгами! говорятъ, даже и человѣкъ становится умнѣе... но я не выдаю этого за вѣрное. Ольгѣ такъ хорошо въ Одессѣ, что даже и не спится... Она встала чѣмъ свѣтъ; весь домъ предавался покою, а она уже была подъ открытымъ небомъ, любуясь прозрачностію воздуха, тишиною моря, омывающаго крутой берегъ, вдыхая утреннюю душистую свѣжесть, и чувствуя какое-то нравственное перерожденіе...

Помню я первое пробужденіе сердца, когда оно, не терпѣливо вырвавшись изъ тѣсныхъ оковъ, беззаботно влекло меня къ жизни на крыльяхъ пламенной мечты! Ничто не казалось мнѣ не доступнымъ, ничто не пугало меня — ни высота, ни разстояніе, ни сила. Все было легко, все улыбалось мнѣ съ высоты, и

мысль моя мгновенно достигала небесныхъ предѣловъ. О! горе тому, кто пересталъ быть поэтомъ!... Разъ какъ-то Ольга услышала въ темнотѣ сада, въ разговорѣ, долетавшемъ до нея отрывками, звуки незнакомаго ей голоса, которые потомъ долго преслѣдовали ея воображеніе. Кто онъ? думала она, увижу ли его когда-нибудь? и ей чудилось, что она вновь слышитъ этотъ мягкій томительно-задушевный голосъ.

Сердце Ольги бьется въ какомъ-то упоительномъ волненіи; она опустилась на скамейку, отбненную роскошными вѣтвями бѣлой акаціи, прислонила голову къ дереву, теряясь душою и взоромъ въ необъятномъ пространствѣ моря, слившагося съ небесною лазурью. У ногъ ея, несмотря на тишину воздуха, шумѣла игривая волна, и бѣгала безъ устали около берега, какъ-бы пробуя вывести изъ терпѣнія огромные камни, на которые шумно взметывала брызги серебристой пѣны. Тамъ и сямъ показывались бѣлые паруса, мелькали параходы и рыбацьи лодочки; море искрилось, блестѣло подъ веслами всѣми огнями радуги и потомъ опять принимало зеркальный видъ; грозная стихія предавалась своему поэтическому отдыху со всею привлекательною нѣгою прелестной женщины... Ольга наслаждалась и жила посреди этой природы, облитой яркими лучами солнца, природы одушевленной, игривой, разнообразной!

— Ольга! гдѣ ты это? раздалось вдругъ позади нея. Она вздрогнула какъ преступница; то былъ знакомый, рѣзкій голосъ Анны Васильевны. — Да гдѣ ты это, матушка, пропадаешь? продолжала мачиха, разводя руками: — что это въ самомъ дѣлѣ за безпорядки такіе! вскочила ни свѣтъ, ни заря, забралась Богъ знаетъ куда и ничего не слышитъ! Я тебя цѣлый часъ кличу: отецъ давно всталъ, ждетъ чаю, и сердится.

Бѣдная Ольга робко смотрѣла на мачиху, не зная, что сказать въ оправданіе; щеки ея зарумянились отъ внутренняго волненія, она едва внятно шептала:

— Ахъ, маменька! я не знала! я сей-часъ иду! Черезъ нѣсколько минутъ она уже сидѣла на балконѣ передъ самоваромъ.

Павелъ Ивановичъ былъ не въ духѣ, ему не понравился чай; ему мѣшало солнце; онъ, послѣ вчерашняго дождя, промочилъ ноги, и морщился, чувствуя боль въ колѣнкѣ; а тутъ управитель не шлетъ ни гроша изъ деревни, и пишетъ о разныхъ нестройствахъ въ имѣніи. Павелъ Ивановичъ не знаетъ гдѣ ему достать денегъ.

Окончивши возню съ чаемъ, Ольга воспользовалась первымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ уйти къ сестрѣ. Елена только - что проснулась. Прекрасное лицо ея

дышало дѣтскою свѣжестью; она сидѣла передъ зеркаломъ, и то завивала на палецъ, то развивала свои бѣлокурые съ золотымъ отливомъ локоны; вокругъ нея разметаны были въ беспорядкѣ наряды: газъ, ленты всевозможныхъ цвѣтовъ, а на колѣнахъ лѣниво покоилась крошечная собачка, съ которою она заигрывала по временамъ. Вошла Ольга, и Лёля весело протянула ей руку.

— Какъ кстати, душа моя! сказала она: — я сейчасъ хотѣла послать за тобою; рѣши, пожалуйста, что лучше ко мнѣ идетъ — голубое, бѣлое или... это?... У! воскликнула она, устремивъ глаза на сестру: — какой ты нынче смотришь философкой въ этой сѣрой блузѣ!... въ тебя влюбился бы самъ Діогенъ и вѣрно бы предложилъ свою бочку и сердце...

Ольга улыбнулась, и принялась расчесывать длинные волосы Елены.

— Да скажи мнѣ, однакожь, куда ты собираешься, Лёля? спросила Ольга, взбивая пышные локоны сестры. — Мнѣ такъ скучно! маменька все утро пресердитая; папенька тоже чѣмъ-то кажется очень недоволенъ. Того и смотри разразится буря надъ головой...

— Э! полно, милая, заниматься такими пустяками! прервала Леночка, почти шутливо, — развѣ ты еще не привыкла къ ихъ спорамъ? неужели тебѣ

до сихъ поръ въ диковинку эти домашнія бури въ стаканъ воды? удивляюсь!... Сначала, это правда, я страдала отъ нихъ, но теперь мнѣ все равно!...

— Есть мысли однакожь, съ которыми никогда нельзя примириться, тихо проговорила Ольга.

— Сущій вздоръ, душа моя! Это фраза изъ романа, и больше ничего! надобно только холоднѣе смотрѣть на жизнь и болѣе думать о себѣ, повѣрь мнѣ! Посмотри, на что ты становишься похожа!... а была такая хорошенькая! перестань, ради Бога, прислушиваться съ трепетомъ къ каждому *ихъ* слову, плакать, огорчаться, и ты опять похорошѣешь. О! я бы дорого дала, чтобъ имѣть такіе прекрасные, черные глаза, какъ твои!... только зачѣмъ ты смотришь такъ грустно, зачѣмъ бѣгаешь отъ людей, какъ отшельница? Маменька и такъ всѣмъ твердитъ, что ты больна, чтобъ удалять отъ тебя жениховъ.

— Что за дѣло до этого маменькѣ-то? Она кажется не принимаетъ во мнѣ большаго участія...

— Какой ты ребенокъ, Ольга!... Нѣтъ! я вижу, что твой Шиллеръ и Байронъ ничему тебя не научили!

— Оставь меня въ покоѣ, и скажи лучше, куда ты собираешься сегодня? Я вижу у тебя есть планы...

— Разумѣется... Ты одна живешь, не думая ни

о чемъ, какъ птичка Божія; а мы всѣ простыя смертныя, хотимъ пользоваться молодостію, любить, внушать любовь.

— И ты надѣешься, что тебя будутъ любить? спросила съ наивнымъ удивленіемъ Ольга, устремивъ свой глубоко-выразительный взглядъ на игривое личико сестры.

— О! конечно!... посмотри, развѣ я дурна? возразила Елена, бросивъ въ зеркало обворожительный взглядъ, отъ котораго обезумѣлъ бы самый холодный сынъ вѣка, насквозь пропитанный англо-маніей.

— Нѣтъ, не дурна! отвѣчала Ольга разсѣянно: — но въ этомъ словѣ: *быть любимой*, заключается для меня такой обширный, глубокій смыслъ...

— Понимаю... цѣлая *Kabale und Liebe* въ пяти дѣйствіяхъ и съ извѣстнымъ лимонадомъ, отъ котораго должно было бы стошнить Луизу; ну, такъ я тебя скажу, моя бѣдная Ольга, что ты никогда не будешь любима!

— Конечно, потому что я не красавица и никогда не буду свѣтскою женщиной.

— О! совсѣмъ нѣтъ!... но потому, что ты слишкомъ хороша душою, мушны не любятъ совершенства, повѣрь! обыкновенная женщина, всегда

вѣрнѣе найдетъ поклонника, не худо даже прикинуться дурочкой для полного успѣха.

— Да почему же ты такъ хорошо знаешь сердце мушины? спросила Ольга съ такимъ любопытствомъ, которое возбуждается въ насъ разказомъ путешественника, только-что возвратившагося съ необитаемаго острова.

— Потому что женщина рождена для того, чтобы догадываться... какъ бы тебѣ растолковать это?... постой!... но впрочемъ ты создана артисткой, ты обручена искусству и слава Богу! остальное тебѣ не нужно... жизнь твоя протечетъ по масляной краскѣ, и по акварели, какъ... Но всего хуже то, что мнѣ не достаетъ голубыхъ лентъ! прибавила она съ озабоченнымъ видомъ, складывая нѣсколько прихотливыхъ бантовъ: — а мнѣ именно хотѣлось бы этихъ лентъ. Досадно! надо посылать въ городъ! У графини Омской сберется пропасть гостей, я буду въ отчаяніи, если...

— А! Такъ вотъ куда ты летишь сегодня вечеромъ!...

— Да! къ Омской. Она вчера сама была у насъ, и приглашала маменьку.

— Я однакожь не видала ея.

— Да кого же ты видишь, милая? ты или рисуешь у себя въ комнатѣ, или сидишь на берегу

моря. Что до меня касается, то я очень рада этому знакомству: графиня премилая женщина... Я обещала непременно быть у ней.

— Желаю тебѣ веселиться, Лёля! а я разумеется не поѣду. Что мнѣ тамъ дѣлать?

— О! нѣтъ! мой ангелъ! непременно поѣдешь! я упрошу тебя на колѣнахъ! я буду цѣловать твои руки.

— Нѣтъ! Лёля! пожалуйста не тащи меня туда!

— О! прошу тебя именемъ всего, что ты любишь! именемъ всѣхъ живописцевъ, всѣхъ поэтовъ прошлыхъ, настоящихъ и будущихъ временъ!

— Не поѣду, душа, какъ ты хочешь не поѣду!

Тогда Елена бросилась на шею къ сестрѣ, обви-
лась около нея рукою, и заглядывая съ улыбкою въ
глаза, начала упрашивать самымъ вкрадчивымъ обра-
зомъ.

— Душа! милая! ангелъ! ну подумай, кто бу-
детъ мнѣ аккомпанировать? я знаю, графиня за-
хочетъ, чтобъ я пѣла... безъ тебя я растеряюсь
какъ дурочка! я пропаду... развѣ тебѣ не жаль
меня?...

— Ну, хорошо, хорошо! милая эгоистка! от-
вѣчала Ольга, снисходительно улыбаясь. Елена рас-
цѣловала ее.

IV.

Хуторъ графини Надежды Ѳедоровны Омской, казалось, созданъ былъ для счастія, или для поэтическихъ мечтаній, которыя часто замѣняютъ его: тамъ все дышало свѣжестію, очарованіемъ восточнаго вкуса и оригинальностью, въ которой высказывалось прихотливое воображеніе графини. Въ углубленіи гостиной, между мраморнымъ каминомъ и группою цвѣтовъ, вмѣщалось одно темное, бархатное кресло; въ этомъ завѣтномъ уголкѣ, графиня любила просиживать по цѣлымъ часамъ, въ полусвѣтѣ, спокойно прислонивъ голову къ высокой спинкѣ, мечтая въ облакахъ дыма, какъ Турчанка, или бесѣдуя съ друзьями, которые часто раздѣляли съ ней это *dolce far niente*.

Графиня въ этотъ вечеръ, какъ обыкновенно, была вся въ черномъ, въ рукѣ ея сверкала блестящій вѣеръ, ножки покоились на бархатной подушкѣ. Во всей позѣ ея выражалась граціозная безпечность южной женщины, которая создана для того только, чтобъ

привлекать и любить. Гостиная еще была пуста, когда вошли Еладыны. Графиня приняла ихъ очень ласково, усадила подлѣ себя и завела рѣчь объ Одесскомъ климатѣ, о морѣ, объ оперѣ, а мимоходомъ и о людяхъ; но ни эта природа, ни эти люди, ничто не было ей по сердцу, она ничего и никого не любила въ Одессѣ. И мудрено ли, когда она въ разлукѣ съ мужемъ, съ ея несравненнымъ Nicolas, о которомъ, послѣ тринадцатилѣтняго супружества, она не можетъ говорить безъ восторга... Вотъ ужъ болѣе полугода какъ онъ живетъ въ Петербургѣ, по весьма запутанному дѣлу о какомъ-то наслѣдствѣ; но его портретъ не разстается съ нею; его письма, состоящія изъ пламенныхъ выраженій самой страстной любви, покоятся подлѣ нея, между кассолеткой и пахитосами, подъ мраморнымъ прессомъ въ видѣ мавзолея, на которомъ слѣдовало бы написать «Покойся, милый прахъ, до радостнаго утра!» Каждый день вынимаются они изъ-подъ-этого пресса рукою нѣжной супруги, которая читаетъ ихъ вслухъ, прерывающимся отъ волненія голосомъ; а слушатели чуть не рыданіями изъясляютъ ей свое сочувствіе... Кто не преданъ ей? кто не увлеченъ ея неоспоримою добродѣтелью? Репутація ея чиста, какъ капля утренней росы; она слыветъ самую доброю, самую сострадательною женщиною; да и ктобъ усумнился въ этомъ, встрѣтивъ мягкій

взглядъ ея бархатныхъ глазъ? Въ ея голосъ, выраженіяхъ и приемахъ было столько привлекательной вкрадчивости, что только самый опытный глазъ могъ подмѣтить во всемъ этомъ почти неуловимый оттѣнокъ надменности и ироніи. Надо отдать ей полную справедливость: она играла свою роль какъ самая талантливая актриса!

Графиня, которая очень мила со всѣми, оказывала особенное предпочтеніе Еленѣ; она не сводила съ нея глазъ, оживлялась при разговорѣ съ нею, дружески пожимала ей руку. У Елены развилась букля, и вотъ графиня, наклонившись къ ней, своими руками утвердила на мѣстѣ непокорную бѣглянку.

— Какіе чудные волосы! сказала она: — но вы напрасно закрываете буклями такой прекрасный лобъ. Посмотрите, какъ къ ней идетъ!... вотъ такъ!

И графиня любовалась Еленой. Анна Васильевна была внѣ себя отъ удовольствія. Скоро начали съѣзжаться гости. Плавнo вошла бѣлокурая дама, недавно пріѣхавшая изъ Парижа, откуда привезла большой запасъ перчатокъ, духовъ и фразъ новѣйшаго разбора. За нею, какъ за Нормой, вломилась цѣлая толпа жрецовъ (во фракахъ и мундирахъ), составлявшихъ кругомъ нея всегда и всюду хоръ неумолимыхъ хвалителей. Обмѣнявшись съ графинею нѣсколькими дружескими словами и взаимнымъ пожатіемъ руки, Олим-

піада Николаевна Турусова — такъ звали эту незлобную львицу — удалилась *sans façons* отъ хозяйки, и заняла обыкновенное свое мѣсто на противоположномъ концѣ гостиной, гдѣ былъ устроенъ очаровательный *établissement*, и куда послѣдовали за нею всѣ ея поклонники. Она принялась за вышиваніе, какъ за самый вѣрный способъ сокращать время, и выказывать ручку дивной красоты. А жрецы между тѣмъ исполняли свое; они превозносили ея нарядъ, пѣли похвалы ея уму, восторгались отъ каждаго движенія ея глазъ, губъ и рукъ, утверждали, что природа въ самую торжественную свою минуту, не могла создать ничего лучшаго. Олимпіада Николаевна улыбалась каждому изъ разнообразной группы своей, предполагая во всѣхъ одинаковую искренность... Но какая пестрота въ этой толпѣ! какіе оттѣнки!

«Межъ ними зрится и студентъ,
И хромоногій бѣсъ, и фантикъ...

И молодой человѣкъ, «изъ неопитовъ», получившій баронство за груды золота, и природный баронъ, который имѣлъ въ свое время столько фантазій, что остался безъ куска хлѣба, но не безъ надеждъ на будущее; и адъютантъ, который всегда заодно съ своимъ генераломъ, и Кульпяковъ съ важностью, приличною его сану, и какой-нибудь *commis-voyageur*, отъ котораго всѣ въ восторгѣ... Кого тутъ не

было по милости порто-франко и Олимпіады Николаевны! Вотъ молодой Грекъ съ большими блестящими глазами, вотъ русскій дворянинъ, похожій на Англичанина; тамъ Шанскій, ни на кого не похожій, здѣсь Зарайскій похожій какъ двѣ капли воды на журнальную картинку; но на этотъ разъ многіе, весьма многіе изъ нихъ, расточая накрахмаленные восторги передъ Турусовой, украдкой поглядывали на Елену, которая была во всемъ блескѣ своей красоты. Даже нѣкоторые заглядывались и на интересную Ольгу.

Салонъ наполнялся все болѣе и болѣе, группы гостей размѣстились въ разныхъ направленіяхъ; иные предпочли террасу, гдѣ полусвѣтъ и тишина располагали къ невольному изліянію душевныхъ чувствъ, а порой и къ пламенному пожатію руки, — и Богъ знаетъ, сколько перелетный вѣтерокъ слышалъ клятвъ и признаній въ томъ вечеръ! Общаго разговора не было, да и быть не могло. Но вниманіе Ольги всего болѣе обращалось на Олимпіаду Николаевну и на галиматью, которую она выслушивала съ замѣтнымъ наслажденіемъ, какъ достойный ея ̑иміамъ, между тѣмъ какъ графиня Омская, курившая пахитоску, иронически улыбалась, поглядывая на нее.

— Скажи мнѣ ради Бога, кто это? спросила Ольга, наклонившись къ сестрѣ, но Елена въ разсѣянности не слыхала ея вопроса.

— Это Турусова, очень добрая женщина, отвѣчала вмѣсто нея графиня, слышавшая вопросъ: — немного *странна*, это правда; ее избаловалъ свѣтъ, который всегда былъ у нея ногъ. Впрочемъ она простодушна какъ ребенокъ, я очень люблю ее, не понимаю только, зачѣмъ она при своей матовой блѣдности и огненномъ оттѣнкѣ волосъ, прославленномъ Бальзакомъ, такъ любить яркіе цвѣта. Взгляните на ея головной уборъ!

— А я такъ не понимаю, зачѣмъ она слушаетъ такія нелѣпости! замѣтила наивно Ольга.

Графиня улыбнулась полу-насмѣшливо, полу-печально, пожала слегка плечами, и хотѣла что-то сказать, но въ это время вошла въ гостиную стройная молодая женщина, съ прекраснымъ, но томнымъ лицомъ и, вмѣстѣ съ нею, пожилой генералъ, котораго осанка отзывалась чѣмъ-то иностраннымъ. Онъ молча раскланялся, окинулъ гостиную дипломатическимъ взглядомъ, и отошелъ къ сторонѣ, поглаживая рукою свои длинные съ просѣдью усы. Казалось, Лоргеймъ только по необходимости являлся въ свѣтъ. Хорошенькая Луиза, жена его, пожавши руку хозяйкѣ, привѣтливо улыбнулась Ольгѣ, съ которою познакомилась незадоля передъ тѣмъ.

— Какъ старъ ея мужъ! замѣтила вполголоса

Елена, въ то время какъ молодая дама удалялась вмѣстѣ съ Ольгою къ окну.

— Не ко всѣмъ конечно судьба была такъ благосклонна, какъ ко мнѣ!... сказала Омская, оживляясь. — О! тогда нашъ міръ не былъ бы названъ «Юдолюю плача!» Посмотрите, какъ онъ хорошъ, мой добрый Nicolas!

Сказавши это, она оставила пахитоску, и живо раскрыла медальйонъ, вдѣланный въ браслетъ: это былъ портретъ графа. Нѣсколько головъ выдвинулись впередъ, чтобъ лучше разсмотрѣть его; взоръ графини заблестѣлъ гордымъ удовольствіемъ.

— Какое благородство! воскликнула она съ восторгомъ: — какія черты!

— А глаза-то! глаза-то какъ хороши! замѣтилъ кто-то.

— Надо знать, какъ истинно добръ мой Nicolas! продолжала графиня, не сводя глазъ съ портрета.

— Вы очень любите вашего мужа? спросила Ольга съ умиленіемъ, вызваннымъ восторженными словами графини.

— О! разумѣется! воскликнула торжественно графиня, закрывая медальйонъ.

А между тѣмъ взглядъ ея, тонкій какъ иголка, скользнулъ по лицу Ольги, и губы ея какъ-то хо-

лодно сжались; впрочемъ видя скромную мину молодой дѣвушки, графиня успокоилась.

Олимпіада Николаевна замѣтила изъ другаго угла нѣкоторое движеніе около графини, и спросила прищурясь:

— Чтò тамъ такое?

— Ничего! отвѣчалъ молодой человѣкъ, путавшій ея шерсти для препровожденія времени. — Дѣла давно минувшихъ дней! исторія Пенелопы...

Молодежь расхохоталась. Олимпіада Николаевна одобрительно улыбнулась.

— Мнѣ ужъ признаться надоѣли эти элегіи, сказала она полупшепотомъ, прилежно зашивая канву нѣжнымъ арабескомъ.

Вскорѣ графиня обратилась къ оперному пѣвцу, углубившемуся въ живой разговоръ съ одною сентиментальною дамой, и попросила его спѣть что-нибудь изъ несравненной «Лучіи».

Онъ всталъ и подошелъ къ фортепіано. Сентиментальная дама по его просьбѣ стала аккомпанировать, поводя восторженно глазами; онъ запѣлъ... но итальянская музыка, столь знакомая Одессѣ, не производитъ тамъ большаго эффекта внѣ сцены; всѣ слушали холодно, Шанскій зѣвнулъ довольно громко, скрестивъ руки, какъ человѣкъ, рѣшившійся претерпѣвать пытку; Елена любила музыку Лучіи, и

только она жадно внимала пѣнію; у ней навернулись слезы, и рука ея крѣпко и выразительно сжимала руку Ольги. Голосъ замолкъ. Елена еще не пришла въ себя... Въ эту минуту графиня взяла ее за руку, подвела къ фортепіано, и Елена машинально повиновалась.

— Теперь дайте намъ послушать родныхъ звуковъ! сказала графиня, съ нѣкоторою восторженностію.

При этихъ словахъ все общество пришло въ движеніе; а оперный пѣвецъ взялъ шляпу и ушелъ домой, пользуясь суматохой.

Елену окружили...

— *Quelque chose de russe!... ce serait charmant!* повторялось со всѣхъ сторонъ; Елена ничего не слыхала и не помнила; между тѣмъ Ольга сыграла прелюдію... Невольно повинувшись какому-то внутреннему влеченію, забывъ толпившееся вокругъ общество, не анализируя своихъ чувствъ, Елена запѣла:

«Ты не пой, соловей,
Подъ моимъ окномъ!»

Эти мелодическіе напѣвы овладѣли душою слушателей; всѣ затихли, какъ будто притая дыханіе, и вдругъ изъ среды этой торжественной тишины неожиданно отдѣлился мужской голосъ, страстно-звучный

и слился съ голосомъ Елены. Глаза ихъ невольно встрѣтились, и уже не разлучались во все время пѣнія. Она хотѣла смотрѣть на ноты — и не могла! сила непобѣдимаго магнетизма сковала ея волю и вызвала жаркій румянецъ на лицо молодой дѣвушки... но холодъ пробѣгалъ по всему ея тѣлу, руки леденѣли, она ничего не видала кромѣ этого упорнаго, сильнаго, плѣнительнаго взгляда, который овладѣлъ всѣмъ ея существомъ. Они долго пѣли съ какимъ-то волшебнымъ упоеніемъ; казалось эти два голоса созданы были для того, чтобы встрѣтившись, никогда не разъединяться; ихъ слушали съ наслажденіемъ. Графиня стояла насупротивъ; облокотясь на рояль: лицо ея было серьезно, губы блѣдны. Когда послѣдній звукъ этого пѣнія замеръ въ воздухѣ, молодой человѣкъ еще разъ, быстро, но глубоко взглянулъ на Елену и скрылся въ толпѣ. Взрывъ восторженныхъ восклицаній раздался кругомъ пѣвицы, всѣ твердили, что она поетъ «какъ ангелъ». Одна только графиня опустивъ глаза не подавала знака жизни, какъ пораженная каталепсіей. Елена прислонясь къ колоннѣ, вся преданная новому чувству, не понимала этихъ похвалъ, а слышала только ускоренное бѣненіе своего сердца, и холодная рука ея дрожала въ рукѣ Ольги.

— Мнѣ жарко, шептала она, — выйдемъ на балконъ.

— Пойдемъ!... сказала Ольга, взявъ ее подъ руку.

Онѣ пробрались въ садъ. Елена оперлась на плечо сестры и дышала воздухомъ прекрасной южной ночи. Голова ея была будто въ чадѣ, виски сильно бились, ей все слышались эти звуки, ей все чудился этотъ взглядъ! Въ это время Анна Васильевна преспокойно дремала въ креслѣ подлѣ окна, а Павелъ Ивановичъ игралъ въ карты, и весь вечеръ страшно проигрывалъ.

— Войдемъ въ комнату, сказала наконецъ Елена, вздохнувъ свободнѣе и собравшись съ новыми силами, — мое волненіе и такъ, кажется, не скрылось отъ глазъ графини.

Они вошли въ комнату.

Графиня едва завидѣла Елену, какъ снова овладѣла ею и усадила подлѣ себя; а Ольга, оставивъ ихъ, подошла къ дверямъ балкона, гдѣ стояла Луиза Лоргеймъ, уединенно наслаждаясь душистымъ воздухомъ ночи; она задумчиво вертѣла въ рукахъ розу.

— Какая прекрасная ночь! сказала Ольга.

— Чудная ночь, отвѣчала Луиза, — посмотрите, что за тишина въ воздухѣ!...

— А гулъ моря все не утихаетъ... сколько въ немъ жизни!

— Я давно слушаю его здѣсь одна-одинехонька...

— Развѣ вамъ скучно тамъ? спросила Ольга, указывая глазами на толпу, двигавшуюся въ гостиной.

— Признаюсь вамъ, я не люблю этого шума!... а вы?

— О! я совсѣмъ не создана для свѣта!

— Тѣмъ лучше! сказала Луиза, сжавъ ей дружески руку: — мы сойдемся, кажется...

Въ эту минуту послышался шумъ въ кустахъ подь балкономъ, кто-то назвалъ Луизу по имени; она улыбнулась и покачала головой. Всѣ фибры затрепетали въ сердцѣ Ольги: это былъ тотъ самый знакомый, чудный голосъ, котораго она не забыла!...

— Ахъ! это вы Юрій! да что вы тутъ дѣлаете? сказала Луиза съ улыбкой, которая придавала необыкновенную прелесть ея мечтательной физиономіи.

— Я удивляюсь вамъ, отвѣчалъ онъ, выглядывая украдкой изъ-за деревьевъ...

— Мнѣ? въ какомъ смыслѣ? спросила шутливо Луиза, играя розой...

— Да, вамъ!... скажите за какіе грѣхи вы обрекли себя на добровольную муку? или и вы сдѣлались такимъ же прозаическимъ существомъ, какъ всѣ эти пародіи на женщинъ въ чепцахъ à la Pompadour, неужто и вамъ не скучно сидѣть въ этой душной гостиной, когда такъ хорошо подь открытымъ небомъ, на берегу моря?... Посмотрите, какая ночь!...

— А вы скажите мнѣ въ свою очередь: какое

право имѣете вы дѣлать неучтивости дамамъ? Почему вы не явились на приглашеніе графини?

— Потому что... я вамъ это скажу только тогда, какъ вы бросите мнѣ розу, которая у васъ въ рукѣ. Кто вамъ далъ ее?

— Угадайте!

— Не угадаю... бросьте такъ!

— Несносный! сказала Луиза, и съ улыбкой бросила ему цвѣтокъ.

Юрій хотѣлъ подхватить его на лету; но это не удалось ему, не взирая на поспѣшность, съ которою онъ бросился къ цвѣтку, забывъ свое инкогнито.

— Бѣдная роза! воскликнулъ онъ, довольно громко: — ну, гдѣ мнѣ искать ее теперь въ потьмахъ! похитьте еще другую у графини... розы вовсе не идутъ къ лимонному цвѣту ея лица!

— Тс! перестаньте Юрій!... сказала Луиза, отдаляясь отъ балкона: — какой повѣса!... прибавила она обратясь къ Ольгѣ, которая стояла подлѣ нея, какъ околдованная. — Я боюсь, не слыхалъ-ли кто-нибудь его болтовни!...

— Да кто же это? робко спросила Ольга.

— Развѣ вы не знаете его? это Долицкій.

— Адъютантъ вашего мужа?... этотъ высокой, бѣлокурый молодой человѣкъ, котораго я видѣла раза два такимъ задумчивымъ, разсѣяннымъ... неужели?

— Да! онъ иногда ужасно дурачится. Этотъ молодой человѣкъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые взяли за правило говорить и дѣлать все, что вздумается.

— Да это премо! воскликнула простосердечно Ольга.

— Если не очень несносно!... Впрочемъ Долицкій...

Но Луиза, остановилась на половинѣ фразы, увидя предъ собою вовсе неожиданно длинную фигуру Долицкаго. Раскланявшись наскоро съ графиней, которая однако имѣла время сказать ему съ обязательною улыбкой: «Лучше поздно, чѣмъ никогда!...» онъ поспѣшилъ къ Луизѣ, не разслушавъ колкаго привѣтствія хозяйки и не замѣтивъ никого изъ присутствующихъ. На бронзовыхъ готическихъ часахъ, стоявшихъ на каминѣ, обѣ стрѣлки сошлись на цифрѣ XII.

— Я пришелъ искать мѣста въ вашемъ эльдорадо, сказалъ онъ шутливо Луизѣ, садясь подлѣ нея. — Надѣюсь, что вы мнѣ окажете нѣкоторое покровительство.

— Не совѣтую слишкомъ надѣяться на меня: я сей часъ дурно относилась обѣ васъ Mlle Еладиной, сказала Луиза, взявши ласково руку Ольги.

Ольга и Юрій взглянули другъ на друга: въ глазахъ молодаго человѣка мелькнуло живое удовольствіе; казалось, онъ не въ первый разъ видитъ ее. Ольга

закраснѣлась, стараясь избѣгнуть его взгляда. Въ тотъ вечеръ Долицкій былъ разговорчивъ, веселъ, занимателенъ, онъ смѣшилъ Луизу, онъ разогналъ скуку Ольги разговоромъ, который заставилъ ее отбросить всю ея природную дикость, и въ которомъ заключались не однѣ пустоцвѣтныя фразы свѣтской болтовни, но много перечувствованнаго, и много задушевныхъ мыслей, облеченныхъ въ легкую, игривую форму, но тѣмъ не менѣе глубокихъ и сильно дѣйствовавшихъ на поэтическую душу молодой дѣвушки. Казалось, онъ разгадалъ ее въ одно мгновеніе.

— Я не узнаю васъ Юрій, шепнула ему Луиза, при видѣ этого одушевленія.

Но Юрій не узнавалъ самъ себя, и не узнавалъ никого; онъ только хотѣлъ узнать Ольгу изъ всего многочисленнаго и разнообразнаго общества графини. Ольга не имѣла свѣтскаго навыка, но она всегда съ увлекательною простотою истины говорила о томъ, что доходило до ея сердца; тогда лицо ея озарялось лучами внутренней красоты, возвышавшей красоту внѣшнюю до такой степени, что она казалась прекраснѣе всѣхъ другихъ.

Юрій чувствовалъ себя способнымъ понимать женщину такого рода какъ Ольга, и искалъ сближенія съ нею; а можетъ быть эгоистическій инстинктъ его грѣшной души слѣпо влекъ его къ ней, какъ къ

существу, принадлежащему по природѣ своей къ ряду *ангеловъ-утѣшителей*, а она, съ своей стороны, угадала въ немъ страждущее слабое сердце, имѣющее нужду въ любви и опорѣ...

Долго говорили между собою Юрій и Ольга, вдали отъ всѣхъ, прижавшись къ уголку какъ старые друзья, которые давно не видались; а Елена, сидѣвшая между графиней и интереснымъ молодымъ человѣкомъ, котораго взглядъ и пѣніе очаровали ее въ одну минуту, была хороша, блестяща какъ пышная роза Бахчисарая, и оживлена, какъ женщина, которая желаетъ нравиться. Къ нимъ скоро присоединились Шанскій и Зарайскій, и они много смѣялись и болтали. Графиня была не очень разговорчива, а только снисходительно улыбалась, какъ бы внутренне раздѣляя торжество Елены.

Анна Васильевна, которая давно уже скучала, не зная къ кому ей пріютиться, рѣшилась наконецъ ѣхать домой и позвала дочерей. Графиня, замѣтивъ покушеніе Еладьиныхъ скрыться, сильно воспротивилась этому. Анна Васильевна защищалась довольно рѣшительно и упорно; графиня, истощивъ всѣ аргументы, должна была прибѣгнуть къ отчаянному средству, чтобъ не уступить чужой волѣ и на этотъ разъ.

— Monsieur Капнистріоти! сказала она, живо обращаясь къ молодому человѣку, пѣвшему съ Еле-

ной: — бросьтесь на колѣни передъ этими дамами!... умоляйте ихъ!... я васъ прошу!...

Капнистріоти обратилъ на Елену умоляющій взоръ, полный любви и убѣжденья; она силилась улыбнуться вмѣстѣ съ другими, но губы ея дрожали, и газъ сильно волновался на груди.

— Нѣтъ! нѣтъ, графиня! никакъ не могу... пора!... говорила неумолимая Анна Васильевна, протягивая руку графинѣ.

Олимпіада Николаевна навела лорнетъ на Еладьиныхъ и объявила въ полголоса, что вовсе не находитъ ихъ такими красавицами, какъ говорятъ... а такъ, просто... *des figures chiffonnées*...

Елена не спала всю ночь. Ее замѣтили въ свѣтѣ... да, нѣтъ сомнѣнія! всѣ говорили о красотѣ ея, о граціозности, о голосѣ ея; она самолюбиво наслаждалась полнымъ успѣхомъ, и обѣщала себѣ блестящую будущность. Хотя сердце ея волновалось еще при воспоминаніи объ интересномъ молодомъ человѣкѣ, но она сумѣла преодолѣть себя, и принялась заранѣе обдумывать свои поступки, чтобы дѣйствовать осторожно и съ достоинствомъ держаться въ свѣтѣ... любовь не могла овладѣть ею вполнѣ.

V.

Въ Одессѣ знакомятся чрезвычайно скоро. Самый климатъ способствуетъ сближенію общества, которое, сталкиваясь почти ежедневно въ продолженіи цѣлаго года на Бульварѣ, у Замбрини^{*)}, на хуторахъ, соединяется наконецъ въ одинъ тѣсный кругъ, составляющій какъ бы одно большое семейство, не связанное впрочемъ никакими нравственными узами. Слѣтѣвшіеся съ разныхъ сторонъ, съ различными понятіями, и воспитаньемъ, съ болѣе или менѣе таинственнымъ прошедшимъ и туманными правилами, — эти люди, пользуясь непрерывнымъ приливомъ и отливомъ общества и тѣмъ счастливымъ *laisser-aller*, которое выпало на долю Одессѣ, живутъ припѣваячи, но не держатся правила великой женщины, которая говорила: «*Vivons et laissons vivre les autres*»: они слишкомъ горячо занимаются дѣлами ближняго. Ще-

^{*)} Извѣстный *café-restaurant*, въ такъ-называемомъ Пале-ройялѣ, привлекавшій постоянно многочисленное общество.

петильность нравовъ провиціяльнаго города просвѣчиваетъ сквозь щегольство европейскаго комфорта; эгоизмъ торговаго порта проглядываетъ въ каждомъ отѣнкѣ семейной жизни; богатство есть первое преимущество въ такомъ кругу; отважность — первая добродѣтель. Уличная жизнь разнообразитъ дни; встрѣчи и *комментаріи* разгоняютъ скуку... Въ очью совершается то, что сѣверные жители Россіи (гдѣ лѣтомъ ночи слишкомъ свѣтлы, а зимой слишкомъ холодны) находятъ только во французскихъ романахъ...

Посмотрите на толпу — все знакомыя лица, все извѣстныя отношенія, куда ни повернись. Но вотъ, вмѣстѣ съ весной, появилось со всѣхъ сторонъ множество новыхъ физіономій. Пріѣхали и Еладьины; кружокъ раздвинулся и ласково принялъ ихъ. Хутора, не отгороженные варварскою рукой одинъ отъ другаго, предложили имъ искусственную тѣнь свою. Пошла широкая, возбужденная жизнь... но къ чему поведетъ она?

Бросимъ быстрый вѣгль на бульваръ, раскинутый на горѣ по берегу моря: Воскресенье; военная музыка гремитъ около монумента въ римской тогѣ, указывающаго аллегорически одною рукой на море. Гуляющихъ безчисленное множество; толпа пестра и красива — тамъ все есть; и студенты, и евреи, и дамы «средней руки» съ короткими рукавами, но въ

предлинныхъ платьяхъ, и военные въ блестящихъ мундирахъ, и штатскіе въ фантастическихъ пальто. Гигантская лѣстница, ведущая къ морю усѣяна зрителями всѣхъ возрастовъ и соловій. Иные неподвижно, задумавшись и скрестя руки, не спускаютъ глазъ съ этого очаровательнаго моря, которое служило вдохновеніемъ Айвазовскому; другіе, небрежно прислонясь къ периламъ, курятъ сигары, предаваясь свѣтской болтовнѣ. Тутъ сидитъ молчаливый, вѣчно-степенный житель Востока, съ рѣзкими чертами, въ красной фескѣ; подлѣ него бѣлокурый кавалеристъ, сынъ сѣвера, съ вертлявою живостью нашептываетъ что-то молоденькой дамѣ, чуть не касаясь усами до полей ея розовой шляпки; они весело смѣются и разговариваютъ... Тамъ далѣе въ таинственномъ полусвѣтѣ рано наступающихъ сумерекъ, мелькаютъ между кустовъ сирени, граціозныя тѣни дамъ хорошаго тона, нерѣдко предпочитающихъ укрываться въ уединеніи боковыхъ дорожекъ. Повсюду быстрота, движеніе, свобода и что-то особенное, увлекательное, принадлежащее собственно одесской толпѣ. Музыка разыгрываетъ увертюру, которой, разумѣется, никто не слушаетъ. Грянула заревая пушка, и звукъ ея замеръ въ волнахъ, пробужденныхъ на мгновеніе. На морѣ затишье... едва рябится темно-голубая поверхность его отъ знойнаго вѣтра; едва колеблется на якорѣ корабли, стоящіе на

рейдѣ. Но скоро сгущается мракъ; море темнѣетъ; дѣятельность прекращается въ гавани; вездѣ засвѣтились огоньки, а толпа все шумить и прибавляется на бульварѣ.

На другой день послѣ вечера у графини Омской, Шанскій, который вездѣ какъ дома, сидѣлъ, развѣлясь въ креслахъ у Еладыныхъ, и смѣшилъ разказами былей и небылицъ объ одесскихъ нравахъ. Цѣль его была самая невинная — заставить улыбнуться прекрасныя губки молодыхъ дѣвушекъ... чего, ради этого, не простишь человѣку?

— Скажите, Иванъ Григорьевичъ, спросила Анна Васильевна, — что это значить, что я здѣсь не вижу ни одной старушки?

— О! что касается до этого, воскликнулъ Шанскій, кривя на сторону ротъ, движеніемъ котораго образовалась довольно ѣдкая улыбка, — то благодаря нашему безоблачному небу, живительному морскому воздуху, да еще двумъ, тремъ косметикамъ, я смѣло могу сказать, что у насъ нѣтъ старыхъ женщинъ! Мы истребили это зло до основанія, и въ этомъ сравнялись съ Парижемъ, если не превзошли его! Нашъ край восторжествовалъ надъ природой...

Елена улыбалась очень умно.

— Да скажите еще, Иванъ Григорьевичъ, пре-

рвала Анна Васильевна, — кто это, такой черноватенькій, вертлявый, что пѣлъ вчера съ Леночкой?

При этихъ словахъ Елена потеряла всю охоту смѣяться, у ней потемнѣло въ глазахъ, и иголка задрожала въ рукѣ.

— Я не разобрала его фамиліи, прибавила Анна Васильевна, продолжая вязать кошелекъ, — такая мудреная, ни русская, ни нѣмецкая!

— Ни то, ни другое, Анна Васильевна, отвѣчалъ Шанскій: — это Капнистріоти, уроженецъ Греціи, воспитанный въ Петербургѣ, настоящій Алкивіадъ.

— Ааа!... произнесла безмысленно Анна Васильевна.

— Отецъ его, извѣстный адмиралъ нашей службы, продолжалъ Шанскій, — оставилъ сыну порядочное состояніе, что-то въ родѣ милліона, и завѣщалъ не терять золотого времени — любить, пѣть, и пользоваться своею молодостью. Сынъ свято выполнилъ родительскую волю. Двадцати двухъ лѣтъ вышелъ въ отставку и пустился путешествовать по свѣту... Долго жилъ онъ на югѣ, и вывезъ въ сердцѣ и въ альбомахъ самыя живыя воспоминанія о Неаполѣ, о Севиллѣ, о Корфу, и мало ли о чемъ!... Сѣвера онъ терпѣть не можетъ. Парижъ даже холоденъ для его жгучей натуры... *Au diable le nord!*... говоритъ онъ

съ ужасомъ. Да! не охотникъ онъ до стужи! крещенскихъ морозовъ и въ любви не терпитъ!...

Но Анна Васильевна снова прервала рѣчь его.

— Онъ вамъ знакомъ, этотъ?... Какъ вы называли его?

— Капнистріоти? какже! мы съ нимъ большіе пріятели, отвѣчалъ Шанскій, — я познакомился съ Антонами за границей...

— Это еще что за имя?

— Это погречески, Анна Васильевна! а по нашему его зовутъ совсѣмъ не благозвучно: Антонъ Денисовичъ.

— Ужъ подлинно не благозвучно! воскликнула Анна Васильевна: — у насъ такъ звали кучера, онъ былъ страшный пьяница...

Елена горѣла нетерпѣніемъ услышать исторію Антоны, потому эти остановки были для нея нестерпимы, и она слегка попробовала снова навести разговоръ на предметъ, живо занимавшій ея воображеніе.

— Итакъ, продолжалъ Шанскій, — въ одно прекрасное утро, послѣ продолжительной непогоды, я проснулся съ сильнѣйшею болью въ груди, дурно залѣченная рана моя открылась... я такъ ослабѣлъ, что уже сталъ думать о путешествіи на тотъ свѣтъ, но доктора отправили меня сперва на воды... Нечего дѣлать! купилъ себѣ дормезъ и потащился къ сѣрному

источнику, въ которомъ чуть было не утопилъ своего спокойствія!

— Какъ же это такъ, Иванъ Григорьевичъ? спросила Елена.

— Да такъ! Человѣкъ рожденъ на то, чтобъ дѣлать глупости: ѣдешь лѣчиться, а воротишься домой вдвое больнѣе... да еще дорогой, чего Боже сохрани, влюбишься!... вѣдь одна бѣда десять другихъ за собою ведетъ! Правда, что въ то время я походилъ больше на мумію, привезенную безъ руки въ нашъ музей, чѣмъ на человѣка; но сердце не имѣетъ морщинъ, сказалъ одинъ поэтъ, котораго я уважаю... Итакъ несмотря на мои боли, страданья и добродѣтель сорокалѣтней жизни, я какъ разъ замѣтилъ въ толпѣ около источника прелестную блондинку: то была графиня Розалія Брижли... штри... трши... цка... однимъ словомъ польская графиня; но языку моему не суждено было ни разу произнести ея фамилію какъ слѣдуетъ. На водахъ дѣла идутъ быстро, такъ какъ стаканы, одинъ за другимъ. Я вскорѣ познакомился съ ней, признался въ любви, и въ тотъ же день получилъ отвѣтъ на розовой, раздушеной бумажкѣ. Очаровательная пани Розалія писала, что отъ души меня ненавидитъ. У нея уже былъ другой обожаемый почище меня. Тогда въ груди моей закипѣла желчь; меня начала трясти лохорадка, я весь позе-

ленѣлъ... а докторъ увѣрялъ, что это неизбежное дѣйствіе водъ, вѣрьте имъ послѣ этого! Какъ бы то ни было, я былъ ужасно золъ, и счастіе Антонаки, что не владѣлъ тогда правою рукой!...

Судьба однакожь не спасла его отъ дуэли съ однимъ чахоточнымъ господиномъ, который былъ еще злѣе меня. Послѣ дуэли Антонаки уѣхалъ въ Парижъ; а очаровательная пани какъ-то таинственно скрылась, послѣ вечерней прогулки на ослахъ. Но зачѣмъ вамъ знать всѣ подробности! одно только скажу: я былъ его секундантомъ и видѣлъ, какъ онъ дерется; молодецъ! Я бы самъ на мѣстѣ очаровательной графини бросилъ для него и мужа, и все на свѣтѣ... тѣмъ болѣе, что мужъ-то былъ куда невзраченъ!... Да! удивительное хладнокровіе! Что за человѣкъ этотъ Антонаки! и если онъ не ѣлъ вишень въ то время, какъ противникъ цѣлилъ ему въ лобъ, то это единственно потому, что съ водами запрещены фрукты...

— Что же случилось съ графинею? спросила робкимъ голосомъ Елена, вдѣвая въ иголку...

— О! что до этого касается, это трудно узнать! У него не вывѣдаешь этого ни за какія блага: малый не простъ, онъ бережетъ свою репутацію для другаго раза. Черезъ годъ послѣ этого я пріѣзжаю въ Неаполь; тамъ толпа нашихъ туристовъ прокричала мнѣ всѣ уши толками объ Антонаки... Фу ты про-

пасть! и здѣсь, думаю, этотъ повѣса напроказничалъ; а между тѣмъ всѣ жалѣли только о томъ, что онъ скоро уѣхалъ изъ Неаполя, гдѣ былъ (какъ выражалась моя покойная бабушка, которая слыла синимъ чулкомъ своего времени) «душою общества». Бросалъ деньги обѣими руками, пѣлъ какъ ангелъ (вѣдь мать его была Италіянка), волочился какъ бѣсъ за хорошенькими синьйорами; говорятъ, двѣ изъ нихъ выходили на дуэль; нѣкоторыя утонули въ слезахъ; иныя бросились въ монастырь; другія бросились къ нему на шею... однимъ словомъ самыя плачевныя послѣдствія оказались во многихъ семействахъ. Цѣлый полкъ мушкетеровъ готовъ былъ объявить ему войну; между прочимъ одинъ богатѣйшій банкиръ... Полагаютъ, что причиной этой ненависти были прелестныя голубыя глазки, въ родѣ тѣхъ, которые такъ мило смотрятъ на меня въ эту минуту... не отворачивайтесь же, Елена Павловна!

— Я ненавижу комплименты! предупреждаю васъ! прервала Елена, краснѣя и улыбаясь, надувши губки: — я надѣюсь, что вашъ Антонаки не впадаетъ въ этотъ анахронизмъ.

— Никогда! Какъ человѣкъ вполне современный, онъ говоритъ иногда грубости дамамъ.

— Въ такомъ случаѣ я его уважаю. Продолжайте,

Иванъ Григорьевичъ! Вы говорите, что банкиръ былъ ему врагъ...

— Да! но Антонаки также мало заботился о немъ, какъ о перчаткахъ, которыя надѣвалъ на прошлой недѣли; а врагъ не дремалъ: онъ долго думалъ, и наконецъ придумалъ италіанское мщеніе... Однажды...

— Однажды дождь шелъ дважды, какъ увѣрялъ Третьяковскій, замѣтила Елена, улыбаясь.

— Именно, только золотой дождь, которымъ банкиръ какъ Юпитеръ, сыпалъ изо всѣхъ облаковъ на голову одного бѣднаго импресаріо. — Директоръ труппы былъ тронутъ до слезъ этимъ магическимъ дождемъ, и поклялся, что всѣ закулисные боги и богини къ услугамъ «его свѣтлости». Призвали буффа: онъ скопировалъ костюмъ, походку, голосъ, манеры Антонаки, такъ что сіамскіе близнецы не были похожѣ между собою. Сочиненъ волшебный фарсъ, съ пожаромъ и превращеніями, въ которомъ этотъ губитель сердець играетъ самую смѣшную роль. Этимъ способомъ неаполитанскій Юпитеръ надѣялся отвратить отъ нашего Донъ-Жуана (казенный эпитетъ всѣхъ этихъ господъ) сердце синьоры... положимъ хоть синьоры *Біанки*. Всѣ Италіанки до тридцати лѣтъ носятъ болѣе или менѣе это имя. Но кто-то шепнулъ объ этомъ фарсѣ на ушко Антонаки; а тотъ и ухомъ

не ведетъ, но ожидаетъ представленія. Наконецъ насталъ желанный день. Антонаки беретъ мѣсто въ первомъ ряду, видитъ самого себя на сценѣ, хохочетъ и отъ души аплодируетъ. Это немного озадачило банкира и актера, который однакожь сыгралъ роль свою превосходно. На другой день Антонаки даетъ роскошный обѣдъ, сзываетъ весь городъ, въ томъ числѣ и этого актера. За столомъ сажаетъ его подлѣ себя, осыпаетъ ласками, пьетъ за его здоровье и говоритъ: «Я совершенно былъ доволенъ вашею игрою, вы отличный артистъ и доставили мнѣ живѣйшее удовольствіе. Вы второй *синьоръ Формика*... вы Гаррикъ, который, сказываютъ, такъ живо представлялъ одного умершаго короля, что всѣ придворные попадали въ обморокъ. Одного только не доставало вамъ — продолжалъ Антонаки, когда гулъ энтузіазма нѣсколько поутихъ — вамъ не доставало для довершенія сходства со мною, вотъ этой брилліантовой булавки, которую я всегда ношу. Въ другой разъ, для полного эффекта приколите ее, она ваша!»

Онъ вынимаетъ булавку, которая стоила очень дорого, и отдаетъ ее остоленѣвшему отъ удивленія актеру.

— Ахъ! какая жалость! воскликнула Анна Васильевна: — отдать брилліантовую булавку актеру... Никакъ вашъ Антонаки съ ума сошелъ!

— Не мудрено и то, Анна Васильевна, онъ былъ влюбленъ въ синьйору Біанку; а любовь... Вы знаете, Анна Васильевна, что такое любовь!...

— Ну, что же изъ всего этого вышло? спросила Анна Васильевна, очень кстати на этотъ разъ, потому что молодыя дѣвушки, не рѣшались сдѣлать этотъ вопросъ, хотя любопытство ихъ было сильно возбуждено.

— Весь городъ былъ въ восторгѣ отъ этого поступка, отвѣчалъ съ напыщенностію Шанскій: — и на другой день Антонаки велѣлъ затопить каминъ любовными записками, которыя посыпались на него со всѣхъ концовъ; а синьйора Біанка, вообразите! велѣла столкнуть банкира съ крыльца, въ первый разъ какъ онъ появился у ней. Съ чувствительною синьйорой сдѣлался сильнѣйшій нервный припадокъ: такъ ей стало жаль Антонаки! но онъ поспѣшилъ къ ней на помощь, и скоро вылѣчилъ ее однакожь, mesdames, видно пословица справедлива: Quand on parle du soleil, on en voit les rayons... Взгляните въ окно: молодецъ! славно ѣздить! Да какая лошадь!...

Елена и Ольга обѣ быстро взглянули въ окно; Антонаки поклонился имъ очень почтительно, и проѣхалъ стороною.

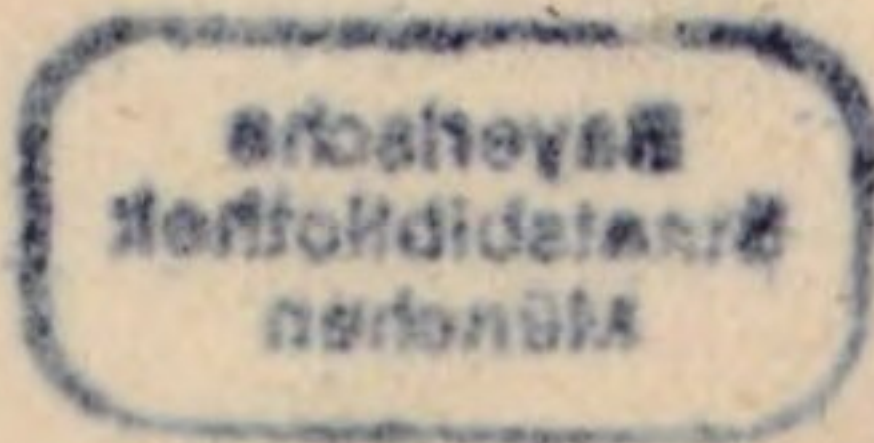
— Говорятъ всѣ: «хорошъ, милъ очарователенъ!»

разсуждала вслухъ Анна Васильевна... Ну, что въ немъ хорошаго, скажите!... какой-то шафранный цвѣтъ лица... глаза сверкають какъ уголья изподлбья, а самъ онъ весь точно на пружинахъ. Да и что это! посмотрите пожалуйста... точно козелъ съ бородою. Дурацкая мода здѣсь, воля ваша.

— Ахъ, Анна Васильевна, вспомните, что: «Обычай деспотъ межъ людей!...» проговорилъ философски Шанскій, не переставая лукаво смотрѣть на Елену, которая искренно желала, чтобъ онъ провалился сквозь землю.

Надо было придумать средство выжить этого чловѣка: зная его отвращеніе къ музыкѣ, Елена принялась импровизировать какую-то неистовую фугу. Въ самомъ дѣлѣ, не прошло двухъ минутъ, какъ Шанскій схватился за фуражку и, давай Богъ ноги, отправился хромя, въ направленіи къ хутору Олимпіады Николаевны.

VI.

Ольга и Луиза часто видѣлись. Онѣ находили въ этомъ большую отраду. Крѣтость, доброта и какое-то расположеніе къ мечтательности, отличавшее Луизу, привлекло къ ней сердце Ольги, всегда готовое любить. Она вѣрила чистотѣ правилъ своего новаго друга, какъ вѣрятъ только въ первой молодости; она была глубоко убѣждена, что возвышенное спокойствіе, сіявшее во взорѣ Луизы, было не что иное, какъ выраженіе благородства души ея. Ей было отрадно смотрѣть на Луизу, отрадно проводить время съ нею послѣ вѣчной суматохи, отъ которой она такъ страдала въ родительскомъ домѣ. Въ обращеніи генерала Лоргейма съ Ольгой было столько дружеской довѣренности, маленькая Адель такъ любила ее, Долицкій былъ такъ безсознательно милъ, такъ небрежно любезенъ въ присутствіи молодой дѣвушки, что она въ этомъ домѣ забывала всю горечь семейныхъ тревоженій. Луиза жила довольно уединенно, хотя была знакома съ цѣлымъ городомъ; выѣзды ея ограничива-

лись утренними визитами и балами, на которыхъ она была замѣчена какъ хорошенькая молодая женщина. Въ домѣ ея было все въ гармоніи и порядкѣ. Для бѣдной Ольги этотъ домъ былъ рай, въ которомъ она отдыхала душою.

Ольгу часто видѣли вмѣстѣ съ Луизою въ театрѣ, или вечеромъ въ такъ-называемомъ палероялѣ, гдѣ въ то время собиралось лучшее общество города, и размѣщалось разнообразными группами вокругъ столиковъ, *à l'étrangère*, не подражая впрочемъ иностранцамъ въ равнодушіи къ тому, что происходитъ въ двухъ шагахъ отъ нихъ.

Не разъ Луизѣ и Ольгѣ случалось появляться, въ сопровожденіи Долицкаго, среди неутомимыхъ наблюдателей, не подозрѣвая направленныхъ на нихъ лорнетовъ и двусмысленныхъ взглядовъ публики, заинтересованной этимъ таинственнымъ тріумвиратомъ. Кульпяковы, при ихъ появленіи, выразительно пожимали плечами; другіе улыбались; самые сострадательные жалѣли объ Ольгѣ; но Ольгѣ и въ умѣ не приходили никакія подозрѣнія. Только Шанскій, неизмѣнный посѣтитель въ домѣ Лоргеймъ, пользуясь званіемъ стараго холостяка, поставилъ себя на короткую ногу съ Ольгою, потому что въ душѣ глубоко уважалъ эту дѣвушку.

Въ одно жаркое утро, Ольга, узнавъ, что Луиза

нездоровая, пріѣхала съ хутора навѣститъ ее. Дамы разговаривали между собою; Адель играла съ куклою; Лоргеймъ пробѣгалъ какую-то иностранную газету. Въ домѣ и на улицѣ не было слышно ни малѣйшаго движенія. Все какъ-будто замерло подъ палящими лучами полуденнаго солнца; только слабый свѣтъ проникалъ въ комнату сквозь жалюзи.

Пробило два часа. Генералъ положилъ газету на столъ и заботливо посмотрѣлъ въ окно вдоль улицы.

— Ну, не правъ ли я былъ, Луиза, не вѣря его обѣщанію явиться въ назначенный часъ? проговорилъ онъ съ досадою.

— Не понимаю, что могло задержать его. Самъ онъ такъ желалъ скорѣе кончить это дѣло...

— А теперь вотъ и забылъ объ немъ! Это не новость! возразилъ Лоргеймъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ.

— Что такое? спросила тревожно Ольга, понимая, что рѣчь идетъ объ Юріѣ.

— Да все этотъ, несносный Долицкій! отвѣчалъ мужъ Луизы, снова подходя къ дамамъ. — Я и не спросилъ у тебя, какъ ты возвратилась вчера домой!

— Долицкій тотчасъ же отыскалъ меня на бульварѣ и проводилъ меня. Онъ ужиналъ у насъ, и все время былъ очень любезенъ...

— Ну, значить-онъ не всегда же бываетъ такъ неаккуратенъ, какъ сегодня...

— Не боленъ ли онъ? Послать бы узнать...

— То-есть хандра опять напала! заговорилъ Лоргеймъ, снова разгораясь. — И когда есть важное дѣло... резонъ. Впрочемъ, на эти причуды не всегда можно смотрѣть сквозь пальцы. Я вынужденъ наконецъ сдѣлать ему серіозный выговоръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста не брани его, мой добрый Францъ! прервала Луиза: — повѣрь, что онъ и безъ того будетъ сокрушаться, что пропустилъ назначенный часъ. Развѣ ты не знаешь, какъ всякая малость тревожить этого человѣка?

— Баловство, баловство, милая! продолжалъ съ досадою Лоргеймъ: — прошу тебя сказать ему, что я потерялъ наконецъ терпѣніе, — ждалъ его до двухъ часовъ! — и что онъ найдетъ меня у князя. До свиданія, Ольга Павловна! прибавилъ онъ, сжимая руку Ольги, и скорыми шагами вышелъ изъ комнаты.

Дамы пробыли съ полчаса однѣ, въ разговорахъ о разсѣянности и странной забывчивости Долицкаго. Наконецъ явился онъ самъ, съ большимъ портфелемъ въ рукахъ, и съ выраженіемъ полного удовольствія на оживленномъ лицѣ.

— Какая находка, mesdames! воскликнулъ онъ, торжественно раскрывая портфель: — посмотрите, ка-

кіе рѣдкіе, превосходные эстампы! За то сколько мнѣ стоило труда пріобрѣсти ихъ! Я сейчасъ съ аукціона...

— Вы неисправимы, Юрій Александровичъ! прервала съ живостью Луиза: — съ аукціона! когда Лоргеймъ ждалъ васъ здѣсь до двухъ часовъ. Онъ ужасно сердится за вашу неаккуратность...

— Ахъ! я и забылъ, что нынче дѣло! вскричалъ Долицкій вскакивая. — Вѣдь я чиселъ не знаю... вы можете меня увѣрить, что теперь декабрь мѣсяцъ...

— Неутѣшительно! замѣтила шутливо Луиза. — А Лоргеймъ поручилъ мнѣ сказать вамъ...

— Знаю, знаю! я самъ вижу, что кругомъ виноваты. Но да объ этомъ послѣ!... Посмотрите, какая чудная вещь! продолжалъ онъ, подавая Ольгѣ одинъ изъ эстамповъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, прекрасная вещь! повторила съ восторгомъ Ольга. — Да откуда же вы могли достать такія рѣдкости?

— Надо вамъ сказать, что мой факторъ драгоценнѣйшій изъ факторовъ. Онъ знаетъ какъ нельзя лучше, чѣмъ мнѣ угодить... Вотъ вчера, ужъ поздно вечеромъ, онъ является ко мнѣ съ извѣстіемъ, что въ числѣ вещей покойнаго графа Г***, назначенныхъ въ продажу съ аукціона, будетъ сегодня продаваться и коллекція гравюръ, о которой я уже

давно слышалъ... и что всего утѣшительнѣе, будетъ продаваться вѣрно за безцѣнокъ! Разумѣется, я поспѣшилъ на аукціонъ чуть свѣтъ... и что же? мнѣ надо было терпѣливо дожидаться пока продавались экипажи, посуда, словомъ — самыя прозаическія вещи. Право, я чуть не умеръ отъ нетерпѣнія, пока дѣло дошло наконецъ до картинъ. Факторъ мой былъ правъ: здѣсь немногo знатоковъ и любителей искусства, иначе мнѣ не достался бы этотъ портфель почти даромъ.

Ольга и Луиза внимательно разсматривали лежавшія передъ ними гравюры. Одна изъ нихъ въ особенности восхищала Ольгу, и она съ жаромъ высказывала молодому человѣку свои мысли, между тѣмъ какъ онъ былъ погруженъ въ нѣмое созерцаніе прекраснаго произведенія.

— Мнѣ особенно пріятно видѣть впечатлѣніе, которое производятъ подобныя вещи на васъ, Ольга Павловна, сказалъ онъ. Вы умѣете понимать и чувствовать прекрасное... а это дано немногимъ.

— Очень лестно, Юрій Александровичъ! замѣтила Луиза, съ своею кроткою улыбкою.

— Да вы и сами охотно признаетесь, что не имѣете «призванія къ живописи».

— Ахъ, кстати, Юрій Александровичъ! скоро-ли вы уйметесь чертить каррикатуры? Вообрази, Ольга,

нарисовалъ Омскую какъ двѣ капли воды, преумо-
рительно и презло!

— Я тогда былъ сердить на васъ...

— Прекрасное мщеніе! это похоже на Юрія Алек-
сандровича Долицкаго.

— Вы меня ужасно разсердили, Луиза Львовна.

— То есть, я имѣла все право сердиться на васъ.
Посуди, Ольга: однажды онъ такъ мнѣ надоѣлъ
своею хандрой, что я убѣжала съ отчаянія къ Куль-
пяковымъ, а онъ черезъ десять минутъ туда же
является, какъ ни въ чемъ не бывало! неслыхан-
ная дерзость! Разумѣется, я въ ту же минуту ушла.
Но что подумають эти господа, спрашиваю?

— Подумають, что вы сердились на меня.

Въ этихъ разговорахъ незамѣтно прошло все утро.

Вечеромъ, воротясь домой, Ольга замѣтила, что
потеряла браслетъ, съ которымъ никогда не расстава-
лась, потому что въ немъ хранились волосы ея матери,
и суевѣрная душа молодой дѣвушки предалась тоскли-
вому предчувствію. На другой день она рисовала все
утро, запершись въ своей комнатѣ; она жаждала уеди-
ненія и сказалась больною. Елена вошла къ ней на
минуту и объявила, что ѣдетъ съ графиней осматри-
вать школу, которая находится подъ ея вѣдѣніемъ.
Хотя въ продолженіе дня долетали до Ольги рѣзкіе
звуки голоса Анны Васильевны, которая изволила «гнѣ-

ваться на Дуньку», но день прошел довольно смирно; гнѣвъ Анны Васильевны не пошелъ дальше дѣвичей. Насталъ вечеръ. Ольга тихими шагами выбралась изъ своей комнаты въ садъ. Ночь была знойная и безлунная. Съ юга дулъ палящій вѣтеръ, но листья не колебались, и волны катились лѣниво, какъ бы утомленные зноемъ. Въ отдаленіи слышался голосъ береговой стражи, и въ этихъ однообразныхъ звукахъ, передаваемыхъ по водѣ вечернею зарею, было что-то невыразимо грустное. По горизонту змѣилась блѣдная молнія, а на вдавшейся въ море скалѣ свѣтился неугасаемый маякъ. Вся природа казалась погруженною въ сладкую дремоту, каждое тревожное чувство должно было затихнуть посреди этой величественной тишины. Въ домѣ уже готовились къ покою: горничныя оправляли постели, Анна Васильевна надѣла свой ночной чепецъ съ оборками, Павелъ Ивановичъ курилъ трубку, надѣвши халатъ, а Ольга не могла разстаться съ своимъ прекраснымъ пріютомъ, между двухъ утесовъ, куда прилетали къ ней, какъ незримые геніи, завѣтныя думы, несбыточные, странные желанія.

Воображеніе разгарается въ уединеніи, душевныя силы удваиваются, человѣкъ дѣлается гигантомъ въ собственныхъ своихъ глазахъ; ему тѣсенъ міръ Божій, онъ смѣло расширяетъ эти предѣлы, и создаетъ въ себѣ самомъ другой міръ, міръ золотыхъ фантазій.

Кто заглянулъ въ этотъ міръ хоть разъ, тотъ знаетъ, что онъ притягиваетъ къ себѣ неодолимою силой очарованія молодое сердце; но жить безопасно въ разобщеніи съ внѣшнимъ міромъ могутъ развѣ только одни пустынники, поддерживаемые всеильнымъ могуществомъ религіи.

Состояніе Ольги было опасно. До сихъ поръ вся жизнь ея сосредоточивалась въ мысли. Нравственное одиночество, которое она находила посреди своего семейства, гдѣ жило постоянно горе и разлада, развило до крайности идеальную сторону ея природы.

Не зная свѣта, она инстинктивно его не любила, она боялась его, и не хотѣла узнавать; а между тѣмъ сердце просило привязанности, и не удовлетворенное ничѣмъ на землѣ, устремилось въ безпредѣльность, создавало фантастическіе образы, любило, страдало втихомолку. Еще будучи ребенкомъ она цѣлыя ночи не смыкала глазъ, ей хотѣлось проникнуть въ смыслъ тѣхъ словъ, которыя останутся навсегда неразгаданными на землѣ; ее пугала вѣчность, ее пугала жизнь, которая оканчивается смертью, были вопросы, отъ которыхъ сердце переставало биться, кровь застыла въ жилахъ; ей казалось, что она умираетъ, а между тѣмъ надобно было скрывать свои страданія! Кто бы не почелъ ее сумашедшею въ ихъ семействѣ? кто бы пожалѣлъ ее? кто бы понялъ странную болѣзнь,

которая точила корень этого нѣжнаго цвѣтка? Только молитва спасала ее въ эти страшныя минуты посреди деревенской, могильной тишины, когда она съ невольнымъ ужасомъ прислушивалась къ голосу сердца. На нее находилъ страхъ, ей нерѣдко казалось, что она дѣйствительно готова сойти съ ума. Много передумала она на просторѣ, еще болѣе перечувствовала въ то время, какъ сестра ея дѣлалась съ каждымъ днемъ предусмотрительнѣе и умнѣе. Въ самыхъ начаткахъ страсти Елены къ Антошки таилась жажда свободы, богатства и успѣховъ....

Но Ольга любитъ теперь, любитъ какъ и всѣ, существо не призрачное, а очень порядочнаго и умнаго молодого человѣка; она всей душой предалась ему; любовь вытѣснила изъ ея сердца всѣ печальныя предчувствія, всѣ болѣзненные сомнѣнія, которыя до сихъ поръ бросали на жизнь ея какой-то ложный, фосфорическій свѣтъ, и будущее просіяло свѣтлыми лучами надъ ея головой. Теперь мечты ея приняли форму, все осуществилось для нея, всѣ странности характера ея огладились сами собою, она начала жить естественною жизнію. Ольга стала молодою дѣвушкой, какъ и всѣ; ей было легко, встрѣча съ нимъ разрѣшила многое въ ея воображеніи, и она, съ благодарностію къ Богу, произнесла дорогое имя; въ этомъ имени заключалась тайна ея спасенія.... Вдругъ что-то зашевелилось въ кус-

тахъ, песокъ захрустѣлъ подъ ногами, и слышался легкій вздохъ въ тишинѣ ночи. Ольга поблѣднѣла, и привстала, напрягая слухъ.

— Кто тутъ? спросила она чуть дыша.

— Это я....

— Ахъ, Леночка, какъ ты меня перепугала! зачѣмъ ты пришла сюда?

— Такъ, не спится, не знаю, что-то скучно. Пришла поболтать съ тобою. Этотъ *широко* такъ непріятно дѣйствуетъ на нервы. Графиня тоже скучаетъ. Впрочемъ я тебѣ принесла пріятную вѣсть: устраивается пикникъ на хуторѣ Рено. Это будетъ обворожительно!

— Вотъ еще наказаніе!....

— Чудачка! воскликнула Елена: — она боится удовольствій, такъ какъ иныя боятся скуки....

— Кто же тамъ будетъ?

— Разумѣется всѣ, и этотъ интересный *Антонки*... Какъ онъ былъ хорошъ сегодня, ты не повѣришь! этотъ летучій, живой, выразительный взглядъ, нѣсколько изподлобья, за который маменька прозвала его *Ринальдо-Ринальдини*.

— А онъ мнѣ вовсе не нравится, прервала Ольга, — я нахожу въ его фizioноміи что-то такое....

— О! избавь меня отъ твоихъ ученыхъ замѣчаній! Всѣ системы Лафатера и Галля не выносимы для

меня!... И вашъ Бальзакъ съ неумолимой своею физиологіей мнѣ надоѣлъ до смерти! Я не понимаю этого холодного педантства, съ которымъ анатомируютъ всѣ жилки въ сердцѣ живаго человѣка. Антонаки нравится мнѣ, и я больше ничего не хочу знать. Говорятъ, и въ солнцѣ есть пятна; но что мнѣ за дѣло до нихъ, когда я чувствую, что онъ меня оживляетъ и грѣетъ! Антонаки хорошъ, богатъ, уменъ....

Нѣжное чувство, какъ мы видимъ, не мѣшало Еленѣ помышлять о богатствѣ....

— Готова ли будетъ твоя креповая шляпка къ этому пикнику? спросила Ольга, желая переменить предметъ разговора.

— Безъ сомнѣнія! мы нынче съ графиней заѣзжали къ madame Томазینی, которая головой ручается мнѣ за полный успѣхъ моего туалета! Лиловое съ бѣлымъ — чудно хорошо!... Ну, а ты?

— Я буду вся въ бѣломъ, отвѣчала разсѣянно Ольга.

— Слава Богу! Ты начинаешь понимать, что хорошо, и не мудрено: передъ тобою прекрасный идеалъ вкуса. А проросъ, что подѣлываетъ твой печальный другъ?

— Кто это?

— Разумѣется, Луиза Лоргеймъ.

— Ей лучше, лихорадка прошла, но она все еще довольно блѣдна.

— Ну, а хорошенькій адъютантъ ея?

— Долицкій? онъ ничего! накупилъ эстамповъ....

— Какъ! развѣ ты ничего не замѣтила?

— Ничего, а ты?...

— Я не замѣтила, но слышала, что, вопервыхъ, онъ какой-то странный человѣкъ; вовторыхъ, что сильно ухаживаетъ за хорошенькою женой своего генерала.

— Какой вздоръ! прервала Ольга: — это просто дружба. Они давно знакомы. Луиза почти выросла въ домѣ у его матери, въ Москвѣ....

— И ты вѣришь этому, моя бѣдная Ольга? проговорила иронически Елена.

— Елена! откуда у тебя такія мысли? воскликнула Ольга тревожнымъ голосомъ.

— Я все это ясно поняла изъ двусмысленной улыбки, съ которою Омская относилась объ ней. Терехова утверждаетъ, что Долицкій безъ памяти влюбленъ въ Луизу; а Кульпякова, что-то шептала на ухо графинѣ и говорить, что при мнѣ нельзя всего разказывать: вѣдь это очень ясно, согласишься сама. Впрочемъ говорятъ, будто все это очень натурально, что старый мужъ долженъ непремѣнно надоѣсть молодой женѣ; а Долицкій, котораго она видитъ всеминутно, хорошъ, строень....

— Перестань! замолчи, ради Бога! воскликнула Ольга, почувствовавъ невыносимую боль въ сердцѣ: — это ужасно! ты сама не понимаешь что говоришь! Бѣдная Луиза!...

Ольга встала, чтобъ уйти, чтобъ не слышать страшныхъ словъ, которыя произнесла Елена; но силы едва не измѣнили ей, она съ трудомъ дошла до дому. Въ торопливости ея нетвердой походки было что-то лихорадочное; это не укрылось отъ глазъ Елены, которая молча шла за нею.

— Прощай! сказала сухо и отрывисто Ольга сестрѣ своей, пришедши въ залу, тускло освѣщенную нагорѣвшею свѣчей.

Елена пожала ей руку, и онѣ молча разошлись по своимъ комнатамъ.

Какая пропасть раскрылась мгновенно подъ ногами Ольги! Какое мучительное сомнѣніе закралось въ душу ея! Она съ ужасомъ увидѣла, что не въ силахъ разлюбить *его*, что любить *его* болѣе, чѣмъ когда-либо... Юрій! неужели это правда?... Ольга обманывалась въ нихъ обоихъ; теперь ни *ему*, ни *ей* не вѣрить! развѣ можно жить послѣ этого? но нѣтъ! нѣтъ! это неправда! Лёля не поняла, свѣтъ оклеветалъ ихъ, свѣтъ золь и несправедливъ! А между тѣмъ она съ убійственными подробностями припоминала всѣ взгляды, всѣ слова Луизы; всѣ странности, всѣ загадочныя страданія

Юрія, все это возрастало въ ея воображеніи какъ грозное привидѣніе; испуганная дѣвушка трепетала, плакала, молилась. Ей бы хотѣлось все забыть въ одно мгновеніе, а передъ нею, вопреки ей самой, рисовался образъ Юрія.... его взглядъ; какъ грустно смотритъ онъ на Луизу! какъ Луиза понимаетъ его!... О! куда дѣваться отъ этихъ воспоминаній!...

Переходя отъ одного чувства къ другому, не менѣе тревожному чувству, Ольга выбилась изъ силъ, припала къ дивану и уснула тяжкимъ сномъ. Но какое пробужденіе послѣ ночи, проведенной въ слезахъ! Она поспѣшила на воздухъ; но ей показалось, что все измѣнило ей, и море, и небо, и зелень! Холодные волны съ упрекомъ бѣгутъ къ ней, полумертвые деревья угрюмо шумятъ надъ ея головою, будто недовольныя; однообразная синева небеснаго свода пугаетъ ее безпредѣльностію.... Ей холодно и тоскливо, стѣсненное сердце ноетъ.... Мысль о смерти неясно носится надъ нею. О! еслибъ была жива мать ея! Съ какою любовью мать прижала бы ее къ груди своей! Сколько утѣшительныхъ словъ нашла бы она, угадавши любовь и разочарованіе своей дочери! Какъ бы приголубила она милое дитя свое!...

Молодая дѣвушка погрузилась въ грустное раздумье; горячія слезы медленно катились по лицу ея; легкій вѣтерокъ, прилетавшій по временамъ съ моря, игриво

перебиралъ листками бѣлой акаціи, раскинувшей надъ ней свои роскошныя вѣтви; вдругъ, кто-то тихо назвалъ ее по имени. Ольга вздрогнула и съ испугомъ взглянула на подходившаго къ ней молодаго человѣка: это былъ Юрій!... Юрій сѣлъ подлѣ нея, лицо ея покрылось блѣдностію, потомъ вспыхнуло, и во всѣхъ движеніяхъ Ольги было замѣтно сильное смущеніе; наконецъ она рѣшилась взглянуть ему въ лицо. Его спокойствіе, его благородный видъ заставилъ ее въ одну минуту усомниться въ словахъ Елены; одно уже присутствіе его благотворно подѣйствовало на ея душу.

— Я принесъ браслетъ, который вы потеряли вчера, сказалъ Юрій, подавая его Ольгѣ.

Она молча взяла браслетъ, обвила его около правой руки своей, но никакъ не могла запереть замочка, рука ея дрожала.

— Позвольте вамъ помочь, сказалъ молодой человѣкъ.

Ольга протянула къ нему руку, обнаженную до локтя, и замочекъ щелкнулъ подъ его пальцами. На этотъ разъ она чувствовала необыкновенную робость въ его присутствіи, и долго съ напряженіемъ искала словъ, чтобъ начать хоть какой-нибудь разговоръ. Казалось, напротивъ того, что молодой человѣкъ съ своей стороны нисколько не заботился объ этомъ. Онъ молча,

но безъ малѣйшаго смущенія смотрѣлъ на нее, и думалъ что-то про себя.

— Какъ хороша погода! проговорила Ольга не твердымъ голосомъ, устремивъ глаза къ морю, на которое снова смотрѣла съ удовольствіемъ.

— Прекрасно! Впрочемъ въ городѣ очень пыльно; я хочу переѣхать на хуторъ, здѣсь у васъ хорошо. Какой славный видъ! Любите ли вы природу?

— Люблю, иногда!

— Иногда? я тоже иногда ничего не люблю.

Сказавши это, онъ облокотился на скамейку, и долго смотрѣлъ вдаль, не говоря ни слова. При первомъ взглядѣ на Ольгу, онъ былъ пораженъ грустнымъ видомъ ея, и ясно понималъ всѣ усилія, которыя употребляла молодая дѣвушка, чтобъ казаться спокойною.

На горизонтѣ показался пароходъ.

— Хотѣли бы вы въ эту минуту отправиться въ Константинополь? спросилъ онъ съ намѣреніемъ развеселить ее во что бы то ни стало.

Вмѣсто отвѣта она грустно улыбнулась. «Нѣтъ, думала она: за этимъ яснымъ взглядомъ, за этою простодушною улыбкой, не можетъ скрываться ни преступныхъ думъ, ни тяжкихъ упрековъ совѣсти; нѣтъ! Лёля обманула меня!»

— Посмотрите! вонъ тамъ бѣлѣются паруса! продолжалъ онъ оживляясь: — что еслибъ мы могли съ

вами вдвоемъ сѣсть на корабль и свободно уплыть въ открытое море, къ чудному Босфору. Вечеромъ мы бы стали смотрѣть съ палубы на закатъ солнца и читать *Чайльдъ-Гарольда*; можетъ-быть, на мое счастье поднялась бы буря, въ испугъ вы прибѣгнули бы подъ мою защиту, глаза ваши, озаренные блескомъ молніи, стали бы еще больше и прекраснѣе въ минуту маленькой опасности.... Право, поѣдьте на Востокъ! говорилъ онъ, смотря на нее съ такимъ выраженіемъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ ожидалъ ея согласія.

— О! поѣдьте! отвѣчала она, засмѣявшись: — это такъ легко! остановите же скорѣй этотъ корабль, махните ему платкомъ. Я готова! меня ничто не связываетъ здѣсь! прибавила она тихо и грустно.

Въ глазахъ Юрія блеснуло нѣжное участіе.

— Свобода! свобода! прошепталъ онъ въ задумчивости: — ты не дана въ удѣлъ человѣку!...

Ольга посмотрѣла на него тревожно.

— Вы плакали! я вижу, сказалъ онъ, всматриваясь ей въ глаза. — Это не хорошо! жизнь не стоитъ вашихъ слезъ, повѣрьте мнѣ.

Она отворотилась закрывъ глаза рукою.

— Да! я провела ужасную ночь! отвѣчала она голосомъ, въ которомъ слышалось сильное волненіе.

Юрій тяжело вздохнулъ, какъ человѣкъ, который понялъ все, что она думала, и чего не смѣла сказать.

— Привыкните къ мысли, что все лучшее здѣсь должно страдать, сказалъ онъ ей съ глубокимъ убѣжденіемъ. — Однакожь ненадо слишкомъ предаваться этимъ мыслямъ, поспѣшилъ онъ прибавить, видя какое сильное впечатлѣніе слова эти произвели на воспріимчивую дѣвушку. — Ну перестаньте же грустить! это ребячество! успокойтесь! улыбнитесь! Посмотрите какъ хорошо рисуется отсюда на обнаженной скалѣ маякъ, и бѣлыя стѣны монастыря.... Ну, полюбуйтесь хоть на эту безподобную акацію, сказалъ онъ, срывая вѣтку, — какой запахъ! какъ бы я дорого далъ, чтобы въ Калужской губерніи была хоть одна аллея изъ бѣлой акаціи.

Ольга томно взглянула на вѣтку, которую онъ вертѣлъ въ рукѣ.

— Вы любите цвѣты? спросилъ онъ, не зная чѣмъ занять ея мысль.

— Люблю, отвѣчала она съ улыбкой, по которой можно было заключить, что она поняла его намѣреніе утѣшить ее....

Она была утѣшена, успокоена, прежде нежели могла отдать себѣ отчетъ въ отрадномъ чувствѣ, которое наполнило ея душу. Юрій какъ будто ожилъ.

— Ахъ какъ я радъ! дайте мнѣ руку! воскликнулъ онъ съ восторгомъ, не касаясь однакожь руки ея. — Возьмите эту вѣтку! прибавилъ онъ вдохновенно

и живо: — пусть она напоминает вамъ, что не надо плакать о пустякахъ.

— А почему вы знаете, спросила она, взявши изъ рукъ его вѣтку и вдыхая ея ароматъ, — можетъ-быть это горе очень важно?

— Я знаю, это все пустое, оно должно разсѣяться, вотъ какъ это маленькое облачко, которое набѣжало сію минуту на солнце.

— О! еслибъ я могла убѣдиться, что все это пустое!

Сердце Ольги уже вполнѣ вѣрило Юрію, уже по прежнему любило его.

— Но кто скажетъ мнѣ истину? продолжала она наивно, любуясь цвѣткомъ: — развѣ эта вѣточка?

— Именно она, отвѣчалъ Юрій съ одушевленіемъ,

— Въ такомъ случаѣ я никогда не разстанусь съ нею! сказала Ольга, бросивъ изъ-за нея оживленный взглядъ на Юрія.

Молодой человѣкъ какъ-то странно смѣшался, и краска выступила у него на лицѣ; онъ казалось не зналъ, что ему дѣлать, и чтобъ занять себя, разсѣянно сломилъ другую вѣтку и началъ обрывать съ нея листочки. Настала минута молчанія... оба были безотчетно счастливы. Какъ выразить словами нѣкоторыя чувства? Какъ опредѣлить что такое счастье?

Вдали послышались голоса. Ольга опомнилась.

— Ахъ! я и забыла что у насъ нынче гости, сказала она съ живостію, — а я еще не одѣта.

— Не одѣты? я и не замѣтилъ этого.

— О! я знаю, что для васъ это все равно; но эти дамы всегда такъ разряжены...

— Что вамъ до нихъ? Между вами и «этими дамами» ничего нѣтъ общаго. Куда же вы? не уходите! поговоримте, хоть нѣсколько минутъ... тутъ такъ хорошо!

Говоря это, Юрій деспотически овладѣлъ ея рукою; но въ ту же минуту и выпустилъ ее, какъ бы испугавшись своей собственной дерзости. Ольга стояла передъ нимъ безъ смущенія и уже доверчиво смотрѣла на него. Лицо ея было оживлено румянцемъ, улыбка мелькала на устахъ... она была прекрасна въ утреннемъ простомъ неглиже. Молодой человѣкъ съ восторгомъ смотрѣлъ на нее.

— Нѣтъ! пора! говорила она ему весело: — я узнаю голосъ графини Омской.

— Пустое! это вѣтеръ свиститъ... сядьте! поговоримъ еще!

— Ну, о чемъ намъ больше говорить?

— Да... и то правда... такъ подите же!

— До свиданья! прошептала Ольга и скрылась за куртинкой сирени, бережно охраняя вѣтку акаціи, которую несла въ рукѣ.

Долго молодой человѣкъ сидѣлъ какъ прикованный, на одномъ и томъ же мѣстѣ. Голосъ Ольги звучалъ въ его сердцѣ; слѣды слезъ и безсонницы беспокоили его; но онъ вспоминалъ восхитительную, прощальную улыбку ея, взоръ, успокоенный его дружескимъ участіемъ, и ему становилось легко и отрадно. Въ этомъ-то раздумьи застало его общество графини Омской. Всѣ они весело разговаривали, и смѣялись между собою. Елена въ прелестномъ нарядѣ шла между Омской и интереснымъ Антонаки; вслѣдъ за ними Зарайскій со всѣми ужимками франта, который почитаетъ себя львомъ, несъ вѣеръ графини; далѣе Анна Васильевна, въ пестромъ платьѣ, выслушивала съ примѣрнымъ терпѣніемъ какой-то напыщенно-длинный разказъ Кульпякова. Жена его, одѣтая необыкновенно пышно и молодо, срывала сантиментально цвѣточки на пути своемъ, и прикалывала ихъ къ корсажу. Подлѣ нея молча шла Настасья Патрокловна, Гречанка, приголубленная Анной Васильевной, съ носомъ приличной величины и коричневымъ цвѣтомъ лица.

— А, мсьё Долицкій! воскликнула эта компанія, наткнувшись на молодого человѣка: — о чемъ это вы мечтаете?

Долицкій, застигнутый врасплохъ, очень не охотно всталъ и раскланялся. Анна Васильевна пригласила его откусать у нихъ. Скоро явилась и Ольга, съ

веселою улыбкой, съ живымъ цвѣтомъ лица: и слѣдовъ не было той грусти, которой она предавалась до появленія Юрія.

— Какъ къ вамъ идетъ бѣлое платье! сказалъ онъ, окинувъ ее глазами.

— Скажите лучше, какъ идетъ улыбка къ ея лицу, возразила графиня Омская.

Ольгѣ сдѣлалось неловко и непріятно отъ этого замѣчанія; ей хотѣлось бы, чтобъ одинъ Юрій видѣлъ ея радость.

На другой день, какъ нарочно, посѣтила ее Луиза; при первомъ взглядѣ на нее Ольга смутилась.

— Ты что-то разстроена? спросила у нея Луиза.

— Ахъ! я виновата передъ тобою.... прости мнѣ! воскликнула молодая дѣвушка, сжавши ей руку: — но не спрашивай у меня ничего, умоляю тебя! Я какъ безумная... я не знаю сама, чему вѣрю, о чемъ плачу, чего ожидаю, на что надѣюсь. Мое сердце взволновано, я не умѣю выразить своего страданья... я хотѣла сказать, своего счастья!... Не правда ли Луиза, что все это вздоръ? все это городскія сплетни! я была увѣрена, что Юрій...

Произнеся это имя, Ольга внезапно остановилась, какъ оглушенная громомъ, слова замерли на устахъ ея, она силилась улыбнуться принужденною улыбкой; но безпокойный взглядъ Луизы, упорно впившійся ей

въ глаза, заставилъ ее опустить голову на грудь. Онѣ нѣсколько минутъ молчали. Волненіе Ольги очевидно усиливалось.

— Что съ тобой? произнесла шепотомъ Луиза.

Крупныя слезы катились по блѣдному лицу Ольги, она угрюмо взглянула на Луизу, встала и ушла, не отвѣчая ей ни слова, и та не смѣла ее тревожить, а только съ сожалѣніемъ посмотрѣла ей вслѣдъ и прошептала: «бѣдная!»

Ольга была не въ силахъ заглушить въ себѣ ревности, какъ ни старалась увѣрить себя въ несправедливости свѣтскихъ заключеній. Ее преслѣдовали слова Елены; ее грызла мысль о возможности этой тайной страсти; но спокойствіе Юрія, но дружескія изліянія Луизы приводили ее въ недоумѣніе, и она внезапно переходила къ другому чувству, она страстно любила Луизу, снова вѣрила ея чистотѣ и непорочности, чувствовала неодолимое желаніе просить у ней прощеніе. И вотъ Луиза передъ ней, и снова какой-то голосъ нашептываетъ Ольгѣ сомнѣнье. Ольга смущается; ей кажется, что рука Луизы какъ раскаленное желѣзо жжетъ ея руку; ей страшно открыть свою душу соперницѣ. Наконецъ Юрій замѣтилъ, что Ольга удаляется отъ Луизы: онъ смутно догадывался, что по городу ходятъ на его счетъ нелѣпыя толки, и потому сказалъ однажды: «Послушайте Ольга Павловна! лю-

бите М^{ме} Лоргеймъ: она васъ искренно и всей душой любить!

И этого было довольно для Ольги. При первомъ свиданіи съ Луизой, она съ прежней довѣренностію протянула руку молодой женщинѣ; онѣ обнялись какъ сестры.

Между тѣмъ рѣдкій день Долицкій не былъ на хуторѣ. Невольное чувство, въ которомъ онъ не умѣлъ отдать себѣ отчета, влекло его къ Ольгѣ. Ему нравился свѣтлый умъ ея, истекавшій изъ сердца, высокія нравственныя качества, отличавшія ее отъ многихъ, ея горячая любовь ко всему, что касается до міра поэзіи и искусствъ, и даже то страждущее, пассивное положеніе, которое досталось на ея долю среди этого разнороднаго семейства, чуждаго для нея по своимъ чувствамъ и понятіямъ. Нигдѣ не встрѣчалъ онъ столько искренности и участія, нигдѣ не былъ такъ покоенъ душой какъ при Ольгѣ. Взволнованъ ли онъ былъ, раздосадованъ ли, огорченъ ли, первое влеченіе его было направить путь свой за городъ, къ знакомому хутору надъ моремъ, подъ тѣнь густой зелени, или подъ защиту свода, образовавшагося обрывомъ скалы, гдѣ часто находилъ онъ Ольгу. Они читаютъ вмѣстѣ, спорятъ, мирятся, смѣются, высказываютъ другъ-другу все, что ни вспадетъ на умъ, а иногда отъ избытка душевныхъ мыслей, возник-

шихъ при видѣ природы, при чтеніи поэтовъ, молчатъ какъ будто забывши другъ о другѣ. Порой случалось безоблачному небу видѣть тихую, мечтательную, задушевную грусть, за которою не рѣдко слѣдовалъ простодушный, дѣтскій смѣхъ. Вдали отъ людей, кто не чувствуетъ себя другимъ человѣкомъ? Изолированный Юрій былъ ни сколько не похожъ на того Юрія Долицкаго, котораго видѣли въ свѣтѣ; но то было не притворство, а простое знаніе эпохи, въ которую онъ имѣлъ неловкость родиться... За то Юрій дорого цѣнилъ минуты откровенности, на которую вызывала его кроткая, любящая душа Ольги. Удивится ли кто-либо, если я скажу, что не взирая на это неодолимое влеченіе, на эту привязанность къ дѣвушкѣ, безъ которой, казалось, ему было скучно и тяжело, Юрій не былъ влюбленъ въ Ольгу? Были минуты, однакожь, когда, отдаваясь влеченію своей пылкой натуры, онъ почиталъ себя влюбленнымъ, когда краснорѣчиво и дѣльно доказывалъ себѣ, что нѣтъ въ мірѣ женщины лучше Ольги, что женившись на ней, онъ навсегда отдѣляется отъ тревожнаго чувства, которому нѣтъ опредѣленнаго названія, но которое давно разъѣдаетъ сердце его. Не будетъ ли онъ чуждъ всякой заботы, всѣхъ горькихъ, безотрадныхъ размышленій съ такою женой, какъ Ольга? Какъ успокоится онъ, почувствовавъ, что жизнь его течетъ стройно, подъ мирною сѣнью до-

машняго очага! Эти мысли порою такъ хорошо группировались въ головѣ его; но наступала минута рѣшенія, и холодъ охватывалъ его душу. Въ этой новой любви онъ не узнавалъ той прежней, юной любви своей, для которой былъ готовъ всѣмъ жертвовать. Онъ отдавалъ полную справедливость Ольги, но всѣ чувства его еще принадлежали той женщинѣ, которая такъ неожиданно оставила его.

Долицкій смущался, робѣлъ передъ Ольгой, не зналъ на что рѣшиться, не понималъ, или лучше сказать, не хотѣлъ понимать самого себя. Оставить Ольгу не доставало у него духа; онъ дорожилъ ею, какъ преданною душой, какъ другомъ, какъ поэзіею своей жизни; но женитьба пугала его. Еще благородныя движенія не совсѣмъ заглохли въ немъ, и онъ сознавалъ по временамъ, что не покончивъ внутренно съ прошедшимъ, нельзя предпринимать новаго пути. А между тѣмъ сколько страданій заключалось для Ольги въ этихъ колебаніяхъ! Она часто писала къ Машѣ: «Я вижу, что онъ не любитъ меня», но также какъ и Долицкій, сознавая умомъ истину, она не могла принудить сердце свое къ разрыву съ человѣкомъ, безъ котораго жизнь ея сдѣлалась бы невыносимою. Чаше однакожь казалось Ольгѣ, что она любима, и Юрій какъ-то бессознательно поддерживалъ ее въ этомъ мнѣніи. Заблуждался ли самъ онъ, поддаваясь вліянію

ея красоты и ея ума, самолюбіе ли, всегда громадное въ мужчинѣ, влекло его къ дѣвушкѣ, такъ искренно любившей его, — кто знаетъ!

Однажды вечеромъ напившись чаю у Еладыныхъ, онъ долго блуждалъ по саду, никѣмъ не замѣченный; тысяча различныхъ чувствъ кипѣли въ груди его. Онъ присѣлъ на скамейку, сердце его сильно билось безо всякой видимой причины. Быстро слетѣли сумерки на успокоившуюся окрестность; за деревьями зардѣлось небо, и мѣсяцъ озарилъ молодаго человѣка, погруженнаго въ сладкую думу. Вдали слышалась музыка. Онъ вскочилъ какъ наэлектризованный и скорыми шагами пошелъ къ дому. Ольга была одна, — она играла; въ комнатѣ не было другаго освѣщенія, кромѣ свѣта луны, бросавшаго яркіе проблески на игравшую дѣвушку. Передъ нимъ обрисовалась, облитая блѣднымъ, перламутровымъ свѣтомъ ея головка съ густыми черными волосами, ея воздушный станъ и двѣ маленькія ручки, пробѣгающія по клавишамъ. Выраженіе лица ея было серіозно. Какіе живые потоки любви, страданія и мольбы струились изъ подъ ея пальцевъ! Сколько сладостныхъ ощущеній породили они въ сердцѣ, въ нервахъ молодаго человѣка, который какъ прикованный не сводилъ съ нея глазъ и мечталъ, что онъ еще можетъ быть счастливъ на этомъ свѣтѣ, что эта дѣвушка, которая любитъ его... онъ

убѣжденъ въ этомъ!... готова отдать ему свою руку. Въ это мгновеніе раздаются тихіе звуки *Моисеевой молитвы*. Юрій внезапно останавливается. Вмѣстѣ съ этимъ роковымъ мотивомъ рисуется въ его воображеніи все прошедшее, и едва забытый образъ Женни воскресаетъ передъ нимъ со всею силой прежняго очарованія, со всею свѣжестію молодой, первой любви... онъ живо вспоминаетъ всѣ мелочныя подробности послѣдняго вечера, проведеннаго съ нею... она играла эту «молитву», то была пѣснь лебедя... то было предзнаменованіе вѣчной разлуки... ея нѣтъ! О! съ тѣхъ поръ онъ ничего не помнитъ, кромѣ ужасныхъ испытаній, кромѣ отчаянія и слезъ; съ тѣхъ поръ онъ никого не любилъ, онъ не можетъ, не умѣетъ любить съ тѣхъ поръ! Юрій боролся съ тѣнью прошедшаго, и силы его были потрачены въ этой борьбѣ. Забывъ о существованіи Ольги, онъ вышелъ изъ комнаты.

«Неужели этотъ чудный мотивъ такъ непріятенъ ему? думала она съ тоскою и замираніемъ сердца: — такъ зачѣмъ же онъ не сказалъ мнѣ, чтобъ я сыграла, что-нибудь другое? Чтò съ нимъ? Зачѣмъ онъ такъ странно взглянулъ на меня, и убѣжалъ не сказавши слова? Нѣтъ, это не комедіантство!... я знаю его... Боже мой! не разсердился ли онъ на меня... но что жъ я сдѣлала?»

Долго оставалась Ольга въ этомъ тяжкомъ недо-

умѣніи... Мѣсяць, то прятался, то выходилъ изъ-за тучи, бросая свой зыбкій свѣтъ на ея унылое лицо... Долго смотрѣла она на него въ грустномъ раздумьи, облокотясь на рояль, и не перемѣняя положенія.

— Что это за темнота такая! воскликнула Анна Васильевна, шумно входя въ комнату. — Да подавайте свѣчи! Леночка, не наткнись на столъ, ради Бога! Ужь эта Ольга чудачка! вѣчно мечтаетъ... лучше бы въ гости ѣздила.

Какъ непріятенъ показался Ольгѣ голосъ мачихи въ эту минуту! Она встала, глубоко вздохнула, и молча ушла въ свою комнату.

VII.

Расположеніе графини Омской къ Еленѣ усиливалось съ каждымъ днемъ, и скоро перешло за границы обыкновенной свѣтской пріязни. Графиня рѣшительно не могла жить безъ Елены. Лишь только просыпалась молодая дѣвушка, какъ передъ ней уже стояла Прасковья Ивановна, экономка графини, сѣдовласая, маленькая, проворная старушка, съ острымъ взглядомъ, съ неизмѣнно-услужливой улыбкою.

— Графиня приказали вамъ кланяться, говорила она: — и доложить: не побываете ли вы у нихъ сегодня? Имъ очень нужно съ вами видѣться. Графиня нездорова...

Это повторялось почти ежедневно съ небольшими варіаціями. Иногда графиня сама заѣзжала къ Еладьнымъ и находила тысячу случаевъ завладѣть Еленой. Елена же ѣздила къ ней, въ надеждѣ встрѣтиться съ Антонами: «Графиня такъ огорчена!»... часто

говоривала Елена, возвратясь отъ нея: — у ней множество непріятностей... я не рѣдко застаю ее въ слезахъ.

Елена, какъ и другіе, вѣрила въ чувствительность и доброту графини. Одинъ Шанскій подтрунивалъ надъ нею и сказалъ однажды, что охотно написалъ бы ей въ альбомъ эти два стиха:

«Когда смѣешься — ты сирена...

Когда ты плачешь — крокодилъ!»

— Что это, помилуйте, батюшка, какой же графиня «крокодилъ!» воскликнула Анна Васильевна: — да она предобрая, преласковая женщина!

Елена бросила на Шанскаго язвительный в зглядъ и не удостоила отвѣтомъ.

Утро, то-есть часъ пополудни: жалюзи опущены, свѣжо, и пріятно въ комнатѣ у графини. Сама она еще въ постели, но уже голубые занавѣси кровати съ одной стороны откинута; подлѣ нея, на столикѣ, стоитъ серебряный чайный приборъ; на графинѣ батистовая кофточка съ дорогими кружевами; густые каштановые волосы собраны всѣ вмѣстѣ подъ гребенку. Во всѣхъ движеніяхъ ея замѣтна томность, или лучше, граціозная лѣнь знатной дамы, или избалованнаго ребенка. Въ отдаленіи Прасковья Ивановна и Катя, подобострастно сложивъ руки, и

не сводя глазъ съ графини , ожидаютъ всеминутно приказаній... Вошла Елена, лицо графини просіяло, она живо протянула къ ней руки и съ материнскою нѣжностію поцѣловала ее въ головку; между тѣмъ шепнула что-то Катѣ, какъ будто мимоходомъ, и въ одну минуту передъ Еленой очутился полный завтракъ, съ фруктами, шербетомъ и прочимъ.

— Какъ я нынче дурно спала!... сказала она протяжно молодой дѣвушкѣ: — все тревожные сны... я видѣла Nicolas и какъ странно!

— Э, полноте, графиня! неужели вы вѣрите снамъ? Съ вашимъ-ли умомъ?...

— Не говорите этого, душа моя! женщины, которыя живутъ сердцемъ, дѣлаются ужасно суевѣрны послѣ перваго горя... Дай Богъ, чтобъ вамъ не привелось испытать этого... До этой разлуки, я не понимала еще вполне, какъ я привязана къ моему мужу.

— Ваше сіятельство! Письмо отъ графа!... воскликнула Прасковья Ивановна, торопливо входя въ спальню и поднявъ конвертъ вровень съ оборками своего чепца.

На этотъ разъ она улыбалась еще радостнѣе обыкновеннаго.

— Дай сюда скорѣй! вскричала графиня съ не-

описаннымъ жаромъ: — я цѣлую недѣлю томлюсь безъ писемъ!

Она сперва прижала это письмо къ губамъ своимъ, потомъ сорвала нетерпѣливо печать и прочитала вслухъ Еленѣ нѣсколько строкъ самыхъ нѣжныхъ, въ которыхъ графъ горько жаловался на судьбу. «Но ты, Надя, ищи разсѣянія, смѣйся, веселись, ѣзди въ театръ, не бѣгай людей!» писалъ онъ женѣ въ заключеніе. «Скоро ли настанетъ «блаженная минута свиданья!... Богъ знаетъ! дѣла мои идутъ плохо... Въ судахъ меня обираютъ какъ «липку...»

Здѣсь голосъ графини задрожалъ и оборвался... глубокій вздохъ вырвался наконецъ изъ груди ея, голова тихо опустилась на подушку. Письмо задрожало въ рукѣ ея, упавшей въ изнеможеніи на атласное одѣяло. Еленѣ стало искренно жаль ея, и она не хотѣла прервать ея тайныхъ думъ. Прошло нѣсколько минутъ въ молчаніи.

«Ты пишешь мнѣ о молодомъ Капнистріоти,» продолжаетъ графиня, слегка приподнявши голову, но все еще не совсѣмъ твердымъ голосомъ: «будь добра «къ нему, милый другъ! Саша въ каждомъ письмѣ «проситъ меня объ немъ. Онъ очень любитъ своего Антонаки»...

— Кто же этотъ *Саша*, графиня? просила Елена.

— Саша? О! Саша премилое существо. Онъ бы непременно вамъ понравился. Это племянникъ моего мужа. Большой шалунъ, но уменъ и добръ... словомъ я его люблю, какъ сына.

— Какъ же онъ познакомился съ этимъ...

— Съ Антонаки? Это было, видите ли, въ Италиі, мы ѣздили за границу для поправленія моего здоровья. Саша скоро сошелся съ Капнистріоти. Онъ оказалъ Сашѣ очень важную услугу. У него завязалось какое-то дѣло... *une affaire d'honneur*... что то очень щекотливое... не умѣю вамъ рассказать всѣхъ подробностей... знаю только, что Антонаки какъ-то весьма ловко выпуталъ его изъ затруднительнаго положенія; съ тѣхъ поръ молодые люди подружились какъ нельзя больше. Саша остался за границей... Судьба увлекла Антонаки въ Россію... Этотъ баловень Саша навязалъ намъ на шею своего друга, да и знать ничего не хочетъ. Мы Сашу балуемъ, потому что онъ круглый сирота, съ пяти лѣтъ подъ опекою моего мужа.

— Стало-быть онъ имѣетъ состояніе?

— Да... двѣ тысячи душъ; но дѣла его были очень разстроены. Еслибъ не Nicolas, который такъ много хлопоталъ объ немъ, то можетъ-быть Саша лишился бы всего...

«Сомнительно!» подумала Елена, имѣвшая нѣкоторое понятіе о дѣлахъ опеки вообще. Снова настало

молчаніе, въ продолженіи котораго лицо графини приняло прежнее пасмурное выраженіе.

— Ахъ, Елена! не любите никогда никого сказала она со вздохомъ... Разлука — это такое убійственное горе!... Но что же это я дѣлаю!... вскричала она, какъ будто опомнившись и съ живостію отирая глаза: — Nicolas запретилъ мнѣ грустить!

— Въ самомъ дѣлѣ, графиня, это неблагоприятно! сказала Елена, начиная утомляться сантиментальною сценою. — Поѣдьте лучше въ театръ, нынче «Норма».

— Вы любите «Норму»?

— До безумія!

— Ну такъ поѣдьте! отвѣчала графиня, все еще томнымъ, страдальческимъ голосомъ.

— Однакожь если вы такъ разстроены и нездоровы...

— Что за дѣло до этого!... было бы вамъ весело... Поѣдьте! я очень рада, прибавила она оживляясь какъ будто въ угоду Еленѣ. — Надо написать Антоны, чтобъ онъ взялъ для насъ ложу... Катя! чернилицу, перо, бумаги! Душенька, Елена Павловна, напишите за меня нѣсколько строкъ... Право не могу... силъ нѣтъ!

— Ахъ, графиня! можно ли это? воскликнула Елена, боясь сдѣлать промахъ.

— Э! что за бѣда, ma bonne amie! Женщинѣ меньше всего прощается жеманство. C'est pure province, а вы вовсе не смотрите провинціалкой... Предоставьте это дамамъ саратовскихъ степей... Ну что же вы задумались? спросила графиня, видя, что Елена колеблется. — Пишите!

«Что въ самомъ дѣлѣ за жеманство!» подумала Елена и взялась за перо. Графиня продиктовала ей слѣдующее:

«Женщины капризны — это давно замѣчено; ихъ элементъ — непостоянство, бѣдныя женщины! Итакъ не удивляйтесь, если вы меня видѣли вчера въ самомъ мрачномъ расположеніи духа, а сегодня узнаете, что я хочу веселиться... непременно и во что бы то ни стало хочу веселиться. Дostaньте мнѣ ложу... будьте такъ любезны, monsieur Antoine! если не собственно для меня, то хоть для одной интересной молодой дѣвушки...

— Ахъ, графиня! право не стану писать этого! воскликнула встревоженная Елена.

— Отчего же? надобно понимать шутку, это первый признакъ свѣтскаго образованія. Вѣдь Антонаки не какой-нибудь провинціальный кавалеръ, онъ сумѣетъ понять всѣ оттѣнки, не бойтесь!... Пишите же, душенька... «молодой дѣвушкѣ, которая поѣдетъ со мной въ оперу... Вы намъ обѣимъ доставите

«большое удовольствіе... Пріѣзжайте вечеромъ, мы
«васъ ожидаемъ. Предупреждаю васъ, что я сегодня
«расположена смѣяться, — приготовьте какой-нибудь
«забавный анекдотъ.

«До свиданья. Графиня Н. Омская.»

Графиня задумчиво вздохнула, продиктовавъ эти строки; письмо запечатали, отправили. Елена была сама не своя, она ощутила непонятное волненіе при мысли, что эта записка будетъ въ рукахъ Капнистріоти. Ея взяло тяжелое раздумье: Не странно ли поступила она, согласившись писать къ нему? она еще недовольно знаетъ свѣтъ, чтобъ рѣшить этотъ вопросъ...

Между тѣмъ графиня начала медленно свой туалетъ; былъ въ исходѣ второй часъ.

— Записка отъ Александра Александровича Зарайскаго! сказала Катя, подходя къ графинѣ.

— Подай!

Графиня взяла записку, бѣгло прочитала ее, и зѣвнула... зѣвнула впрочемъ очень живописно.

— Какая скука! Все сплетни, все вздоръ!... какъ я не люблю этаго Лоргейма!

— А онъ, говорятъ, такой добрый!

Графиня усмѣхнулась, насмѣшливо покачавъ головой.

— Добрый!... можетъ быть для жены... Но вгля-

дितесь въ его улыбку, въ ней что-то злое... я всегда представляла себѣ Мефистофеля съ такимъ лицомъ.

— Но по крайней мѣрѣ позвольте мнѣ думать, что Луиза — милое, доброе созданье.

— О, безъ сомнѣнія, она очень мила! Хороша какъ день, немножко *fine mouche*, но это еще не бѣда! Напротивъ это придаетъ ей какой-то особенный интересъ... Эта женщина имѣетъ все, чтобъ быть «львицей»; я не понимаю, о чемъ она думаетъ... Не всѣ положенія такъ выгодны въ свѣтѣ... старый мужъ, которымъ она вертитъ какъ хочетъ... Прелестное личико... хорошее состояніе... Мнѣ досадно смотрѣть, когда она разыгрываетъ роль героини Шиллера въ мѣщанской драмѣ, сама варить кофе мужу, нигде не выѣзжаетъ безъ него, не спускаетъ съ рукъ свою Адель... Я часто думаю о вашей сестрѣ... мнѣ жаль, что они ее обворожили и, повѣрьте! это не даромъ: подъ этою дружбой кроется что-нибудь... Но признайтесь, Елена, продолжала графиня, переходя внезапно въ шутливый тонъ: — скажите, Долицкій вскружилъ вамъ голову?

— О! нисколько...

— Нечего, признайтесь! Вы такъ вспыхнули...

— Можетъ-быть, но только увѣряю васъ... Я отдаю справедливость Долицкому, у него очень благо-

родный видъ, замѣчательно умное выраженіе лица. Но право онъ не въ моемъ вкусѣ. Мнѣ не можетъ нравиться молодой человѣкъ, который, сидя со мною, считаетъ на небѣ звѣзды, вовсе не заботясь о моемъ удовольствіи. Я боюсь ипохондриковъ, на нихъ никогда нельзя надѣяться... Мнѣ надо встрѣтить блестящій умъ, живую физіономію... взглядъ...

Она остановилась на половинѣ фразы, какъ будто боясь начертать слишкомъ схожій портретъ... Графиня слушала ее серьезно.

— Антонъ Денисовичъ! доложила Прасковья Ивановна, явившись передъ ними съ своею неизмѣнною улыбкой: — прикажите принять?

— Антонаки? Ахъ, Боже мой! а я еще не одѣта... Просить!... Просить!... Елена Павловна, милая моя! умоляю васъ, примите его, я сейчасъ выйду, скажите ему отъ меня...

Елена не трогалась съ мѣста.

— Allons donc!... повторила графиня: — что же вы?

— Зачѣмъ я пойду, графиня?

— Вотъ какіе пустяки! я не ожидала отъ васъ такого упрямства! Monsieur Antoine! подойдите ближе къ двери!

— Madame! послышалось за опущенною портьерой.

— Одна знакомая вамъ молодая дѣвушка, продолжала графиня, возвысивъ нѣсколько голосъ, — никакъ не хочетъ выйти къ вамъ. Я уговариваю ее цѣлый часъ!... Она боится соскучиться...

— Графиня! ради Бога!... что вы!... воскликнула Елена съ живостью, разлившею краску по лицу ея.

Графиня глядѣла на нее съ плутовскою улыбкой... Послышался знакомый голосъ изъ другой комнаты.

— Иду! сказала Елена съ рѣшимостью, и подняла рукой портьеру.

Дыханье ея стѣснилось, щеки пылали, когда она вошла въ гостиную и очутилась съ глазу на глазъ съ Антонами. Графиня долго еще не выходила изъ своей уборной.

VIII.

Анна Васильевна любила проводить время съ Настасьей Патрокловной Кастандараки, присутствіе которой ни въ какомъ отношеніи не стѣсняло ея привычекъ; она свободно дремала подъ жужжанье ея разказовъ, перебивала ея рѣчь, посылала смотрѣть, гдѣ собачка, не считая той уже выгоды, что съ Настасьей Патрокловной всегда можно было, посредствомъ картъ, узнать какъ по писаному прошедшее, настоящее и будущее.

Сколько *дорогъ* и *писемъ* предсказывала ей каждый день почтенная Кастандараки! сколько *хлопотъ* и враговъ *червонной масти* предвидѣла она въ *трефовомъ домъ*! этого пересказать нельзя. Анна Васильевна такъ и ахала въ тотъ вечеръ, а Павелъ Ивановичъ былъ страхъ какъ раздраженъ и выжидалъ только удобнаго случая придраться къ кому-нибудь, чтобъ излить тяготившую его желчь.

Надобно замѣтить, что наканунѣ онъ жестоко про-

игрался. Къ тому же ростовщикъ, который даетъ ему деньги за баснословные проценты, требуетъ еще землю въ обезпеченіе. Павелъ Ивановичъ убѣждался съ каждымъ днемъ, что состояніе его, или, лучше сказать, состояніе Ольги приходитъ въ совершенный упадокъ, но не зналъ чѣмъ помочь горю. Для поправленія дѣлъ онъ сердился, игралъ въ карты и давалъ вечера.

На дворѣ было пасмурно, собирался дождь, сильный вѣтръ гнулъ деревья вокругъ террасы, жалобно свистѣлъ во всѣ щели, поднимая съ дороги пыль, которая столбомъ врывалась въ окна и двери. Испуганныя птицы прятались подъ карнизъ; солнце безъ лучей, какъ кровавый шаръ, потухало на западѣ за группой пирамидальныхъ тополей; грозныя тучи, нависшія надъ моремъ, сообщали волнамъ свинцовый оттѣнокъ. Молнія сверкала съ разныхъ сторонъ; вдаль гремѣлъ громъ, но атмосфера не охлаждалась; сдѣлалось нестерпимо душно. Это состояніе природы раздражительно дѣйствовало на душу Павла Ивановича; но онъ еще молчалъ и сидѣлъ съ книгой на террасѣ; Анна Васильевна суетилась въ страхъ и трепетъ.

— Поскорѣй закрывайте окна! кричала она: — экая ужасная туча идетъ!

Настасья Патрокловна бросилась торопливо къ окну.

— Ну ужь вѣтеръ! такъ и рветъ изъ рукъ книгу! вскричалъ Павелъ Ивановичъ, вбѣгая въ комнату съ такою торопливостію, какъ будто его толкнулъ кто съ балкона: — не возможно сидѣть! а здѣсь такая тоска!

Онъ прижался къ окну и снова взялся за чтеніе; но чтеніе не надолго заняло его неугомонный духъ.

— Что за глупости пишутъ нынче наши господа! воскликнулъ онъ, швырнувъ книгу. — Ольга! Ольга! гдѣ ты милая?

Ольга подошла къ отцу, который приказалъ ей взять французскій романъ и прочесть ему вслухъ нѣсколько главъ. Ольга начала чтеніе: но Павелъ Ивановичъ слушалъ разсѣянно, вертѣлъ что-то въ рукѣ, смотрѣлъ въ окно и закричалъ наконецъ какъ истинно степной помѣщикъ:

— Оомка! трубку!

Явился «Оомка» съ трубкой, которую чрезвычайно флегматически подалъ барину и покосилъ глазами.

— Ты пьянъ, братецъ! сказалъ отрывисто Павелъ Ивановичъ, бросивъ презрительный взглядъ на пошатнувшагося домочадца.

— Никакъ нѣтъ—съ... проговорилъ тотъ, запинаясь.

Этого достаточно было, чтобъ вывести изъ границъ Павла Ивановича. Онъ крикнулъ, топнулъ ногой,

замахалъ руками, завопилъ и началъ гремѣть первымъ стуломъ, попавшимся ему подъ руку. Въ эту минуту ярко блеснула молнія и велѣдъ за нею разразился сильный ударъ грома. Анна Васильевна набожно перекрестилась.

— Анна Васильевна! посмотри на Оомку! Посмотри на него, ради Бога посмотри! повторялъ онъ съ запальчивостію.

— И! что мнѣ смотрѣть на него, батюшка!

Гречанка безсмысленно вздохнула.

— Да вѣдь онъ опять пьянъ. Развѣ ты скажешь, что онъ не пьянъ?

— Не знаю!...

Это роковое *не знаю* привело еще въ большее бѣшенство Павла Ивановича. Онъ вышелъ изъ себя и началъ все съ плеча причитать, прибавляя: «ты вѣрно не знаешь и того, что по милости твоей...» тутъ и пошло и пошло! И цѣпочки, и шали, и разныя финтифлюшки, и Мишка, которому забрили лобъ, и Воронежское имѣнье, и предводительство, которое ему такъ дорого стоило, и сестры Анны Васильевны, которымъ онъ сдѣлалъ приданое, и Раиса, которой нашелъ мужа... съ ея рожей вѣкъ бы ей сидѣть въ дѣвкахъ... и Таничка...

— Полно, батюшка, шевелить костями-то мерт-

выхъ! сказала Анна Васильевна, съ трепетомъ заглядывая въ окно на грозную тучу. Гречанка вздохнула и перекрестилась.

Но Павелъ Ивановичъ не въ силахъ уже былъ остановиться. Онъ не излилъ еще гнѣва, накопившагося у него въ страшномъ количествѣ за три дня. Хладнокровіе Анны Васильевны ни сколько не обезоружило его; истощивъ наконецъ весь запасъ упрековъ, которые впрочемъ мало дѣйствовали на жену его, онъ обратился къ дочери, сидѣвшей неподвижно въ углу комнаты. Чтобы сдѣлать ей непріятность, онъ придрался къ чему-то и началъ бранить Луизу Лоргеймъ.

— Іезуитка! притворщица! А вѣдь подумаешь въ самомъ дѣлѣ, что предобродѣтельная женщина; насилу глазки подымаетъ когда говоритъ съ кѣмъ. Вотъ и узнавайте людей по физіономіи! Славныя вещи разказываютъ про нее по городу, нечего сказать! А ты дружись съ этою сентиментальною нѣмочкой, Ольга! ты скачи къ ней, обнимай ее! Вотъ нажила себѣ друга... Не ожидалъ я этого отъ тебя, признаюсь!

Ольгѣ силъ не достало выслушивать подобныя обвиненія; она залилась слезами и задыхаясь выскочила на балконъ. На дворѣ уже стемнѣло; гроза продолжалась съ прежнею силой; но Ольга не замѣчала ни блеска молніи, ни раскатовъ грома, она

плакала закрывшись платкомъ. Въ это время на лѣстницу взошелъ Долицкій.

— Это вы, Ольга Павловна! Чтò съ вами? Боже мой! воскликнулъ онъ.

— Ничего, проговорила она отирая слезы, — папенька разсердился...

— И вы плачете? Какое ребячество!

Ольга вздохнула. Она сама чувствовала, что горе это не такъ еще велико и что Долицкій правъ, называя слезы ея ребячествомъ; но зналъ ли онъ, сколько слезъ и тоски накопилось уже въ ея сердцѣ до той минуты, когда представился ей удобный случай выплакать ихъ? Зналъ ли онъ, что любовь, которая глубоко запала въ ея душу, служить неизсякаемымъ источникомъ ея постоянной грусти? Нѣтъ! Онъ не догадывался объ этомъ, потому что не любилъ Ольги. Любовь его къ ней, выражавшаяся порывами, жила въ головѣ его, а не въ сердцѣ.

Но Ольга, озаренная молніей, при шумѣ kloкочущаго моря, одна на балконѣ, плачущая и грустная, показалась ему привлекательнѣе чѣмъ когда-либо, онъ осыпалъ поцѣлуями ея руки и успокоивалъ ее голосомъ, въ которомъ звучала нѣжность и участіе. Долицкій увлекался необыкновенно легко.

— Однакожь, пойдете въ комнату, сказала Ольга, почувствовавъ наконецъ брызги дождя.

Они вошли. Между тѣмъ домъ освѣтили лампами, на столѣ кипѣлъ самоваръ. Павелъ Ивановичъ успокоился, выпивъ стаканъ чаю, который всегда хорошо дѣйствовалъ на расположеніе его духа, и успокоившись, какъ всѣ вспыльчивые люди, совершенно забылъ о причинѣ своего неудовольствія. Анна Васильевна ахнула, увидя гостя.

— Какъ это въ такую грозу!

— Я не замѣтилъ тучи, выѣзжая изъ города, отвѣчалъ Долицкій: — впрочемъ я не раскаяваюсь, что пріѣхалъ.

Ольга перебирала ноты; она чувствовала какую-то неловкость въ присутствіи Долицкаго, послѣ всѣхъ нѣжныхъ словъ, которыя онъ наговорилъ ей подъ вліяніемъ быстро проходящей южной бури.

Составилась партія: Настасья Патрокловна да Еладина, мужъ съ женою. Долицкій сталъ за стуломъ Павла Ивановича и смотрѣлъ въ карты, Ольга ушла; но Елена, которая во все это время была на верху, появилась и скоро начала пѣть какую-то цыганскую пѣсню. Соскучась безъ разговора, Долицкій подошелъ къ столу, на которомъ лежали книги, картинки и большой альбомъ въ красномъ сафьянномъ переплетѣ. Онъ машинально развернулъ этотъ альбомъ, въ которомъ столько разъ рисовалъ все, что приходило ему въ голову, но перелистывая его, увидѣлъ муж-

ской портретъ. «Странно! прежде его не было здѣсь!» подумалъ онъ, пристально и долго разсматривая рисунокъ, потомъ сердито оттолкнулъ отъ себя альбомъ и всталъ.

Въ эту минуту вошла Ольга.

— Куда же это вы, Юрій Александровичъ! сказалъ Павелъ Ивановичъ, замѣтя покушеніе Долицкаго ускользнуть изъ комнаты: — вѣдь еще не поздно.

— У меня есть дѣло дома! отвѣчалъ онъ и вышелъ, поклонившись очень сухо Ольгѣ.

IX.

— Итакъ, господа, мы пойдемъ пѣшкомъ въ театръ, сказала дня черезъ два послѣ того графиня Омская своему маленькому обществу, расположившемуся на балконѣ ея городского дома.

Всѣ съ удовольствіемъ согласились на это предложеніе. Зарайскій ловко подбѣжалъ къ графинѣ и подалъ ей руку. Антонаки подошелъ къ Еленѣ, даже Шанскій зашевелился, а Долицкій стоялъ неподвижно, опершись на рѣшетку балкона. Ольга осмотрѣла вдоль улицы.

— Что же, ты милая, мечтаешь? Пойдемъ! сказала ей сестра.

Долицкій какъ бы нехотя подалъ руку Ольгѣ.

Все общество двинулось впередъ. Шанскій былъ чрезвычайно болтливъ въ тотъ вечеръ; онъ кланялся направо и налево, проходя по такъ-называемому «Пале-ройялю»... ему всѣ знакомы въ городѣ, и онъ разказывалъ вкратцѣ біографію каждаго изъ нихъ,

тономъ человѣка, который показываетъ китайскія тѣни.

Ольга и Юрій долго молчали, не замѣчая ничего, не вмѣшиваясь ни въ какой разговоръ, не понимая чему смѣются другія. Они шли, задумавшись, потупивъ глаза, будто въ ожиданіи чего-то.

— Скажите, Юрій Александровичъ, отчего вы дуетесь на меня? спросила наконецъ тихимъ голосомъ Ольга: — что я сдѣлала вамъ!

— Чей это портретъ я нашелъ въ вашемъ рисовальномъ альбомѣ?

— Это должно быть Машенька...

— Какая Машенька!... съ усами, военный... прекрасное лицо!... Какая-то байроновская фizioномія... а внизу написано вашею рукой что-то очень сантиментальное, въ родѣ этого: *Que ne puis-je oublier comme on m'oublie...*

— Да что вамъ за дѣло до этого портрета? спросила Ольга съ хитростью, къ которой прибѣгаетъ иногда и не кокетка.

— Онъ мнѣ не даетъ покоя! проговорилъ Долицкій, сердито крутя усы.

— Какіе пустяки!

Юрій вспылilъ; у него накопилось на душѣ пропасть злости въ эти два дни.

— Не дразните меня! не лукавьте! къ чему это

притворство!... Вы очень хорошо понимаете что... что я взбѣшенъ.

— Да чѣмъ же наконецъ?

— Я ревную... вы хотѣли добиться этого слова!... Ну такъ знайте, я ревнивъ!... Если васъ это забавляетъ, смѣйтесь! Что же вы не смѣетесь!

— Ревнуете!... къ давнопрошедшему?...

— Да и къ давнопрошедшему... мнѣ все равно! Есть тѣни, которыя никогда не перестанутъ пугать воображеніе.

— Успокойтесь! Это именно тѣнь! сказала съ чувствомъ Ольга: — его ужъ нѣтъ на свѣтѣ! Это одинъ изъ моихъ родственниковъ, который былъ влюбленъ въ Танечку, сестру моей мачихи, и подарилъ ей свой портретъ. Мнѣ еще было тогда лѣтъ двѣнадцать. Это печальная исторія! Слова подъ портретомъ написаны вовсе не моею рукой. Онъ умеръ, и эта страстно любимая и любившая женщина вышла преблагополучно за другаго и въ свою очередь подарила мнѣ этотъ портретъ, съ тѣмъ чтобъ я хранила его какъ драгоценность. Видите ли, что даже и рука не моя.

— А мнѣ со страху показалось...

— Вы все такъ! сказала Ольга съ укоромъ.

Она не знала, что можно ревновать не любя и была счастлива.

— Простите!... еще разъ простите!

— Нѣтъ! вы меня слишкомъ огорчили! сказала она, притворно надувая губки.

Юрій опустилъ голову, вакъ виноватый, который не смѣетъ оправдываться. Они продолжали путь молча. За то Шанскій не умолкалъ, онъ разказалъ какой-то преуморительный анекдотъ; но Долицкій ничего не слыхалъ: онъ былъ весь погруженъ въ самого себя. Казалось, никогда еще онъ не чувствовалъ такого блаженства въ присутствіи этой милой дѣвушки, которая безъ жеманства, безъ разсчета предалась ему всею душою. Онъ кругомъ обвинялъ себя передъ нею, и не могъ надивиться нерѣшительности своего характера.

— Да почему же вы не хотите опереться на мою руку? спросилъ онъ Ольгу послѣ довольно продолжительнаго молчанія, когда пришлось ей перепрыгнуть черезъ канавку.

— Да я все думаю, что вамъ будетъ тяжело.

— Мнѣ? Можно ли это?

— Ну, довольны ли вы наконецъ? спросила она шутливо, повиснувъ всею тяжестью своею на его рукѣ, при встрѣчѣ съ другою канавкой.

— О! милая, добрая Ольга! сказалъ онъ, крѣпко прижавъ къ себѣ ея руку. — Вы все простили мнѣ... неправда ли?

— Что жъ съ вами дѣлать!.. поневолѣ простишь!

— Не вините меня! не вините никогда!... еслибъ

вы знали какъ я жалокъ, какъ я измученъ жизнію! Я говорю это не для того, чтобъ показаться вамъ интереснымъ, но чтобъ вызвать всю доброту души вашей навстрѣчу моей откровенности. Если вы откажете мнѣ въ снисхожденіи, то я не знаю, что будетъ со мной. Вы однѣ имѣли силу оживить меня... я благоговѣю минуту, въ которую я узналъ васъ.

— Что жъ вы отстаєте отъ насъ, господа! закричали имъ: — мы пожалуй потеряемъ васъ въ толпѣ.

— Идемъ! идемъ! откликнулся Долицкій. — Ахъ! сколько страшно-грустныхъ лѣтъ, продолжалъ онъ, — прожилъ я подъ вліяніемъ душевнаго недуга, который разсѣялся теперь отъ вашего кроткаго взгляда, и для меня снова проглянуло солнце. Я еще полонъ жизни, я могу любить... во мнѣ сохранилась вѣра въ счастье, вѣра въ полную, безусловную доброту женщины, въ благородство души ея, во все прекрасное въ Божіемъ мірѣ. Не вините меня въ недостаткѣ воли, въ равнодушіи къ человѣчеству, въ эгоистическомъ взглядѣ на жизнь — все это было слѣдствіемъ несчастій, а можетъ быть и страстей, которыми я слишкомъ увлекался въ первой молодости. Но теперь, когда высоко-нравственная душа ваша коснулась моей души и очистила ее, я почувствовалъ себя другимъ человѣкомъ; я ужаснулся пустоты и ничтожества, посреди которыхъ я терялъ свои лучшіе годы.

— О! дай Богъ! тихо сказала Ольга растроганнымъ голосомъ.

— Вы посланы ко мнѣ самимъ небомъ, можетъ быть въ вознагражденіе за прошлыя страданія. Я не стану говорить съ вами общепринятымъ языкомъ любовныхъ изъясненій; я не унижу васъ взрывомъ безумной страсти... вы можетъ быть даже и не поняли бы этого языка, ваша природа не такова! Нѣтъ, оставайтесь въ вашемъ спокойномъ невѣдѣніи! Не знайте той любви, которая переходитъ въ страсть, это недостойно васъ! Но какъ другъ, подайте мнѣ руку и извлеките меня изъ этой душной атмосферы, изъ этой грязной пошлости, гдѣ я погибну безъ васъ. *Наша* жизнь будетъ однообразна, но спокойна; всякое истинно благородное чувство живетъ не рукоплесканіями свѣта, но собственною своею высокою жизнію, неизмѣнною какъ вѣчность. Я не знаю другаго блаженства кромѣ спокойствія. Скажите, Ольга, поняли вы меня? я говорю такъ отрывисто, такъ несвязно... въ этомъ народѣ неловко!... но завтра я буду у васъ.

Ольга слегка пожала ему руку; у ней не было ни силъ, ни голоса отвѣчать словами на его несвязный шопоть. Толпа, спѣшившая въ театръ, волновалась передъ ними, но Ольгѣ казалось, что она совершенно отдѣлилась отъ земли.

— Гдѣ же Ольга Павловна? сказала графиня, оглядываясь.

Ольга только тогда опомнилась, какъ Елена схватила ее за руку и почти втокнула въ двери театра.

— Ахъ! Ольга! ты своею разсѣянностію вѣчно встревожишь всѣхъ! сказала ей сестра: — мы цѣлый часъ ищемъ тебя въ толпѣ. Пойдемъ скорѣй! дай мнѣ руку!

Онѣ убѣжали вверхъ по лѣстницѣ; Долицкій пошелъ въ кресла. Онъ былъ спокоенъ какъ человѣкъ, который исполнилъ возложенную на него обязанность.

Музыка и любовь — вотъ все, что осталось намъ на землѣ отъ рая, потеряннаго человѣкомъ, говоритъ Томасъ-Муръ. Ольга поняла эту мысль такъ ясно, такъ глубоко увлекаясь въ тотъ вечеръ обворожительными звуками Беллини, утопая всею душой въ сладкомъ убѣжденіи, что любима Юріемъ... За одно мгновеніе такой жизни можно было бы заплатить цѣною многихъ жертвъ; но для этого надобно родиться поэтомъ.

Опера кончилась. Вся публика хлынула въ сѣни, и шумно разсыпалась по корридорамъ, дамы въ ожиданіи экипажей, прижавшись къ стѣнѣ, обмѣнивались летучими фразами; лакеи суетились; жандармы громгласно передавали фамиліи, безжалостно искажая ихъ.

Ольга, пріютившись въ уголокъ, смотрѣла автоматически на движеніе этой толпы; но глаза ея вдругъ оживились, она издали увидѣла Юрія, который съ своей стороны, казалось, употреблялъ всѣ усилія, чтобъ пробраться къ ней сквозь толпу. Между тѣмъ мимо его мелкнули двѣ молодыя дамы въ бурнусахъ. Одна изъ нихъ быстрымъ движеніемъ остановила другую за руку и показала глазами на Долицкаго. Въ то же самое мгновеніе и онъ, узнавъ ихъ, пріостановился.

— Вотъ неожиданная встрѣча! воскликнула живая, остренькая брюнетка, дружески протягивая ему руку.

При взглядѣ на нее, въ лицѣ Юрія изобразилось сильное волненіе. Ольгѣ показалось, будто онъ поблѣднѣлъ.

— Какъ это вы очутились въ Одессѣ, Юрій Александровичъ? спросила другая молодая женщина.

— Судьба! отвѣчалъ Юрій.

— Ну такъ! все попрежнему фаталистъ, какъ и въ Петербургѣ.

— Зачѣмъ же мнѣ мѣняться!

— Однакожь вы измѣнились! прервала хорошенькая брюнетка, улыбаясь. — Я васъ не узнаю... вы стали какъ-то угрюмо смотрѣть на человѣчество.

— А помните ли вы то время, какъ я была невѣстой? подхватила другая игриво: — бывало тетенька

заставляетъ пѣть: «Меня душитъ тоска», тогда какъ меня душитъ смѣхъ! Женни возьметъ аккомпанировать, спутается и не знаетъ что ей дѣлать... мы всѣ расхохочемся, а тетенька сердится.

Долицкій грустно улыбнулся, поникнувъ головой. Казалось, эти повидимому пустыя воспоминанія болѣзненно сжали его сердце. Онъ прислонился къ стѣнѣ и прошепталъ.

— И гдѣ все это!... Прошлаго и слѣду нѣтъ!

Ольга хотя не могла слышать этого разговора, но сердце въ ней замерло: волненіе Юрія не могло укрыться отъ ея глазъ. Она чувствовала, что это не простая, обыкновенная встрѣча... нѣтъ!

— А Женни? вы еще не забыли ея? продолжала молодая женщина: — ахъ! я очень любила ее! Въ ней все было прелестно, даже самые недостатки. Какая-то обворожительная таинственность окружала эту женщину. Правда ли что ея нѣтъ на свѣтѣ?

— Не знаю! произнесъ задумчиво Долицкій.

— Я помню, какъ вы были влюблены въ нее! прибавила молодая женщина: — теперь можно признаться, когда все прошло, что мы всѣ завидовали Женни.

Ольга прочла въ чертахъ Юрія невыразимое страданіе. Онъ стоялъ какъ убитый передъ этими двумя дамами.

— Однакожъ вы стали просто несносны, monsieur

Долицкій, снова заговорила брюнетка: — что за великобританское равнодушіе! гдѣ ваша прежняя веселость? Нѣтъ! я вижу, «могила друга все взяла»!

— Да что вы толкуете о могилѣ? прервала другая дама, вслушавшись въ разговоръ ихъ: — я навѣрно знаю, что она жива, и даже очень счастливо путешествуетъ по Италіи съ какимъ-то богачомъ Англичаниномъ и подъ тѣнью миртовыхъ деревьевъ.

— Какъ! она жива? воскликнулъ Долицкій измѣнившимся голосомъ. — Ради Бога, повторите это! кто вамъ сказалъ?

— Ахъ! какъ вы взволновались, monsieur Долицкій! Ну такъ не скажу вамъ ни слова больше. Посмотрите на это кольцо... узнаете ли вы? продолжала она игривымъ тономъ, показывая свѣтившійся на рукѣ перстень.

Долицкій съ быстротою молніи схватилъ ее за руку.

— Ой! какъ больно! Я напишу Женни, что вы помните ее!

— Стало-быть вы знаете, гдѣ она! воскликнулъ Юрій, блѣднѣя.

— Карету подаютъ! сказалъ лакей, торопливо подходя къ дамамъ.

— Пойдемъ, Катишь!

И дама торопливо взяла руку своей кузины.

— Не уходите! ради Бога, не уходите! умолялъ

Юрій, бросаюсь вслѣдъ за ними: — если вы имѣете хоть на волосъ человѣческаго чувства, скажите мнѣ гдѣ она?

— Успокойтесь! я пошутила, я ничего не знаю.

— Нѣтъ! не вѣрю! гдѣ вы остановились?

— Зачѣмъ вамъ? мы на разсвѣтѣ ѣдемъ!

— Вы ѣдете! это ужасно! Боже мой!

— Карету отгонять... пожалуйста скорѣй! закричалъ лакей.

Дамы ускорили шаги, набросивъ капишоны бурнусовъ на голову.

— Еще одно слово! умоляю васъ! повторялъ Юрій почти внѣ себя.

— Право, я ничего не знаю! Павлина! дай мнѣ руку!

Онѣ уже были на крыльцѣ.

— Прощайте! будьте счастливы! закричали ему изъ кареты.

Дверцы захлопнулись. Мелкія камешки завизжали подъ колесами отъѣзжавшаго экипажа... Ихъ нѣтъ! Юрій быстро сбѣжалъ съ крыльца и исчезъ въ темнотѣ.

Ольга стояла, прижавшись къ стѣнѣ, неподвижна и безчувственна; только холодный потъ выступалъ у ней на лбу, и дрожащая рука какъ бы сама собою складывала и раскладывала вѣеръ. Она видѣла

съ какимъ изступленіемъ выбѣжалъ онъ за этими дамами, съ какимъ необыкновеннымъ оживленіемъ онъ говорилъ съ ними, какъ онѣ смѣялись, какъ онъ былъ блѣденъ и пораженъ... Она ждала, она надѣялась, что онъ воротится, но Юрій исчезъ за незнакомками. Не скоро подали карету графини Омской къ величайшему страданію Ольги. Но вотъ наконецъ Ольга одна у себя въ комнатѣ. Кто разкажетъ ея безмолвную тоску, ея отчаянную любовь, ея ревнивыя опасенія, ея безотчетный страхъ!... Что будетъ съ ней!... разлюбить ли она его? . . .

. . . и . . . и . . . и . . . и . . . и . . . и . . . и . . . и . . .

Х.

Еслибъ Ольга была способна замѣтить что-нибудь, то конечно задумчивость Елены не укрылась бы отъ нея. Еладьины сѣли играть въ карты съ Зарайскимъ, и поминутно спорили, ни сколько не заботясь о причинахъ этой задумчивости; Настасья же Патрокловна не пропускала случая украдкой взглянуть на молодую дѣвушку, которая ранѣе всѣхъ удалилась въ свою комнату. Наскоро раздѣвшись, она бросилась въ постель, приказала погасить свѣчу, открыть окно и опустить жалюзи, такъ чтобы воздухъ могъ проходить свободно; исполнивъ это, горничная вышла.

Оставшись одна, Елена вскочила съ постели, поспѣшно одѣлась и при свѣтѣ лампы снова прочла письмо, переданное ей Гречанкою во время вечерней прогулки.

«А! онъ покорился наконецъ!» подумала честолю-

бивая дѣвушка. По всѣмъ правиламъ кокетства, Елена могла смѣло рассчитывать на полный успѣхъ.

Елена, какъ поосмотрѣлась въ свѣтѣ, то увидѣла, что трудно нравиться прямою откровенною любовью, и потому научилась казаться то равнодушною и не приступною, то любящею и покорною, смотря по обстоятельствамъ. Она поступала такъ осторожно, такъ обдуманно, что репутація ея оставалась безукоризненною, тогда такъ чистое, возвышенное чувство Ольги служило предметомъ толковъ, сужденій и насмѣшекъ.

При первой встрѣчѣ, Антонали понравился Еленѣ, но она сумѣла такъ вести дѣла свои, что даже опытный глазъ графини Омской былъ обманутъ притворнымъ равнодушіемъ молодой дѣвушки, которой она не боялась, и въ которой видѣла доброе, невинное созданье, покорное ея волѣ, и больше ничего. Свѣтскія женщины иногда бываютъ замѣчательно недальновидны.

Скрываясь отъ всѣхъ, Елена дѣйствовала вѣрнѣе на сердце Антонали, который въ свою очередь не узналъ уловокъ кокетки подъ осторожными дѣйствіями скромной дѣвушки. Онъ полюбилъ ее страстно. Убѣдившись въ этомъ, Елена наивно призналась ему въ любви своей; но, какъ бы испуганная собственнымъ увлеченіемъ и словами, которыя исторгнуты

были страстью молодого человека изъ глубины ея неопытного сердца, бѣдная дѣвочка вся въ трепетѣ убѣжала домой, и съ тѣхъ поръ начала избѣгать встрѣчи съ Антонаки. Что же касается до дома Еладыныхъ, то съ самаго начала своего знакомства съ молодымъ человекомъ, Елена разочла, что слишкомъ частыя съ его стороны посѣщенія могли бы подать поводъ къ нѣкоторымъ догадкамъ и сплетнямъ въ городѣ, и сумѣла устроить такъ, что онъ являлся въ домъ ихъ не иначе какъ въ торжественные дни.

Елена не ошиблась: Антонаки дѣйствительно потерялъ голову въ продолженіе томительныхъ дней разлуки, которые послѣдовали за ея обворожительнымъ признаніемъ. Какъ ни хотѣлось и самой Еленѣ видѣться съ нимъ, но она переломила себя. Искренно ли она полюбила его? Кто знаетъ! ей осьмнадцать лѣтъ, Антонаки хорошъ собою, у него дивные восточные глаза, которые имѣютъ въ себѣ что-то магическое. Наконецъ надобно же любить когда-нибудь кого-нибудь! Наступаетъ рѣшительная минута... влюбленный Антонаки, забывши все на свѣтѣ, пишетъ къ ней... онъ умоляетъ о свиданіи. Елена взволнована, и въ упоеніи предается сладкимъ мечтамъ. Антонаки такъ хорошъ, пожатіе руки его такъ страстно! Антонаки богатъ, а это ничего не пор-

титъ: онъ окружить ее блескомъ, роскошью и обожаніемъ.

Но встѣ вдали по берегу послышалось тихое пѣніе. Звуки Шубертовой серенады приближаются къ дому. Елена прислушивается къ знакомому голосу. Ея сердце сильно бьется, дыханье ускоряется, въ лицо бросилась краска... Но вдругъ голосъ умолкъ, и скоро раздался условный ударъ. Елена встрепетнулась; но, какъ прикованная, не двигалась съ мѣста. Ударъ слегка повторился; тогда она съ рѣшимостью бросилась къ окну и откинула кисейную занавѣску.

— Это вы! Боже мой!

— Это я! Но зачѣмъ это жалузи? Дайте мнѣ хоть одну минуту полюбоваться вами.

Задвижка щелкнула, окно отворилось. Антошки съ быстротою молніи овладѣлъ руками трепещущей дѣвушки.

— О! ты не знаешь, мое божество, какъ я страдалъ! какъ мнѣ хотѣлось тебя видѣть? Я готовъ былъ побѣдить всѣ препятствія. О! не смущайся отъ словъ моихъ и повѣрь, что никогда до сихъ поръ не любилъ я такъ истинно! Но что тебя такъ пугаетъ?

— Тише! ради Бога! тише! насъ услышатъ, я боюсь.

— Я буду говорить шепотомъ, успокойся!

— Умоляю васъ! уйдите! Вонъ мѣсяцъ показывается изъ-за деревьевъ... насъ могутъ увидѣть... я погибла!

— Со мною не погибнешь, Елена! Положись смѣло на мою любовь. Но отчего же ты такъ печальна? Ты плачешь... Я уйду, если потревожилъ тебя, мой ангелъ!

— Ахъ, нѣтъ! не уходи! Я думаю о томъ, какъ я буду несчастлива, когда ты перестанешь любить меня! произнесла она нерѣшительно и тихо.

— Какъ! я перестану любить тебя! Неужели ты такъ мало знаешь мое сердце! возразилъ съ грустію Антонаки, привлекая ее къ себѣ. — Мы дѣти юга, мы любимъ пламеннѣе и святѣе, чѣмъ на вашемъ безцвѣтномъ сѣверѣ... тамъ не знаютъ, что такое любовь. Съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ тебя, Елена, вся жизнь моя измѣнилась, я живу тобою! Одно слово твое дастъ мнѣ райское блаженство на землѣ, а вмѣстѣ съ нимъ и сверхъестественную силу. Я предчувствую, что мы будемъ счастливы... голосъ сердца внушаетъ мнѣ это убѣжденіе! Мы должны быть счастливы, если ты любишь меня, мое божество! Ты любишь меня, неправда ли? О! произнеси это слово!

Елена слушала его, поникнувъ головою; густые локоны въ безпорядкѣ спускались ей на лицо и закры-

вали его до половины. Антонали осмѣлился приподнять ихъ рукою и заглянуть ей прямо въ глаза. Взоръ ея былъ скромно опущенъ къ землѣ.

— Ты молчишь! ты не увѣрена въ собственномъ сердцѣ своемъ, заговорилъ онъ съ возраставшимъ жаромъ, — ты разлюбишь меня.

— О, никогда! воскликнула Елена, быстро поднявъ голову; глаза ея при лунномъ свѣтѣ заблистали какъ звѣзды.

— Вѣрю! вѣрю тебѣ! повторилъ молодой человекъ, внѣ себя отъ восторга: — такъ выслушай меня, Елена! Я много испыталъ, много видѣлъ, а еще больше перечувствовалъ: — довѣрься моей любви, моимъ нѣжнымъ заботамъ о твоемъ счастіи; но не думай, мой ангелъ, чтобы счастіе состояло въ богатствѣ и роскоши, чтобы оно облекалось въ дорогія ткани, тщеславилось пустымъ блескомъ. Все это ослѣпляетъ толпу, но не приноситъ счастья. Счастье скрывается отъ свѣта, оно живетъ въ тиши, подъ тѣнью мирнаго крова, безъ шуму, безъ огласки, довольствуясь взаимностью и довѣріемъ. Истинное семейное счастіе не внушаетъ зависти толпѣ, но поселяетъ уваженіе къ людямъ, которые умѣютъ пользоваться имъ. Я не знаю, какъ это случилось, но я постигъ все это съ той минуты, когда началъ любить тебя. Я возвысился надъ самимъ собою, я сдѣлался

лучше .. и тебѣ одной обязанъ этимъ перерожденіемъ, мой ангелъ! Для тебя я стану трудиться, я хочу упрочить твое счастье!

Елена еще не понимала къ чему клонятся всѣ эти слова, но уже въ ея сердце запало тревожное сомнѣніе. Не зная, какъ выйти изъ этого лабиринта недоумѣній, она молчала, предоставляя времени и случаю распутать эту нить. Но голосъ Антонаки былъ такъ нѣженъ, и такъ искренно выражалъ любовь! Антонаки такъ довѣрчиво смотрѣлъ на молодую дѣвушку, приписывая это молчаніе женской робости, что она безсознательно поддалась вліянію благороднаго чувства, овладѣвшаго молодымъ человѣкомъ, и тихо пожала ему руку. Антонаки покрылъ ея руки горячими поцѣлуями; тысяча нѣжныхъ увѣреній и страстныхъ словъ полились изъ устъ его, которыя говорили отъ полноты сердца. Въ порывѣ страсти, онъ не замѣчалъ, что Елена была нѣсколько холодна и принужденна: она между тѣмъ обдумывала планъ, выводила заключенія, взвѣшивала всѣ выгоды и невыгоды своего положенія и пользу, которую могла извлечь изъ него. Передумавъ много, она увидѣла наконецъ, что одно только оставалось ей въ эту минуту: разыграть роль влюбленной дѣвочки, неосторожной и неразсчетливой въ своихъ поступкахъ. Это значило заставить Антонаки оцѣнить ея любовь, готовую на всѣ пожертвованія.

Она тихо опустила голову на плечо молодого человека, и вздохнула.

— Ахъ, мой другъ!... какъ я безумно вѣрю тебѣ! сказала она нѣжнымъ, глубоко проникавшимъ въ душу, голосомъ. Но чрезъ минуту оживившись, и уже съ большею силою, она продолжала: — Мнѣ надо было имѣть слѣпую вѣру въ твое благородство, чтобы рѣшиться сдѣлать... то, что я дѣлаю... высказать тебѣ мои чувства... здѣсь, въ эту пору, тайкомъ отъ матери, какъ преступница, потому только, что ты захотѣлъ этого. О! для тебя я готова на все!... Я не признаю другой власти надъ собой, кромѣ власти моего Антонаки... Но какъ все это не понятно мнѣ!... Ты околдовалъ меня! Я едва могу опомниться. Я ли это, въ самомъ дѣлѣ? Что со мной? Нѣтъ! пусти меня! Пусти, мой милый!... Я боюсь! мнѣ страшно! Еслибъ ты зналъ, какъ до сихъ поръ я была робка и недовѣрчива! А теперь!... Какъ сумѣлъ ты придать мнѣ столько смѣлости? Какъ я люблю тебя, Антонаки! Неужели послѣ всего этого ты оставишь меня?

— Елена! не убивай меня твоею недовѣрчивостію!

— Она происходитъ отъ избытка любви. Не сердись на меня! Ты знаешь, я глупа какъ ребенокъ, меня такъ легко обмануть! Я всего боюсь, я леденѣю при мысли... но нѣтъ! нѣтъ... ты любишь меня! Ты не измѣнишь мнѣ!

Эти слова были произнесены съ такою очаровательною нѣгой страстно-влюбленной женщины, разсудокъ которой весь покоряется чувству, что молодой человекъ рѣшительно обезумѣлъ. Онъ не могъ произнести ни слова, онъ боготворилъ ее, онъ благоговѣлъ передъ нею, и чувствовалъ въ себѣ силу принести неимовѣрныя жертвы этой чудной дѣвушкѣ.

Въ эту минуту Антонаки высоко стоялъ на нравственной ступени; эта минута искренней любви искупила всѣ прошлыя заблужденія его жизни, и сердце его очистилось, лицо просвѣтилось. Елена поняла это мгновенное перерожденіе, и сердце ея забилося гордымъ торжествомъ самолюбія. Она поняла всю силу свою надъ людьми, все могущество красоты и находчивости, и передъ воображеніемъ ея раскинулось обширное поприще дѣйствій: смѣлый взоръ ея окинулъ его въ одно мгновеніе. Она тоже была счастлива, но на свой ладъ. Антонаки взялъ ея руку, она опомнилась; мечты ея разлетѣлись.

— Какъ глубока любовь моя къ тебѣ! сказалъ онъ голосомъ неподдѣльной любви, придающей столько очарованья взгляду и физіономіи.

Елена смутилась и внезапно почувствовала необходимость прекратить эту сцену. Она тихо освободила руки свои изъ рукъ Антонаки и сказала, что имъ пора разстаться.

— Ты видишь какое я слабое созданье! говорила она: — будь тверже, будь благоразумнѣе меня!

— Но когда же мы опять увидимся, Елена?

— Завтра, на пароходѣ. Но если любишь меня, будь остороженъ! Не подходи ко мнѣ, я боюсь свѣта. Свѣтъ завидуетъ счастію, и замѣтивъ, что мы любимъ другъ друга, добрые люди постараются разлучить насъ.

— Я даю тебѣ слово беречь тебя, и употреблю всѣ усилія надъ собою, чтобъ казаться равнодушнымъ; но еслибъ ты знала какъ это трудно, милая Елена!

— Изъ любви ко мнѣ! для моего спокойствія, прошу тебя.

— О! для тебя я на все готовъ, моя дивная Елена... Я сдѣлаюсь въ глазахъ общества холоденъ какъ ледъ, не бойся!

Вдругъ послышался рѣзкій звукъ колокольчика въ спальнѣ Анны Васильевны. Елена крѣпко пожала руку Антошки и въ то же мгновеніе захлопнула окно.

Колокольчикъ сильно и долго звенѣлъ въ дрожавшей отъ страха рукѣ Анны Васильевны. Елена съ обыкновеннымъ своимъ проворствомъ въ одну секунду раздѣлась, бросилась на постель и притворилась спящею — на всякой случай.

— Экой сонъ у этихъ беззаботныхъ! хоть изъ пушекъ пали! кричала Анна Васильевна надъ голо-

вою спящей Дуняши. — Встань, матушка! проснись! Воры!

Дуняша вскочила на ноги, какъ полоумная.

— Съ нами сила крестная! Неужто воры?

— Я тебѣ говорю: въ окно лѣзутъ... Зови людей!

Дуняша побѣжала на кухню, вздула огня, собрала весь народъ; ополчились дубьсмъ и дрекольемъ на страшнаго вора, обѣжали кругомъ весь домъ, и всѣ троинки сада; но никого не встрѣтили. Антонаки въ это время былъ уже на верху горы, гдѣ ожидала его коляска. Елена чутко прислушивалась къ бѣготнѣ и суматохѣ въ домѣ; рассчитывая, что Антонаки уже далеко, она лукаво посмѣивалась, пряча голову въ подушки.

— Воръ-то знатъ убѣжалъ, барыня! объявила Дуняша, воротившись въ спальню къ Аннѣ Васильевнѣ, которая тряслась отъ страху какъ въ лихорадкѣ.

— Убѣжалъ! какъ же это? вѣрно не сумѣли поймать.

— Какъ не сумѣть! у Архипа-то былъ топоръ, а Мишка схватилъ палку съ бильярда... да какъ хватить! смотреть, анъ кустъ!

— Дураки! вора не могли поймать!

И Анна Васильевна не скоро успокоилась въ ту ночь: ей наяву и во снѣ грезились разбойники. Такъ и замирало сердце у бѣдной Анны Васильевны.

XI.

Елена проснулась на другой день ранѣе обыкновеннаго; не раскрывая еще глазъ, полусонная, протянула руку къ колокольчику и позвонила. Стекланный колокольчикъ издалъ печально - серебристый звукъ, и какъ будто пробудилъ сердце молодой дѣвушки. Передъ ней живо обрисовалась вчерашняя сцена въ таинственную пору полуночи, при лунномъ свѣтѣ и знойной тишинѣ: голосъ влюбленнаго Антонаки, его взволнованныя страстью черты, эти клятвы, въ которыхъ было такъ мало послѣдовательности, но столько искренней любви! «Къ чему же клонилось однакожь проповѣданіе счастія, которое можетъ обойтись безъ убранствъ, безъ условной свѣтской роскоши, безъ пышной обстановки? Не скрывается ли что-нибудь вещественное подъ этою идеальностью? или какъ всѣ богачи онъ наивно воображаетъ, что богатство ничего не значитъ? Какъ узнать

его мысль! Надо осторожно проникнуть, изъ какого источника происходит у него это пренебреженіе къ роскоши, которое онъ старается поселить и во мнѣ, онъ, который самъ проживаетъ такъ много денегъ!»

И мысль ея отъ упоительной любви, отъ идеальнаго блаженства, въ составъ котораго входило все модное, блестящее и дорогое, перешла къ самымъ холоднымъ, разочаровывающимъ душу заключеніямъ; Елена содрогнулась. Она предчувствовала, что есть какая-то пропасть подъ ея ногами, но съ которой стороны и гдѣ опасность, это еще оставалось для нея загадкою. «Пора!» прошептала она наконецъ, съ рѣшимостью раскрывъ глаза и спуская съ постели ножки, которыя скользнули по ковру и спрятались въ синія бархатныя туфли. Въ эту минуту вошла Параша съ запискою отъ графини, которая ночевала въ городѣ и просила Елену заѣхать за ней. Ольга поѣдетъ съ Луизой. Анна Васильевна рѣшительно объявила, что ужасно боится воды; а Павла Ивановича не было въ городѣ: онъ по какому-то дѣлу, какъ говорилъ, а можетъ и просто для прогулки, отправился въ семь часовъ утра на нѣсколько дней въ Бессарабію, въ сопровожденіи одного стараго сослуживца, съ которымъ столкнулся случайно въ Одессѣ.

— А сестра? спросила Елена.

— Онѣ ужъ почти совсѣмъ одѣты, отвѣчала Параша.

Въ слѣдъ за этимъ вошла и сама Ольга, грустная и разстроенная.

— Ахъ! какъ ты нынче дурно одѣта! воскликнула Елена, бросивъ учено-критическій взглядъ на нарядъ сестры своей.

— Мнѣ все равно! отвѣчала разсѣянно Ольга.

— Напрасно! А знаешь ли, что не смотря на это безцвѣтное платье, ты интересна... у тебя чудные глаза! Ты нравишься, и не одному... Я навѣрное знаю, что князь Сергій влюбленъ въ тебя.

Но Ольга не слушала ея, выдергивая машинально цвѣты изъ вазы, стоявшей передъ ней на столикѣ.

Вдругъ растворились двери и появилась Анна Васильевна.

— Чтожъ это вы, болтушки, не ѣдете? воскликнула она.

Пощеловавши ручку у матери, молодыя дѣвушки сѣли въ коляску и помчались по пыльной дорогѣ въ Одессу. Съ нѣкоторыхъ поръ между сестрами водворилась какая-то принужденность. Онѣ говорили обо всемъ, кромѣ того, что въ самомъ дѣлѣ занимало ихъ умъ и сердце. Экипажъ остановился у крыльца Луизы.

— Право, я не понимаю, что у тебя за страсть къ

этой женщинѣ, сказала Елена своей сестрѣ съ оттѣнкомъ презрѣнія.

— Ахъ! оставь меня, Лёля! вскрикнула Ольга, выходя изъ коляски.

— Къ графинѣ Омской! закричалъ лакей.

Въ то утро, море покрылось множествомъ катеровъ различной величины; изъ-подъ мѣрныхъ ударовъ вѣселъ брызгала перламутровая пѣна. Солнце играло въ водѣ, и весело скользили на просторѣ эти плывущіе салоны, то обгоняя другъ друга, то искусно лавируя, чтобъ избѣжать встрѣчи; и это общество, пестрѣвшее нарядами, спѣшило въ открытое море, гдѣ такъ привольно и свѣжо! Поровнявшись другъ съ другомъ, иные обмѣнивались дружескимъ поклономъ, другіе коварною улыбкой или брошенными наудачу словами. Такимъ образомъ незамѣтно вошли въ рейдъ, гдѣ слегка дымилась труба военного парохода, и возвышались надъ водой громады нѣсколькихъ трехдечныхъ кораблей и неизмѣнная брандвахта, которая казалась хозяйкой дома посреди нихъ. Вотъ и катеръ графини Омской, занимавшей мѣсто между Еленой и Олимпіадой Николаевной. Кругомъ ихъ извѣстная толпа «молодежи» отъ 18 до 50 лѣтъ включительно. Рѣзко отличался отъ всѣхъ Антонаки, манерами, физіономіей и этими глазами, которые блестяли какъ агаты и кружили голову нашимъ дамамъ.

Олимпіада Николаевна, въ модной мантильѣ самаго фантастическаго покроя, манерно опиралась на бортъ, и бросала изъ-за розоваго зонтика нѣжные взгляды, принимавшіе попеременно то строгое, то меланхолическое выраженіе каждый разъ, какъ глаза ея встрѣчались съ глазами интереснаго Грека. Графиня, напротивъ того, гордо отражала всѣ взгляды тонкою улыбкой, какъ лезвіемъ кинжала, и казалось, была выше всякаго мелочнаго, женскаго кокетства. Разговоромъ овладѣла хорошенькая блондинка, баронесса Келлеръ, болтая безъ умолку и горячо отстаивая права женской свободы. Она улыбалась на право и налѣво довольно свободно; мущины охотно спорили съ ней.

— Посмотрите! Посмотрите! Кульпяковъ съ женою! закричалъ одинъ юноша, указывая глазами на катеръ, въ которомъ сидѣла знаменитая чета.

— Какъ она разряжена! голубое платье! розы на шляпкѣ, розы на щекахъ, присовокупила Олимпіада Николаевна.

— То-есть на щекахъ розы, привезенныя съ послѣднимъ пароходомъ изъ Парижа, сострилъ Зарайскій.

Но Кульпяковы поровнялись и были встрѣчены громкими привѣтствіями общества.

Графиня послала отставной губернаторшѣ по воздуху поцѣлуй, сопровождаемый милою улыбкой. За-

райскій чуть не уронилъ въ море своей шляпы. Блондинка сказала, возвысивъ свой нѣжный голосъ :

— Мы васъ давно ждемъ !

Нѣсколько мужскихъ голосовъ слилось въ одинъ гулъ, выражавшій удовольствіе встрѣчи. Графинѣ послышалось между прочимъ что-то въ родъ : « Да здравствуетъ Филемонъ и Бавкида ! » Но она оставила это безъ вниманія.

Одинъ Антошки былъ серіозенъ и молчаливъ, да Елена, игравшая роль жертвы. Она улыбалась, какъ будто изъ милости, и эта улыбка походила на лучъ солнца, проглянувшій изъ-за тучи.

Попутный вѣтерокъ подгонялъ катеръ, и катеръ лавируя неся къ своему назначенію ; онъ уже оставилъ за собою пристань отѣненную лѣсомъ мачтъ и красивый берегъ Одессы, на который съ любовью смотрѣла Елена. Вотъ подошло къ пароходу нѣсколько катеровъ вмѣстѣ ; спустился парадный трапъ, и все общество вскарабкалось не безъ труда на палубу, которая была защищена отъ солнечнаго зноя цвѣтною палаткой и убрана, какъ невѣста, померанцевыми цвѣтами и розами. Капитанъ корабля встрѣчалъ всѣхъ съ одинаково-привѣтливою улыбкой, гремѣла военная музыка, звуки ея далеко разносились по водѣ и достигали до самаго города, раскинувшася живописною панорамой по горѣ ; палуба ожив-

ленная народомъ, приняла праздничный видъ. По ней важно расхаживалъ Евграфъ Петровичъ Кульпиковъ съ женою и георгіемъ за 25 лѣтъ, и суетился Зарайскій, всегда готовый на услуги и любезности, типъ давно исчезнувшій на сѣверѣ, но еще возможный въ Новороссійскомъ, пламенномъ краю, куда до сихъ поръ еще не проникла мода не имѣть сердца. Тамъ группа Поляковъ съ длинными усами, бойкимъ взглядомъ и щегольскими жилетами; здѣсь съезжившисъ сидить на табуретѣ Шанскій, въ старомъ сюртукѣ съ подвязанною рукой (онъ нѣкогда служилъ на Кавказѣ) и съ какою-то вѣчно-кислою гримасой. А тутъ два брата Галушкины увиваются около какого-то смѣющагося генерала. Наконецъ множество «прекрасныхъ дамъ», одѣтыхъ по послѣдней парижской модѣ. И пароходъ въ тотъ день съ особенною важностью качался на якорѣ, какъ бы гордясь блескомъ собравшагося на немъ общества.

Всѣ были тутъ, кромѣ Луизы Лоргеймъ, Ольги и Долицкаго. Ихъ отсутствіе не разъ уже было замѣчено въ толпѣ, къ крайнему неудовольствію Елены, которая въ душѣ сильно негодовала на сестру. Многіе предавались догадкамъ на счетъ этой интересной дружбы, и не всѣ равно благосклонно улыбались. Ничто не укрылось отъ зоркихъ глазъ Елены.

— Какъ мнѣ жаль, что Ольга Павловна не поѣхала съ нами! сказала графиня Еленѣ съ глубокимъ чувствомъ соболѣзнованія. — Зачѣмъ вы не уговорили ее, Hélène!

Живая краска разлилась по лицу Елены: она была раздражена, раздосадована тѣмъ, что называла опрометчивостью сестры своей, и не зная, что сказать на эти слова, молча отошла отъ графини. Облокотясь на бортъ, она смотрѣла вдаль, выжидая появленія темной точки, которая могла бы превратиться въ катеръ и привезти Ольгу. Елену волновала и досада и опасеніе. Антонаки не вмѣшивался ни во что: онъ завелъ серіозный разговоръ на итальянскомъ языкѣ съ какимъ-то негоціантомъ, отличавшимся характеристическою южною физіономіей.

Но что же удерживало Ольгу и Луизу?

Ольга, увидя Луизу, не выдержала, чтобъ не разказать ей всего, что случилось съ нею въ эти нѣсколько дней: признаніе Юрія, такое искреннее, благородное признаніе, потомъ встрѣчу его съ двумя молодыми дамами, ихъ оживленный разговоръ, волненіе молодаго человѣка, исчезнувшаго вслѣдъ за ними, наконецъ все, что наполняло ея душу сомнѣніемъ и тоскою. Луиза слушала ее печально и не сказала ни одного слова въ утѣшеніе. Ей было

досадно, что бѣдная Ольга такъ искренно предалась этому эгоисту. Да, несмотря на свое давнее пріязненное чувство къ Юрію, Луиза не могла не обвинять его въ безхарактерности и измѣнчивости, отъ которыхъ такъ страдала Ольга. Зачѣмъ онъ увлекаетъ ее, не имѣя положительнаго намѣренія просить ея руки? Зачѣмъ не женится на ней, если, какъ онъ говоритъ, не знаетъ лучше ея дѣвушки на бѣломъ свѣтѣ? Все это было и непонятно и понятно Луизѣ, которая не забыла прежней страсти его къ Женни и отчасти догадывалась, что воспоминаніе о ней еще не вполне изгладилось изъ его сердца. Все это очень непріятно дѣйствовало на Луизу.

— Нѣтъ, душа моя, я не поѣду на этотъ пикникъ, говорила Ольга.

Луиза уговаривала ее разсѣяться.

— Я не могу ивдѣть его.

— А я, напротивъ, хочу поговорить съ нимъ: онъ всѣ эти дни скрывается отъ меня.

— О! не говори ему ничего обо мнѣ, умоляла Ольга.

Время незамѣтно шло въ разговорахъ, а Луиза еще и не думала одѣваться. Мужъ прислалъ сказать ей, что пора ѣхать. Только послѣ многихъ гонцовъ отъ генерала, который любилъ акку-

ратность, дамы вышли въ залу, гдѣ уже онъ давно ждалъ ихъ.

— Посмотри, Луиза, какой чудакъ этотъ Долицкій! сказалъ генералъ, отдавая женѣ письмо, которое держалъ въ рукѣ: — пишетъ, что ему никакъ невозможно ѣхать съ нами на пароходъ... «Очень занятъ! дѣлъ много!»... Какой, право, сталъ дѣятельный человѣкъ! Я не узнаю его!

Луиза быстро взглянула на Ольгу, потомъ пробѣжала глазами письмо, и не говоря ни слова, положила его на столъ. Ольга едва могла скрыть свое волненіе. Она надѣялась видѣть его, хотя и увѣряла другихъ и себя, что вовсе не желаетъ этого.

— Не тащи меня туда! сказала она Луизѣ, когда генералъ пошелъ въ кабинетъ за перчатками: — что я тамъ буду дѣлать безъ него!

Кто не испыталъ этой непослѣдовательности мыслей и желаній на самомъ себѣ?

— Ахъ! какъ я сердита на этого человѣка! воскликнула Луиза, скомкавъ въ рукѣ письмо Юрія. — Ты должна ѣхать, Ольга, именно для того, чтобъ доказать ему, что и безъ него тебѣ можетъ быть весело.

— Да мнѣ не будетъ весело.

— Все равно. Ты будешь танцовать, смѣяться, заниматься княземъ Сергіемъ Николаевичемъ. О! этому человѣку надо дать урокъ! Надо возбудить въ немъ

ревность. Я его знаю... Ёдемъ! надѣвай бурнусъ! Вотъ твой зонтикъ! Будь же весела, Оленька! Ты еще не испытала жизни, а въ свѣтъ безъ притворства не проживешь.

Луиза оживилась негодованіемъ, которое внушилъ ей поступокъ Юрія; она затормошила бѣдную Ольгу, желая сообщить ей эту лихорадочную веселость, которая овладѣла ею самою. Она не позволяла задумываться Ольгѣ.

Наконецъ Елена увидѣла съ палубы маленькое пятнышко, приближавшееся съ быстротою къ пароходу, и заключила, что это сестра съ Луизой. Въ самомъ дѣлѣ, это были онѣ. Толпа хлынула къ борту, чтобы посмотреть на этотъ одинокій катеръ, какъ на какое-нибудь чудо; любопытство, возбужденное ожиданіемъ, придавало необыкновенный интересъ прибывшимъ дамамъ. Кавалеры бросились къ нимъ навстрѣчу: князь Сергій и Зарайскій, который вездѣ игралъ роль *Мухи Крылова*, поспѣшили предложить имъ руку помощи, посредствомъ которой Луиза и Ольга взобрались на палубу довольно благополучно.

— У! какъ она грустна! замѣтила дама, перевѣсившаяся за бортъ, въ то время какъ взбирались онѣ по спущенному трапу.

— Что жъ мудренаго! «Кого-то нѣтъ!... кого-то жаль!...» подхватила другая, помоложе той.

— Именно жаль!... попался!...

— А говорятъ онъ въ самомъ дѣлѣ влюбленъ въ эту.

— Быть не можетъ! развѣ оттого, что она богатая невеста.

Но Ольга подняла на нихъ глаза; дамы въ одно мгновеніе умолкли и отвернулись. Бѣдная Ольга все слышала. Волненіе ея было такъ велико, что она вся задрожала и чуть было не оступилась въ воду.

— Какъ можно смотрѣть по сторонамъ, Ольга Павловна! Вы эдакъ могли бы въ одинъ мигъ очутиться въ морѣ! замѣтилъ ей Зарайскій въ то время, какъ князь Сергій безъ всякихъ замѣчаній ловко поддерживалъ ее. Елена, пожавъ руку сестрѣ, оставила свой постъ у борта и сѣла подлѣ графини Омской.

Когда Луиза Лоргеймъ взошла на палубу, въ ту же минуту окружили ее со всѣхъ сторонъ; но на Ольгу дамы посматривали искоса, съ какою-то холодною важностью, и даже замѣтно было, что многія изъ нихъ выжидали перваго поклона отъ нея. Двѣ молодыя дѣвушки улыбнулись между собою и начали болтать, притворясь, что вовсе не замѣчаютъ появленія Ольги. Одна толстая барышня отвернулася, едва отвѣтивъ на поклонъ; другая не подала ей руки, подъ тѣмъ предлогомъ, что надѣвала въ эту минуту перчатку. Но Луизѣ всѣ кланялись отмѣнно учтиво, дамы разспра-

шивали съ участіемъ о ея здоровьѣ, о здоровьѣ Адели — и не мудрено: за нею шелъ мужъ, генералъ, увѣшанный крестами, двоюродный братъ и однофамилецъ одного изъ важныхъ лицъ при дворѣ. Ольга, нѣсколько озадаченная такимъ неблагоклоннымъ приѣмомъ, думала отвести душу съ сестрою; но и та была на ту пору неприступно холодна. Графиня Омская протянула руку Ольгѣ съ видомъ дружескаго покровительства.

— Напрасно вы не поѣхали со мной! сказала она ей.

— Это правда, мы опоздали! Но впрочемъ пароходъ все еще на якорѣ.

— Да! но ваше замедленіе слишкомъ обратило на себя общее вниманіе, а этого надо избѣгать, замѣтила графиня сквозь зубы, наводя лорнетъ на городъ, который чрезвычайно живописенъ съ моря.

— Я, право, не понимаю, графиня!

— Ты никогда не хочешь ничего понять, сказала ей Елена очень тихо, но выразительно: — я всегда удивлялась *этой дружбѣ*.

— Однакожь отчего же всѣ такъ ласковы съ нею? спросила Ольга съ достоинствомъ.

— Ахъ, Боже мой! Да она замужемъ, возразила Елена, нѣсколько смутившись отъ этого вопроса: —

замужняя женщина, это большая разница! На дѣвушку вовсе не такъ смотрять.

— Все это для меня такъ странно и дико, что я рѣшилась наконецъ не обращать никакого вниманія на мнѣнія свѣта, сказала, выведенная изъ терпѣнія, Ольга, и завела разговоръ съ подходившимъ къ нимъ въ это время Шанскимъ. Графиня съ Еленой увлечены были толпой совершенно въ противоположную сторону. Луиза отыскала Ольгу. Не далеко отъ нихъ вертѣлся красивый молодой человѣкъ въ гусарскомъ мундирѣ и, казалось, желалъ обратить на себя вниманіе Ольги. Это былъ князь Сергій ***.

— Вотъ добрый, милый малый! сказалъ Шанскій, указывая глазами въ ту сторону, гдѣ онъ разговаривалъ съ какими-то дамами: — что вы думаете о немъ, Ольга Павловна?

— Я никогда о немъ не думала, отвѣчала она разсѣянно, — да вѣроятно и не придется думать.

— Да, онъ очень нравится мнѣ! присовокупила Луиза съ живостью и участием: — я нахожу столько доброты и столько откровенности въ его физіономіи!

— Къ тому же онъ очень не глупъ, замѣтилъ Шанскій, — хорошо воспитанъ; словомъ, не дюжинный молодой человѣкъ.

Ольгу между тѣмъ окружили молодые люди, привлеченные къ ея ногамъ заманчивымъ именемъ бога-

той невѣсты; но она едва замѣчала ихъ, равно какъ и похвалы, которыя друзья ея такъ усердно расточали князю Сергію.

Въ это время засвистѣла машина, черный столбъ густаго дыма повалилъ изъ трубы парохода, на палубѣ сильно запахло гарью. Капитанъ далъ знакъ, матросы засуетились, и начался однообразный крикъ.

— Снимаются съ якоря! сказалъ живо князь Сергій, подходя къ Ольгѣ: — не угодно ли вамъ посмотрѣть?

Ольга подала ему руку, и онъ поспѣшно повелъ молодую дѣвушку сквозь толпу, объясняя ей механизмъ паровой машины. Они подошли къ самому якорю, и вотъ застучало что-то надъ водою, пароходъ тронулся, и все вмѣстѣ съ нимъ пришло въ движеніе. Это новое, еще неиспытанное Ольгою ощущеніе, оживило на минуту ея задумчивое личико: все привлекало ея вниманіе, и засмотрѣвшись на пѣну, которая била изъ-подъ колеса и разсыпалась въ воздухъ алмазами, она не почувствовала какъ вѣтеръ сорвалъ съ нея шарфъ. Зацѣпившись однимъ концомъ за бортъ, онъ живописно развѣвался по воздуху. Едва замѣтилъ это князь Сергій, какъ отчаянно вскочилъ на бортъ и ухватившись одною рукой за поднятый трапъ, повисъ надъ водою, въ то время какъ правая рука его отцѣпляла упрямый газъ. Пароходъ шелъ быстрѣе и быстрѣе. Увидѣвъ опасность, которой подвергнулъ себя молодой

человѣкъ, Ольга ужасно испугалась. Графиня Омская вскрикнула, вслѣдъ за ней и Олимпіада Николаевна. Всѣ дамы были болѣе или менѣе взволнованы, но выражали свои чувства различнымъ образомъ. Суматоха, восклицанія, патетическіе жесты.

— Что вы сдѣлали, князь! вскрикнула Ольга, когда онъ спрыгнулъ на палубу, держа шарфъ.

— А что? развѣ я разорвалъ его? спросилъ онъ бережно развертывая шарфъ.

— Да развѣ въ шарфѣ дѣло?

— Такъ неужели вы думаете въ самомъ дѣлѣ, что я подвергъ себя малѣйшей опасности? отвѣчалъ онъ улыбаясь очень просто: — нисколько! Каждый изъ этихъ господъ сдѣлалъ бы то же, еслибъ случился подлѣ васъ.

— Какъ это трогательно! произнесла въ полголоса одна молодая особа: — не правда ли, Зиночка? рыцарскія времена возвращаются.

— Я бы охотно восхищалась всѣмъ, еслибы мнѣ не было такъ тошно, отвѣчала томнымъ голосомъ другая.

— Чтобы вамъ была не такъ замѣтна маленькая качка, я заставляю играть музыку, сказалъ морской офицеръ, ухаживавшій за одною изъ нихъ.

— Ахъ! какъ бы хорошо!

И офицеръ побѣждалъ распорядиться. Въ самомъ

дѣлѣ, какъ скоро раздались упоительные звуки Ланнерова вальса, то всѣ какъ будто забыли о своей головѣ, и отважные пустились отчаянно танцовать по зыбкой палубѣ.

— Танцовать! давайте танцовать! говорили со всѣхъ сторонъ: — это такъ оригинально!

Сколько смѣху, стуку, дыму и веселости въ эту минуту на палубѣ! Какая сумятица! самъ Ланнеръ восхитился бы волшебнымъ дѣйствіемъ своего вальса на душу и ноги общества, вопреки качкѣ, распаленной атмосферѣ, и всѣмъ враждебнымъ стихіямъ.

Антоняки важно и молча провальсировалъ съ Еленой. Едва окончивъ кругъ, она вспыхнула какъ зарево, сжала въ рукѣ платокъ, бросилась въ толпу зрителей и исчезла, сказавши, что чувствуетъ дурноту.

Черезъ минуту она очутилась въ одной изъ дальнихъ каютъ, и воспользовавшись уединеніемъ, развернула маленькое письмо, прочла его наскоро и быстро спрятала, заслышавъ чьи-то легкіе шаги. Взошла хорошенькая баронесса Catherine Келлеръ, съ ломтикомъ лимона въ рукѣ, и объявила, что уже ни за что на свѣтѣ не будетъ больше танцовать.

— Какъ не почувствовать дурноты посреди этого адскаго круженія! я думала, что сойду съ ума. Кто это выдумалъ вальсировать? Многіе попадали, Зарайскій съ своей дамой чуть не слетѣлъ за бортъ.

A mille Barbe такой крикъ подняла, что заглушила музыку, которая и такъ не очень слышна за стукомъ машины.

Между тѣмъ пароходъ, подгоняемый вѣтромъ, летѣлъ на всѣхъ парусахъ, со стукомъ, свистомъ и трескомъ, сильно разсѣкая волны и нимало не заботясь о модномъ обществѣ, которое бѣсновалось, шумѣло и наконецъ умаялось. Все притихло, только Кульпяковъ бѣгалъ какъ сумасшедшій по палубѣ, нюхая воздухъ и отыскивая капитана корабля.

— Моей женѣ дурно! бросьте якорь, ради Бога! кричалъ онъ внѣ себя отъ страху.

— Вотъ примѣръ супружеской нѣжности! замѣтилъ иронически Зарайскій.

Къ величайшему благополучію Кульпяковыхъ, бросили якорь, и распорядители праздника пригласили всѣхъ къ обѣду. Ольга, которую велъ къ столу генералъ Лоргеймъ, заняла мѣсто между нимъ и княземъ Сергіемъ, кавалеромъ Луизы. Толстая дама, сидѣвшая напротивъ, и двѣ ея дочки косились на Ольгу, потому что сами имѣли виды на князя Сергія; Антоники, по желанію Елены, затмился въ толпѣ молодыхъ людей, въ то время, какъ она преважно сидѣла между графинею Омской и какимъ-то почтеннымъ старичкомъ, украшеннымъ орденами.

Но вотъ наконецъ заискрилось въ бокалахъ Шам-

панское; стали подавать мороженое. Барышни принялись было кушать, но услышавъ наверху призывные звуки моднаго галопа, по бросали ложки, и наскоро натягивая перчатки, всѣ въ одно мгновенье бросились на палубу.

Начался балъ, оживленный, оригинальный балъ при яркомъ освѣщеніи солнца, игравшаго въ водѣ, при звукахъ музыки, разстилавшихся далеко по морю. Кадриль смѣнялась кадрилью. Ольга принуждена была танцовать, чтобы не дать замѣтить своего грустнаго расположенія праздной толпѣ, и безъ того уже замѣчавшей отсутствіе Долицкаго. Послѣ третьяго кадрилиа она вмѣстѣ съ Луизой сошла отдохнуть въ каюту. Тамъ, въ раздумьи опершись на руку, прилегла Ольга на диванъ, прислушиваясь къ величавому шуму волнъ, въ то время какъ сверху неслись игривые звуки вальса и говоръ веселаго общества. Луиза молча глядѣла на Ольгу. Въ сосѣдней каютѣ слышался рѣзкій голосъ графини Омской.

— Oh! merci, merci, mon cher monsieur Зарайскій! говорила она: — право вы безцѣнный человѣкъ!

— Я такъ счастливъ, когда могу угодить вамъ.

— Да скажите, какими судьбами попалась эта записочка въ ваши руки?

— Знаете, на ловца звѣрь бѣжитъ. Послѣ обѣда, вижу на полу что-то бѣлѣтся. Думаю: дай подниму!

графиня любить посмѣяться, можетъ это какое-нибудь *billet-doux*.

Графиня разсмѣялась.

— И вы не прочли этого... какъ говорите, *billet-doux*?

— Нѣтъ, не успѣлъ! Не ловко было читать при всѣхъ. А что, вы не угадываете кто писалъ это, графиня?

— Нѣтъ! незнакомая рука! сказала она, спрятавъ тотчасъ же письмо: — мало ли здѣсь чудаковъ! А propos! вѣдь я говорила объ васъ князю Петру Михайловичу, мой добрый *monsieur* Зарайскій, продолжала она сладенькимъ тономъ покровительства, онъ обѣщался назначить васъ на то мѣсто. Варенька напомнить объ этомъ отцу... вы знаете, какъ онъ разсѣянъ... я просила Вареньку.

— О! какими словами выразить вамъ мою признательность, графиня?

— Э! полноте! что за счетъ между друзьями!

Въ голосѣ графини была слышна насмѣшка, которой вѣроятно не понялъ Зарайскій; но онъ хорошо понялъ то, что ему обѣщано выгодное мѣсто, и поцѣловалъ руку у графини, мечтая уже о богатой невѣстѣ и проч. Поговоривъ еще немного, графиня снова ушла на палубу.

Луиза и Ольга переглянулись между собою.

— Ты замѣтила, какъ голосъ ея дрожалъ, какъ она притворно смѣялась? сказала Луиза.

На Ольгу этотъ нечаянно подслушанный разговоръ произвелъ самое непріятное дѣйствіе.

Но едва Луиза и Ольга снова появились на палубѣ, какъ увидѣли издали Долицкаго, который танцевалъ очень усердно съ какою-то бѣлокурою дамой. Ольга поблѣднѣла и ухватила за руку Луизы: ей казалось, что она готова упасть. Лицо Долицкаго было оживлено, бѣлые зубы поминутно мелькали изъ-подъ усовъ, онъ смѣялся, разговаривая съ своею дамой.

— Ради Бога, уѣдемъ отсюда! прошептала Ольга, изнемогая.

— Сдѣлайте одолженіе, князь, отыщите нашего человека и нашъ катеръ! сказала скороговоркой Луиза:
— я чувствую себя дурно.

Князь Сергій поспѣшилъ исполнить ея приказаніе.

— Что съ тобой, милая? спросилъ генералъ, подходя къ женѣ: — ты кажется хочешь оставить балъ въ самомъ разгарѣ. Дай потанцовать Ольгѣ Павловнѣ!

— Она не хочетъ, отвѣчала разсѣянно Луиза.

— Отчего же не хочетъ? Вонъ посмотри какъ выплясываетъ нашъ Юрій Александровичъ-то!

Ольга была блѣднѣе смерти, она дрожала и холодѣла, когда возвратился князь Сергій съ ея бурнусомъ въ рукахъ. Почти такое же безпокойство было напи-

сано и на лицѣ Луизы. Обѣ онѣ торопливо бросились въ катеръ и отплыли.

— Скажите мнѣ, что̀ это все значить, Олимпіада Николаевна? спросила баронесса Келлеръ, заботливо провожая глазами катеръ, который быстро удалялся отъ парохода: — пробѣжали какъ вихорь, ни съ кѣмъ не простились; а онъ остался здѣсь, танцуетъ, и кажется очень веселъ. Онъ даже и не поклонились ему. Этого не случалось до сихъ поръ.

— Что жъ это васъ удивляетъ? воскликнула Кульпякова: — со мной разъ... то-есть, я хочу сказать, съ моею невѣсткой разъ было то же... Вѣдь иногда и кокетство не доводитъ до добра.

.

XII.

Утомленные и разстроенные возвратились онѣ домой. Давно Луиза желала разказать Ольгѣ свою прошлую жизнь, свои отношенія къ Долицкому, въ домѣ его матери, причину и начало того довѣрчиваго, дружескаго обращенія, которое свѣтъ перетолковалъ по своему. Луиза знала, что провинціальное общество не можетъ жить безъ коментарій и пересудовъ, и потому жаждала открыть душу Ольгѣ. Не разъ, въ мечтахъ своихъ, видѣла она ее женою Долицкаго, радостью его матери, доброй Варвары Петровны. Не сбывшіяся ожиданія, разлетѣвшіяся въ прахъ золотыя мечты, бросили Луизу въ неопи- санное волненіе. Она обвиняла Долицкаго, обвиняла отчасти и себя. Не въ ея ли домѣ Ольга сблизилась съ нимъ? Не она ли способствовала и радовалась ихъ короткости?

Задумчивость Ольги, слезы, душившія ее, послѣ

веселости, которой она вынуждена была предаваться на балѣ, живо трогали Луизу. Наконецъ Ольга встала, чтобъ ѣхать домой. Прощаясь, Луиза отдала ей нѣсколько листовъ бумаги, на которомъ наскоро набросала она главныя происшествія своей жизни.

— Я всѣ эти дни думала о тебѣ, Ольга! сказала она: — и вотъ доказательство моихъ словъ.

Ольга дружески пожала ей руку, взяла тетрадь, и пріѣхавши домой, всю ночь напролетъ читала ее.

Вотъ она:

«Дѣдушка мой, храбрый генералъ: стараго времени, былъ человѣкъ рѣдкой доброты. Лишившись матери, убитой на мѣстѣ бѣшенными лошадьми, я шести лѣтъ осталась на рукахъ его. Отецъ мой умеръ еще прежде того. Въ Москвѣ у насъ былъ свой домъ и нѣсколько добрыхъ пріятелей, искренно любившихъ дѣдушку. Я какъ будто вижу его передъ собой. Это спокойное, благородное лицо, тихій голосъ, снисходительная улыбка, нѣсколько согнутый лѣтами станъ, длинные сѣдые волосы, которые придавали ему какую-то величавость, — таковъ былъ онъ въ старости. Безукоризненность цѣлой жизни отразилась яркими чертами на лицѣ этого человѣка, мирно приближавшагося къ могилѣ. Я страстно любила дѣдушку! Нѣжность его ко мнѣ была самая

трогательная. Вскорѣ взяли мнѣ гувернантку, женщину не молодую, не любезную и вообще холоднаго характера, но которую дѣдушка уважалъ за строгія правила и религіозность. Дѣтство мое протекло счастливо, я была предметомъ заботъ, попеченій и любви цѣлаго дома. При нашемъ домѣ въ одинъ этажъ, о которомъ я тебѣ говорила столько разъ, былъ садъ, и довольно большой для городского сада; лѣтомъ я проводила тамъ цѣлые дни вмѣстѣ съ дѣдушкой. Помню съ какимъ благоговѣніемъ глядѣла я изъ-за тетрадки на кроткое выраженіе взора его. Казалось, онъ тихо молился. Случалось, что развернувъ книгу духовнаго содержанія, я звонкимъ, дѣтскимъ голоскомъ читала; онъ слушалъ съ глубокимъ чувствомъ. Замѣчательно, что сердце его не охлаждалось съ лѣтами. Скоро религіозное направленіе души его перешло и на меня, воспріимчиваго ребенка; я стала серіозна, и когда дѣдушка говорилъ мнѣ съ обыкновенною своею добротой: «Побѣгай по саду, Луиза! поиграй!» то я уже сама не хотѣла рѣзвиться. Мнѣ пріятнѣе было сидѣть подлѣ старика; потому ли, что я росла одна, безъ подругъ, посреди степенной бесѣды людей серіозныхъ, отжившихъ уже свой вѣкъ, окруженная тишиною и монотоннымъ порядкомъ, который любилъ дѣдушка — не знаю! Но думаю, что все это способствовало не мало раннему развитію моей чувст-

вительности при совершенномъ незнаніи жизни и свѣта. Какъ въ волшебномъ замкѣ жила я у дѣдушки, счастливая, безпечная, довольная жизнью, какъ птичка, родившаяся въ клѣткѣ, не помышляя ни объ удовольствіяхъ, которыхъ не знала, ни о свободѣ, которой мнѣ не надо было. Никто не тревожилъ меня ничѣмъ, а всѣ берегли, всѣ угождали мнѣ, всѣ любили меня. Я была румяная, здоровая дѣвочка, но казалась солидною не по лѣтамъ, дѣдушка звалъ меня *старушкой*. Всѣ выѣзды мои ограничивались церковью, куда возила меня гувернантка, а иногда и самъ дѣдушка.

« 15 мая, когда мнѣ исполнилось шестнадцать лѣтъ, я получила много подарковъ, и мнѣ опредѣлили особую комнату, выходившую окнами въ садъ. Новое жилище мое было уставлено цвѣтами и завалено подарками разнаго рода; но всего болѣе восхитила меня прехорошенькая этажерка съ нѣсколькими избранными книгами въ богатыхъ переплетахъ. Между ними *Paul et Virginie* привлекла мое вниманіе и обрадовала меня болѣе всѣхъ другихъ подарковъ.

« Я была въ восторгѣ. За обѣдомъ у насъ были гости: мой большой пріятель, генералъ Шлимъ безъ руки, оторванной у него въ Бородинскую битву; Карлъ Ивановичъ, бывшій комендантъ какой-то отдаленной крѣпости, высокій, худощавый старикъ, съ вѣчнымъ

кашлемъ, страстный охотникъ до шахматной игры; да еще Нѣмецъ докторъ, отказавшійся уже отъ практики, съ женою, которая была великая хозяйка, но весьма простая женщина. Еще два старика, составлявшіе обыкновенно партію дѣдушки, да Юлія Христьяновна, племянница моей гувернантки, дѣвушка лѣтъ тридцати пяти, казавшаяся молодою, сравнительно съ остальными древностями нашей гостиной; прибавь къ этому старинные, фамильные портреты, почернѣвшіе отъ времени и уставшіе кажется улыбаться четыремъ поколѣніямъ, да дряхлаго мопса, храпѣвшаго на подушкѣ у ногъ дѣдушки. Вотъ общество, посреди котораго мое свѣжее, молодое лицо, должно было казаться какимъ-то анахронизмомъ. Но я привыкла къ этому обществу съ дѣтства: я любила всѣхъ ихъ, какъ друзей.

«Послѣ обѣда гости занялись игрой, гувернантка—племянницей; а я убѣжала въ свою комнату любоваться на подарки. Разумѣется прежде всего я развернула *Paul et Virginie*. Какой новый міръ предсталъ глазамъ моимъ! Роскошное описаніе могущественной, тропической природы, и подъ вѣчно-яснымъ небомъ обворожительная картина простодушной любви, произвели такое сильное впечатлѣніе на мою внезапно пробудившуюся душу, что я долго не могла придти въ себя. Гдѣ же эти пальмы? гово-

рила я озираясь, гдѣ эта очаровательная долина? эта тропическая буря? этотъ добрый негръ... и эти дѣти такъ нѣжно любившія другъ друга? Я не понимала, что дѣлается со мною, чувствовала только, что предѣлы моего нравственного міра необозримо разширились; а сердце билось въ груди моей, какъ за рѣшеткой темницы и жаждало простора и свободы.

«— Пожалуйста чай кушать, Луиза Львовна! сказалъ кто-то, тихо растворяя дверь.

«Я опомнилась. Черезъ минуту вхожу въ гостиную, и меня поражаетъ картина ветхости, какъ будто я въ первый разъ имѣю ее передъ глазами. Докторша вязала, надѣвъ очки; лысый комендантъ задумчиво устремилъ глаза на шахматную доску; дѣдушка дремалъ въ креслѣ; кто-то глухо кашлялъ, маятникъ монотонно стучалъ посреди тишины и гробовой неподвижности; все въ этой комнатѣ было чинно и на своемъ мѣстѣ. Боже мой! какая грусть! подумала я, и чувство, похожее на ужасъ овладѣло моею душой.

«— Что съ вами? спросила у меня Юлія Христьяновна, взглянувъ на меня: — ужь не больны ли вы?

«— Кто боленъ? Луиза? заговорилъ дѣдушка, съ безпокойствомъ оборачиваясь ко мнѣ. — Поди сюда, дитя мое! погляди на меня!

« — Дѣдушка, милый! отозвалась я, бросившись къ нему.

— Что съ тобой, мой ангелъ, моя Луиза?

« — Не знаю! проговорила я, зарыдавъ на груди дѣдушки.

« Сердце мое было переполнено. Это первое безотчетное горе повлекло за собою цѣлый рядъ страданій. Съ этой поры спокойствіе мое было нарушено. Я перестала быть ребенкомъ. Эти неожиданныя слезы встревожили бѣднаго старика; онъ не зналъ какъ утѣшить меня, но чѣмъ болѣе онъ ласкалъ «свою маленькую Луизу», тѣмъ сильнѣе мучило ее какое-то тайное чувство, похожее на упрекъ совѣсти. Наконецъ я увидѣла, что необходимо переломить себя, отерла глаза, улыбнулась, успокоила дѣдушку и бросилась къ фортепьяно. Музыка въ первый разъ заговорила моему сердцу волшебнымъ языкомъ страсти, и вся душа моя перелилась въ звуки.

« — Какъ наша Луиза стала хорошо играть! замѣтилъ добрый старикъ Шлимъ, забывая на минуту свои шахматы.

« Дѣдушка слушалъ меня съ восторгомъ, но молчаливо и даже нѣсколько грустно.

« Когда всѣ разошлись и я осталась одна въ своей комнатѣ, то вмѣсто того чтобъ, какъ прежде, раздѣться и спокойно лечь въ постель, я растворила

окно. Ночь была прекрасная: душистая прохлада вѣяла отъ деревьевъ, молодой мѣсяцъ освѣщалъ яркія дорожки, которыя заманчиво извивались подъ окномъ моимъ и убѣгали въ глубину аллей; оно было невысоко. Быстрѣе молніи мелькнула мысль въ головѣ моей, я спустила ноги и выпрыгнула въ садъ, пользуясь минутой свободы и тишиною чудной ночи. Съ какимъ неиспытаннымъ до сихъ поръ наслажденіемъ, я бѣгала по дорожкамъ, дышала чистымъ воздухомъ, смотрѣла на миріады звѣздъ, прислушивалась къ отдаленнымъ звукамъ засыпавшаго города, къ шелесту деревьевъ, шумѣвшихъ таинственно надъ моей головою, и мечтала съ гордою радостью, что вся природа существуетъ для меня. Какую силу чувствовала я въ душѣ своей! Передо мною мелькали обворожительные образы Поля и Виржини... величественная картина моря, необозримые лѣса и горы, синѣющіе въ прозрачной дали... наконецъ эта страшная развязка. Слезы капали изъ глазъ моихъ, я томилась любовью къ какому-то незримому идеалу; но была счастлива.

«Въ душѣ моей уже были начатки того чувства, въ первыхъ порывахъ котораго столько чистоты и небеснаго блеска, тогда какъ на днѣ его нерѣдко таится измѣна, коварство и преступленіе.

«Съ тѣхъ поръ все измѣнилось для меня въ нашемъ

быту. Я тосковала, тяготилась безконечностью дня, пренебрегала обычными своими занятіями, отрывисто и надувши губы отвѣчала на вопросы моей гувернантки. Тишина и однообразіе этой монастырской жизни приводили меня въ отчаяніе. Мнѣ казалось, что около меня обведенъ волшебный кругъ, за черту котораго я не должна никогда переступать, между тѣмъ какъ за стѣнами нашего сада кипѣлъ многолюдный городъ, сталкивались страсти, развивались безчисленные драмы. Умъ, познанія, красота, — тамъ все имѣло свой смыслъ, свое значеніе, а здѣсь? Какъ въ могилѣ, я задыхалась безъ солнца и воздуха, я гасла посреди пустыни. Самая привязанность дѣдушки наводила на меня тоску; самыя угожденія домашнихъ раздражали меня. Наконецъ здоровье мое пострадало отъ этихъ душевныхъ тревогъ; румянецъ исчезъ съ моего лица; во всѣхъ моихъ движеніяхъ проявлялась какая-то болѣзненная апатія. Доктора, на слѣдующую весну, совѣтовали везти меня на воздухъ, преимущественно въ сосновый лѣсъ, и дѣдушка, несмотря на свое отвращеніе къ перемѣнѣ, нанялъ дачу. Я совершенно ожила. Ты не можешь себѣ вообразить какъ мнѣ пріятенъ былъ этотъ смолистый воздухъ, этотъ дремучій боръ, гдѣ слышались разговоры, смѣхъ, военная музыка и порой встрѣчались веселыя лица.

«Дни наши проходили очень пріятно, хотя все также однообразно и тихо какъ прежде. Утромъ, мы съ дѣдушкой отправлялись въ рощу, за нами несли коверъ и подушки, и мы, выбравъ уединенное мѣстечко, располагались тутъ до самаго обѣда. Знакомыхъ у насъ не было.

«Въ одно воскресенье моя гувернантка уѣхала въ Москву; дѣдушка прилегъ отдохнуть послѣ обѣда, я побѣжала въ садъ и долго бродила тамъ одна; потомъ мнѣ вздумалось идти въ рощу, я отворила калитку, вышла изъ саду и не размышляя, какъ ребенокъ, зашла довольно далеко въ чащу лѣса. Когда я оглянулась назадъ, то жилие уже исчезло изъ виду, и я съ ужасомъ убѣдилась, что потеряла дорогу. Прохожіе становились все рѣже и рѣже; наконецъ я увидѣла себя совершенно одну посреди болотистаго мѣста, изъ котораго не знала какъ выбраться. Эта минута была ужасна! Я живо помню ее, равно какъ и то впечатлѣніе, которое произвелъ на меня незнакомый голосъ.

«— Позвольте мнѣ васъ вывести отсюда! сказалъ кто-то. Я живо обернула голову и поблѣднѣла; но передо мною стоялъ молодой человѣкъ, такой скромной и тихой наружности, что скоро весь страхъ мой исчезъ, и я довѣрчиво подала ему руку.

«— Я никогда не забуду вашей услуги! восклик-

нула я: — я не знаю, что было бы со мною безъ васъ!

«Молодой человѣкъ, казалось, былъ счастливъ не менѣе меня самой; но не осмѣливался глядѣть мнѣ въ лицо, а только тихо сказалъ, что этотъ день будетъ счастливѣйшимъ днемъ его жизни.

«— Пойдемте скорѣй! сказала я, желая выбраться изъ лѣсу, который пугалъ меня въ сумеркахъ.

«— Пойдемте, а то дѣдушка вашъ встревожится!

«— Развѣ вы знаете моего дѣдушку? спросила я съ величайшимъ удивленіемъ.

«— О! конечно! я его вижу каждый день, вмѣстѣ съ вами. Наша дача рядомъ.

«— Не правда ли? какъ весело здѣсь! сказала я, переставъ уже вовсе бояться.

«— Особенно съ тѣхъ поръ, какъ вы поселились здѣсь, отвѣчалъ онъ, бросивъ на меня украдкой выразительно-нѣжный взглядъ.

«Я вспыхнула; въ первый разъ въ жизни я слышала *комплиментъ* отъ молодого человѣка, и если правду сказать, это мнѣ очень понравилось.

«— Вотъ и наша дача! радостно воскликнула я, увидя изъ-за кустовъ знакомую крышу.

«— Какъ вы обрадовались, что разстаетесь со мной! сказалъ мой спутникъ съ такимъ горькимъ

упрекомъ, что мнѣ стало душевно жаль его; я посмотрѣла на него съ участіемъ.

« — Скажите мнѣ имя ваше, проговорила я, подходя къ калиткѣ.

« — Paul, отвѣчалъ онъ таинственно. Можно было подумать, что у него нѣтъ другаго имени.

« — Paul! вскрикнула я съ восторгомъ: — какъ я люблю это имя!

« — Не забудьте же его!

« — Нѣтъ, никогда! О, никогда не забуду! но прощайте! сказала я, отворивъ калитку.

« — Прощайте!... прощайте! повторилъ онъ какимъ-то глухимъ, замирающимъ голосомъ, какимъ не говаривалъ никто изъ нашихъ знакомыхъ. — До свиданья! прибавилъ онъ съ нѣжностію цѣлуя мою руку.

«Вся взволнованная, воротилась я домой; но никто не замѣтилъ моего отсутствія. Во снѣ мнѣ грезился Поль... Его прекрасные, кроткіе голубые глаза, его густые длинные волосы...

«Спустя нѣсколько дней время было прекрасное; дѣдушка сидѣлъ на балконѣ, а я пошла въ глубину сада нарвать сирени; вдругъ изъ-за кустовъ къ ногамъ моимъ упало что-то... камешекъ, привязанный къ лоскутку бумаги и метко пущенный къ цѣли.

Письмецо!... я была внѣ себя отъ волненія, отъ радости, отъ страха; букетъ выпалъ изъ рукъ моихъ, я долго стояла какъ вкопаная, наконецъ спрятала записку въ карманъ и побѣжала въ горницу. Это *billet-doux* было наполнено самыми страстными, самыми пошлыми выраженіями любви; но я читала его съ восторгомъ... я плакала. Поль!... Поль!... повторяла я, какъ безумная. Я еще не знала тогда, какъ легко пишутся подобныя фразы и какъ глупо вѣрить имъ! Въ концѣ письма заключалось моленіе выйти въ садъ къ бесѣдкѣ, въ девять часовъ вечера, именно въ то время, когда дѣдушка удалялся къ себѣ.

«Для меня это была не шутка, не шалость: я всею душой привязалась къ нему и принесла ему въ жертву можетъ быть спокойствіе цѣлой жизни. Какъ сильно билось мое сердце, когда я сошла вечеромъ въ садъ и тихо произнесла имя Поля! Воспитанная въ невѣдѣніи свѣтскихъ обычаевъ, я не понимала всей важности такого поступка. Услыша шелестъ въ кустахъ и имя свое, Поль въ ту же минуту очутился подлѣ меня, и мы сѣли вдвоемъ на самую отдаленную скамейку. Поль разказалъ мнѣ всю свою жизнь.

«— Мнѣ двадцать четыре года, сказалъ онъ, но я уже давно не имѣю ни отца, ни матери. Я выросъ сиротою, въ чужомъ домѣ. Тетка никогда не любила меня. Я отвыкъ отъ нѣжности, я позабылъ, что такое любовь и

ласка. Сердце мое изныло въ одиночествѣ... родные всѣ холодны ко мнѣ какъ ледъ.

«Голосъ его становился нетвердъ, и онъ вынужденъ былъ замолчать, склонивъ голову.

«Поль любила пышныя фразы; но я въ первый разъ слышала ихъ, и потому была глубоко тронута его словами. Я то же была сирота, я тоже страдала!

«— Я жалокъ вамъ! прибавилъ онъ, чувствуя, что произвелъ на меня ожидаемое впечатлѣніе: — простите! впередъ я буду осторожнѣе. «Нѣтъ! Не хочу печалить васъ ничѣмъ!»

«Тутъ онъ разказалъ мнѣ, что видѣлъ меня въ первый разъ въ церкви, когда я молилась, что съ тѣхъ поръ онъ не могъ забыть меня, и узнавъ, что мы переезжаемъ на дачу, сумѣлъ устроить такъ, что тетка, въ домѣ у которой онъ жилъ съ дѣтскихъ лѣтъ, наняла дачу подлѣ насъ.

«Всѣ эти подробности чрезвычайно мнѣ нравились. Между тѣмъ надо было прибѣгать къ хитростямъ, чтобы видѣться. Я находила тысячу способовъ обманывать мою недогадливую гувернантку. Между Полемъ и мной завязалась переписка. Въ одномъ мѣстѣ, поросшемъ кустарникомъ, заборъ весьма удобно разбирался, и всякій разъ, когда я вѣшала шляпку или косыночку на сучокъ березы, которая была видна изъ его окна, онъ долженъ былъ знать, что въ дуплѣ ста-

раго дерева, на концѣ сада, есть письмецо. Однажды вечеромъ бродили мы вмѣстѣ, рука объ руку, по темнымъ аллеямъ, мечтая о нашей будущности. Не знаю, отчего въ тотъ вечеръ я болѣе обыкновеннаго трепетала, заслышавъ малѣйшій шорохъ, но онъ успокоивалъ меня, онъ говорилъ со мной такъ нѣжно. Вдругъ вовсе неожиданно растворилась дверь на балконъ и вышелъ дѣдушка съ однимъ изъ своихъ старыхъ друзей. Мы были въ двухъ шагахъ отъ нихъ, укрываясь въ темнотѣ кустовъ. Всѣ чувства замерли во мнѣ, когда я услышала голосъ дѣдушки.

«— Гдѣ это Луиза? сказалъ онъ: — что бы ей хоть выйдти на балконъ въ такую прекрасную ночь.

«— Она вѣрно переводитъ на нѣмецкій языкъ ту статью изъ журнала, которую вы хотѣли послать кому-то въ Ригу.

«— Да... именно, бѣдняжка! все занимается, все пишетъ! прибавилъ дѣдушка съ чувствомъ искренней любви.

«— Удивительная дѣвушка ваша Луиза! сказалъ съ увлеченіемъ его пріятель: — такой скромности и благочестія поискать въ нашъ вѣкъ!

«— Да, я благодарю Бога! отвѣчалъ дѣдушка голосомъ, котораго я никогда не забуду.

«Ахъ, Ольга! не могу выразить тебѣ моихъ страданій. Мнѣ легче было бы услышать смертельный при-

говоръ свой. Слезы раскаянія душили меня, я бы съ радостію бросилась къ ногамъ добраго дѣдушки и призналась во всемъ, но выдать Поля было невозможно. Я дала ему клятву молчать обо всемъ. При первомъ появленіи дѣдушки Поль скрылся, и я осталась одна.

« Пусть будетъ это служить мнѣ казнію! » говорила я себѣ, и возвратясь въ комнату написала Полю:

« Другъ мой! намъ нельзя видѣться, я запрещаю
« тебѣ входить въ садъ; запрещаю писать ко мнѣ: все
« кончено между нами! мы долго, мы никогда не уви-
« димся! Будь спокоенъ, никто другой не будетъ вла-
« дѣть мною. Я умру, Поль! я тебя такъ любила...
« Но есть священные обязанности, которымъ я при-
« ношу въ жертву самую любовь мою ».

« Отправивъ эту записку, я думала, что совершила великій подвигъ самоотверженія. Въ лицѣ моемъ было столько гордости въ тотъ день, что гувернантка сказала мнѣ улыбаясь: « *Comme vous avez l'air important aujourd'hui, mon enfant!* »

Но твердость духа скоро оставила меня, и я ужаснулась мысли навсегда разстаться съ Полемъ! Вслѣдствіе сильнаго душевнаго потрясенія, я въ тотъ же день почувствовала лихорадку и слегла въ постель. Вечеромъ кто-то стукнулъ дверью, я вздрогнула, какъ будто готовясь къ чему-то сверхъестественному и съ замираніемъ сердца взглянула на дверь: вошла моя

горничная и подала мнѣ книгу въ переплетѣ «Юлія Христіановна прислала вамъ ее въ сумеркахъ,» сказала она. Я все поняла, и выславъ горничную, бросилась перелистывать книгу. Я угадала: въ ней была спрятана записочка. «Ты дитя! писалъ Поль: — ты не «понимаешь той страсти, которую зажгла въ сердцѣ «моемъ, и которую думаешь погасить однимъ словомъ. «Болѣе чѣмъ когда-либо я люблю тебя, и никакая сила «въ мірѣ не заставитъ меня отказаться отъ моей Луизы. «Она моя, навѣкъ моя! Твоя отчаянная записка привела меня въ восторгъ, я надѣюсь завтра видѣть тебя, «мой ангелъ! Выздоровливай, ради Бога, скорѣй!»

«Какъ я обрадовалась словамъ его! Безумная! И все пошло прежнимъ чередомъ.

«Чрезъ нѣсколько дней мы съ дѣдушкой отправились въ рощу къ обыкновенному нашему мѣстечку, дѣдушка заставилъ меня читать что-то вслухъ; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ сидѣла дама лѣтъ пятидесяти, весьма почтеннаго вида, и молодой человѣкъ, который повидимому былъ ея сынъ. Они, казалось, также какъ и мы, искали уединенія; я уже нѣсколько разъ встрѣчала ихъ въ чащѣ лѣса и привыкла смотрѣть на нихъ какъ на знакомыхъ. Дама съ своей стороны ласково поглядывала на меня.

«Мнѣ нравились оба эти лица. Ольга! это былъ Юрій съ своею матерью.

«Но вдругъ дѣдушка приподнялъ голову, и я замѣтила, что онъ необыкновенно блѣднѣлъ.

«— Пойдемъ домой, слабо прошепталъ онъ, протягивая мнѣ руку.

«Я бросилась къ нему; но у меня не достало силъ поднять его. Дѣдушка почувствовалъ дурноту; что же мнѣ было дѣлать съ нимъ? кого призвать на помощь? Я совсѣмъ растерялась. Но Юрій, котораго я еще все не знала, поспѣшно подошелъ къ намъ вмѣстѣ съ матерью. Они дали ему понюхать спирту, который случился на ту пору въ ридикюль Варвары Петровны; дѣдушка пришелъ въ себя, но былъ такъ слабъ, что не могъ бы сдѣлать шагу безъ помощи Юрія, который повелъ его подъ руку. Варвара Петровна уговорила дѣдушку войти къ ней, потому что дача ея была ближе; дѣдушка скоро сдался. Но каково было мое удивленіе, когда я узнала, что эта добрая Варвара Петровна была никто иная, какъ тетка Поля, о которой онъ всегда говорилъ мнѣ какъ о величайшей въ мірѣ эгоисткѣ!

«Я почувствовала лихорадочную дрожь: мысль, что я скоро увижусь съ Полемъ при свидѣтеляхъ, пугала меня невыразимо; я съ безотчетною боязнію смотрѣла на Варвару Петровну, которую не любила Поля. Мы вошли къ Долицкимъ.

«Къ вечеру дѣдушкѣ стало легче. Его усадили въ

покойное кресло, Варвара Петровна и Марья Николаевна (дальняя родственница, жившая у нихъ въ домѣ лѣтъ двадцать и преданная имъ всею душою), непрерывно ухаживали за нимъ; малютка Варя, внучка Долицкой, старалась занять его своими игрушками, а Юрій Александровичъ отыскалъ доктора и привезъ съ собою. Старичокъ мой ожилъ; сталъ улыбаться, ему понравилось у Долицкихъ. Но Поля все еще не было. Наконецъ сердце мое сильно замерло, отворилась дверь и вошелъ молодой человѣкъ.

«— Позвольте мнѣ рекомендовать вамъ сына покойной сестры моей, сказала Варвара Петровна, подводя Поля къ дѣдушкѣ.

«Я не смѣла взглянуть на него, но чувствовала, что смертная блѣдность разливается по моему лицу; чтобы скрыть нѣсколько свое волненіе, я опустила голову на плечо дѣдушки, во мнѣ застыла вся кровь.

«Поль раскланялся очень учтиво, но холодно, какъ кланяются вовсе незнакомымъ людямъ. Вообрази мое удивленіе. Никакой опытный глазъ не догадался бы, что онъ не въ первый разъ встрѣчается со мною.

«Въ Юріи замѣтно было гораздо болѣе участія. Поль отворотился отъ меня, сѣлъ подлѣ тетки, и началъ разговоръ о лошадяхъ.

«— Знаете-ли, *ma tante*, говорилъ онъ, — лошади, которыхъ вы торгуете совсѣмъ не годятся вамъ.

«— Я положила на Юрія, отвѣчала Варвара Петровна.

«— Напрасно, ma tante. Онъ вовсе не знатокъ.

«— Слышишь-ли, Юрій?

«— Слышу маменька, я привыкъ къ нападкамъ Павла, особливо съ тѣхъ поръ, какъ нечаянно застрѣлилъ его любимую собаку.

«Разговоръ продолжался нѣсколько времени въ этомъ родѣ; наконецъ Поль всталъ, сказавши, что ему необходимо съѣздить въ Москву, что онъ далъ слово кому-то. Онъ также холодно и вѣжливо раскланялся съ нами, какъ и прежде; но уходя бросилъ на меня суровый взглядъ, изъ котораго я съ трепетомъ поняла, что онъ не доволенъ мною. Чтожь я сдѣлала? думала я, грустно склонивъ голову.

«Поль показался мнѣ вовсе непонятенъ въ домашнемъ быту; я никакъ не могла согласовать его познаній въ лошадахъ съ мыслию, которую я составила себѣ о героѣ моего романа.

«Съ этой поры началась новая эпоха моей жизни. Дѣдушка полюбилъ Долицкихъ, и мы стали часто видѣться съ ними.

«Въ началѣ сентября мы оставили дачу. Въ Москвѣ Варвара Петровна жила не подалеку отъ насъ.

«Между ей и мною скоро водворилось самое искреннее сочувствіе, вопреки внушеніямъ Поля, которому

чрезвычайно не нравилось мое сближеніе съ теткой его. Онъ безпрестанно намекалъ мнѣ на хитрость ея характера, совѣтовалъ быть осторожной, но всегда отказывался положительно объясниться со мною объ этомъ предметѣ. Вотъ началась новая борьба, новыя испытанія для моего сердца. Невзирая на нѣжныя фразы, которыя Поль расточалъ мнѣ при всякомъ удобномъ случаѣ, любовь его походила на тиранство. Съ каждымъ днемъ становился онъ таинственнѣе и мрачнѣе и все болѣе мучилъ меня. Но я не переставала любить его. Есть женщины, которыя не созданы для измѣны.

«Онъ рѣдко появлялся въ гостиной тетки, и никогда не оставался тамъ долго, говоря, что предпочитаетъ видѣться со мной наединѣ, что таинственность имѣетъ для него необыкновенную прелесть, что любовь, повѣданная цѣлому міру, есть не та уже святая любовь, для которой созданы мы, онъ и я! Какъ неопытная, влюбленная дѣвочка, я ему вѣрила на слово и старалась находить въ словахъ его необыкновенный умъ и чувство. Сколько разъ хотѣлось мнѣ признаться Варварѣ Петровнѣ въ любви къ Полю; но я не смѣла нарушить клятвы, которую онъ взялъ съ меня; и должна была, вопреки своему сердцу, изучить всѣ тонкости притворства.

«Юрій въ то время служилъ въ Петербургѣ и при-

ѣхалъ домой въ отпускъ; но Варвара Петровна мечтала о переводѣ его въ Москву. Онъ боготворилъ мать свою, и всѣ свободныя минуты посвящалъ ей. Въ памяти моей сохранилось много пріятныхъ вечеровъ въ тѣсномъ дружескомъ кругу. Юрій умѣлъ оживлять эти семейныя бесѣды блестящимъ разнообразіемъ своего разговора. Но Поль замѣтно избѣгалъ ихъ. Нерѣдко онъ спрашивалъ меня на другой день: «Долго-ли я слушала болтовню Юрія?» Юрій обращался со мной просто и довѣрчиво, какъ бы съ сестрой. Варвара Петровна, съ неподражаемою добротою, старалась обогатить умъ мой познаніями и возбудить сочувствіе ко всему прекрасному въ нравственномъ и видимомъ мірѣ. Если случалось ей подмѣтить хорошую черту въ моемъ характерѣ, то съ какою радостью, съ какимъ сіяющимъ лицомъ протягивала она мнѣ руку! Но Поль не дремалъ; онъ какъ-будто мимоходомъ находилъ случай говорить мнѣ:

«— Что? и вы также заслушались ея романтическихъ фразъ?»

«Между тѣмъ, Поль такъ хитро дѣйствовалъ, что тетка его (которую впрочемъ всегда легко было обмануть), и не подозрѣвала нашихъ отношеній.

«Онъ даже не оказывалъ мнѣ должной учтивости. Варвара Петровна слегка замѣчала ему это; тогда я краснѣла и не знала куда дѣться. Голосъ совѣсти

твердилъ мнѣ, что это значило дурачить наилучшую женщину въ мірѣ. Чувство благородства пробуждалось во мнѣ не разъ съ такою силой, что я готова была пожертвовать самою любовью для истины; но повелительный взглядъ Поля останавливалъ этотъ благородный порывъ, и я, потупивъ голову, молчала.

«Оставшись вдовою двадцати восьми лѣтъ, съ двумя малютками, сыномъ и дочерью, Варвара Петровна дѣятельно занялась ихъ воспитаніемъ и устройствомъ имѣнія, которое было совершенно разорено. Лишая себя всѣхъ удобствъ и покоя, она успѣла въ томъ и другомъ. Дочь ея, говорятъ, была очень мила. Она вышла замужъ, и вскорѣ умерла, оставя полугодичную Варю на рукахъ бабушки. Спустя годъ, умеръ и мужъ молодой женщины. Можешь себѣ представить каково было перенести эти потери сердцу страстно любящей матери. Вся нѣжность ея сосредоточивалась съ тѣхъ поръ на Юріи. Юрій былъ уменъ, хорошо образованъ и любилъ страстно свою мать; но не долго была она спокойна. Юрій влюбился въ замужнюю женщину, въ кокетку.

«Я давно замѣчала, что въ этомъ повидимому мирномъ семействѣ была какая-то грустная, тяжелая тайна. Я стала изучать Юрія. То, какъ человѣкъ отжившій, онъ съ холодною насмѣшкой смотрѣлъ на жизнь, дѣйствовалъ разсѣяннo и лѣнливо, то вдругъ

становился пылкимъ до опрометчивости, простодушнымъ до ребячества. Порою сколько силы проявлялось въ словахъ его, сколько звучности въ самомъ голосѣ. Но чаще всего была замѣтна въ немъ задумчивость человѣка, связаннаго глубокимъ, тайнымъ чувствомъ. Мать съ тоскою слѣдила за этими измѣненіями, причина которыхъ, очевидно, заставляла ее страдать. Я скоро убѣдилась, что Поль былъ совершенно устраненъ отъ всякой довѣренности въ семействѣ Долицкихъ.

«Разъ какъ-то я пріѣзжаю къ Варварѣ Петровнѣ, и нахожу ее въ необыкновенно-раздражительномъ состояніи. Подлѣ нея, никого не было, кромѣ Юрія. На столѣ лежало нѣсколько дѣловыхъ бумагъ.

«— Нѣтъ, не упрашивай меня, душа моя, Юрій, говорила она прерывистымъ голосомъ: — Это чересчуръ дерзко! Его надо проучить. До чего же онъ дойдетъ наконецъ? Мнѣ ужасно подумать!

«Варвара Петровна была крайне взволнована.

«— И это сынъ бѣдной сестры моей! О, Боже мой! повторяла она, со слезами на глазахъ.

«Истощивъ всѣ убѣжденія, Юрій прибѣгнулъ къ послѣднему средству. Онъ сдѣлалъ мнѣ знакъ. Я поняла, что дѣло шло о Полѣ и съ замирающимъ сердцемъ бросилась къ Варварѣ Петровнѣ, умоляя ее простить

ему. Они оба отнесли все это къ порыву моей чувствительности,

«— Добрая Луиза! дитя мое, сказала она, обнявъ меня: — ты готова страдать за всѣхъ; чтобъ успокоить тебя, я рѣшаюсь!

«Съ этимъ словомъ, она взяла бумаги со стола и сожгла ихъ; Юрій поцѣловалъ у ней руку. Я не понимала въ чемъ состояла вина Поля: ни Юрій, ни Варвара Петровна, не хотѣли въ то время объяснить мнѣ этого. Бѣдная Варвара Петровна, страдавшая отъ малѣйшаго нравственнаго потрясенія, весь тотъ день чувствовала себя очень дурно. Вечеромъ, когда я сидѣла у изголовья больной, маленькая дѣвочка, бывшая въ прислугахъ у Варвары Петровны, сунула мнѣ какое-то письмецо и убѣжала.

«Записка эта состояла изъ нѣсколькихъ таинственно печальныхъ словъ. Поль говорилъ, что если я «хочу спасти его отъ отчаянія», то должна придти къ нему на верхъ. Всегда покорная его волѣ, я тотчасъ же бросилась туда. Говорить ли, какъ сильно я была взволнована, ожидая новой, мучительной сцены? Вхожу. Но Поль такъ глубоко погрузился въ печаль свою, что не видалъ и не слыхалъ ничего; я подхожу ближе, называю его по имени.

«— Ахъ, это вы Луиза! воскликнулъ онъ съ какою-то дикою радостью: — вы не знаете какая грозная

туча висить надъ моею головой! Нѣтъ! все кончено, я долженъ погибнуть...

«— Что такое? ради Бога, говорите скорѣй!

«Вмѣсто отвѣта, онъ окинулъ меня такимъ взглядомъ, отъ котораго бросило меня въ жаръ и ознобъ.

«— Что сдѣлалось? закричала я отчаяннымъ голосомъ.

«— Ничего, ничего, отвѣчалъ онъ, какъ бы опомнясь.

«Я стояла безъ движенія, какъ прикованная; онъ съ тихою грустью упалъ на диванъ, выпустивъ мою руку изъ рукъ своихъ, съ видомъ страдальца, который изнемогаетъ подъ тяжестью горя, превышающаго силы его. Я не могу выразить тебѣ, какъ въ эту минуту было трогательно и прекрасно лицо его, какъ граціозна покорно-отчаянная поза.

«— Такъ! я зналъ, что все это должно придти къ этой развязкѣ, заговорилъ онъ, какъ бы снова собравшись съ силами: — Я предвидѣлъ свою гибель съ той минуты, какъ ты переступила за порогъ этого дома, гдѣ живетъ адскій расчетъ и самое утонченное притворство.

«— Въ чемъ же вина моя? робко спросила я у Поля, не понимая загадочныхъ словъ его.

«— Бѣдное созданье! вина твоя въ томъ, что ты прекрасна. Онъ влюбленъ въ тебя...

«— Кто? вскричала я, теряясь въ догадкахъ.

«Поль горько улыбнулся.

«— Юрій! сухо произнесъ онъ.

«— Это не правда!

«— Ты не знаешь всѣхъ хитростей моей тетки; теперь любимая мысль ея : женить Юрія на тебѣ, и чтобы достигъ этой цѣли, она способна на все. Ты выйдешь за Юрія!

«— Никогда, никогда! вскричала я въ изступленіи: — я люблю тебя, одного тебя!...

«— Ну такъ послушай! если такъ, надобно бѣжать со мною, сказалъ онъ вполголоса, не спуская съ меня настойчиваго взгляда.

«Я оцѣпенѣла и не поняла этихъ словъ.

«— Бѣжать? куда? спросила я наивно.

«— Я люблю тебя страстно, ты должна быть моею! бѣжимъ и тайно обвѣнчаемся.

«— Оставить дѣдушку! воскликнула я, понявъ наконецъ его мысль. — Нѣтъ! я никогда не рѣшусь на это!

«Не знаю, гдѣ взяла я силы такъ твердо произнести эти слова. Поль съ презрѣніемъ оттолкнулъ меня.

«— Нѣтъ, ты не любишь меня и никогда не любила! воскликнулъ онъ съ трагическимъ жестомъ: — Любовь ли это? О, Боже! это одно кокетство! ты хотѣла довести меня до отчаянія!

«И онъ плакалъ, онъ рвался какъ безумный. Я не

знаю чѣмъ бы все это кончилось, еслибъ я не услышала, что меня ищутъ внизу. Варварѣ Петровнѣ стало хуже, она звала меня.

«Чтобы пояснить тебѣ эти сцены, я скажу то, чего не понимала сама въ то время. Дѣдушка мой слылъ довольно богатымъ человѣкомъ, и всѣ знали, что я единственная его наслѣдница. Корыстолюбіе Поля давно основало всѣ свои надежды на мнѣ; но онъ зналъ, что имѣетъ репутацію игрока, и твердо былъ увѣренъ, что меня не отдадутъ за него обыкновеннымъ порядкомъ. Вотъ грустный смыслъ этой загадки, вотъ причина таинственности, которою онъ окружалъ всѣ свои поступки.

«Съ тяжелымъ чувствомъ возвратилась я въ тотъ вечеръ домой. Прошло четыре дня; на пятый я не выдержала и отправилась къ Долицкимъ. Маленькая Варя выбѣжала ко мнѣ на встрѣчу и сказала, что дядя Поль уѣхалъ въ деревню; что бабушка плакала, и онъ плакалъ, прощаясь съ нею. Я поняла, что это была сцена примиренія. Какъ ласково приняла меня Варвара Петровна и усадила подлѣ себя! Какъ Юрій обрадовался моему появленію; но въ этой радости не было и тѣни того чувства, которое приписывалъ ему Поль. Я помню, въ тотъ вечеръ на душѣ у меня было какое-то безотчетное спокойствіе.

«Варвара Петровна заставила меня читать вслухъ

одинъ изъ романовъ Купера, котораго очень любила, Юрій вырѣзывалъ изъ бумаги какія-то фигурки для Вари, которая, опершись на столъ ручками, съ жадностію слѣдила за всѣми движеніями ножницъ. Но не долго были мы довольны и счастливы. Вошелъ чело-вѣкъ съ письмомъ въ рукѣ и отдалъ его Юрію, ска-завши « съ почты. » Юрій взглянулъ на подпись, из-мѣнился въ лицѣ и нетерпѣливо сорвалъ печать. Варвара Петровна не спускала съ него глазъ. Прочи-тавъ письмо, Юрій молча передалъ его матери, и вышелъ изъ комнаты. Я посмотрѣла на него. Нѣтъ, никогда не видала я такой быстрой перемѣны лица. Варвара Петровна, казалось, бодро читала письмо; но едва окончивъ, склонила голову, и слезы побѣжали по истомленному лицу ея; прошло нѣсколько мучи-тельно-длинныхъ минутъ молчанія, наконецъ Варвара Петровна тихо сказала мнѣ:

« — Луиза, другъ мой! поди спроси у него, на что же онъ рѣшается? »

« Я поспѣшила выполнить ея желаніе. »

« Дверь къ Юрію была затворена, я постучалась; онъ вышелъ ко мнѣ и, опершись на ручку замка, долго сто-ялъ передо мной въ какомъ-то тяжкомъ раздумьи; все въ немъ изобличало страданье и внутреннюю борьбу. Ахъ! какъ любилъ онъ эту женщину! »

«Но Варвара Петровна съ нетерпѣніемъ ожидала моего возвращенія.

«— Ну, что жь, Луиза? спросила она вперивъ въ меня испытующій взглядъ: — говори все! не скрывай отъ меня истины. Онъ очень разстроенъ?

«— Ужасно!... его нельзя узнать!

«— Несчастный! что жь онъ сказалъ тебѣ?

«— Онъ сказалъ, что долженъ ѣхать на дняхъ! проговорила я чуть внятно.

«У Варвары Петровны сдѣлался нервный припадокъ, такъ сильно поразило ее это извѣстіе. Мы съ Марьей Николаевной уговорили ее лечь въ постель.

«На другой день вечеромъ Юрій уѣхалъ. Мать прощаясь съ нимъ, обняла и благословила его. Могла ли она не простить сына?

«Однажды дѣдушка разговаривалъ о своихъ походахъ, объ отсутствующихъ друзьяхъ и семействѣ Лоргеймъ; а въ это время подъѣхалъ къ нашему крыльцу экипажъ, зазвенѣлъ у дверей колокольчикъ, и почти въ то же время въ залѣ слышались чьи-то шаги и бряцаніе шпоръ.

«— Генералъ Лоргеймъ! сказалъ человѣкъ, показываясь въ дверяхъ.

«— Ахъ! мой добрый Францъ! воскликнулъ дѣдушка, очутившись вовсе неожиданно въ объятіяхъ генерала.

«И пошли разспросы.

«— Неужели это маленькая Луиза?

«— Она самая! Луиза! что же ты не поцѣлуешься съ Францомъ? сказалъ дѣдушка и съ улыбкой толкнулъ меня въ его объятія.

«Съ первой минуты видъ Лоргейма внушилъ мнѣ столько довѣренности, что я какъ будто уже давно знала его.

«Скоро и незамѣтно прошелъ вечеръ, часовъ въ одиннадцать мы разошлись. Генераль остановился въ гостинницѣ. Дѣдушка чрезвычайно утомился и ослабѣлъ; опираясь на мою руку, казалось, онъ съ трудомъ дошелъ до своей спальни. «Въ немъ только искра жизни!» думала я, поддерживая его. Пришедши въ свою комнату, я чувствовала грусть, и чтобы разсѣять печальныя мысли, стала читать.

«Ночь была холодная и темная, несмотря на май мѣсяць; по небу ходили тучи; порывистый вѣтеръ свистѣлъ въ окно; все утихло на улицѣ и въ домѣ, только сторожъ гдѣ-то билъ въ доску, да выла собака у воротъ. Я стала прислушиваться къ этимъ звукамъ, волнуемая какимъ-то смутнымъ предчувствіемъ. И точно, не прошло и десяти минутъ, книга выпала изъ рукъ моихъ, я вся обомлѣла... Нѣтъ сомнѣнья! Это тотъ давно знакомый сигналъ! Это онъ, это Поль! Боже мой! Второпяхъ, не

размышляя, я растворила окно, и едва успѣла опомниться, какъ онъ, однимъ прыжкомъ, очутился у меня въ комнатѣ. Я въ испугѣ отскочила отъ него; но лицо Поля выражало такую безнадежную грусть, что забывъ все, я съ участіемъ спросила, что съ нимъ?

«— Вы однѣ можете спасти меня! сказалъ онъ такимъ могильнымъ голосомъ, отъ котораго я невольно содрогнулась: — Если вы отступитесь отъ меня, то я погибъ. Вы знаете давно, какой я страдалецъ. Никогда душа моя, чуждая всѣмъ и всему въ здѣшнемъ мірѣ, не находила ни въ чемъ отрады; но я начиналъ уже привыкать къ своей горькой участи, когда вы явились передо мною, ваша красота увлекла меня: я полюбилъ васъ, и снова началъ мечтать о счастіи. Съ этой поры не было ни одной минуты покоя для моего бѣднаго сердца. Я искалъ развлеченій въ обществѣ веселыхъ товарищей, я игралъ, я безумствовалъ, чтобы заглушить внутренній голосъ тоски. Возвращаясь домой на зарѣ, истомленный, истерзанный, убитый, я бросался на постель и засыпалъ тяжкимъ, летаргическимъ сномъ. Понимаете ли вы это, Луиза?

«Поль повидимому ужасно страдалъ. Краска то появлялась, то исчезала съ лица его, глаза сверкали. Я была поражена и испугана.

« — Чтожь я могу? проговорила я, не ясно понимая къ чему клонится его рѣчь.

« — Вы все можете, Луиза! Вы можете подать мнѣ руку и вытащить меня изъ этого омутъ. Вы можете сдѣлать изъ меня человѣка... Одно слово твое, Луиза! Скажи мнѣ, согласна ли ты принадлежать мнѣ?

« Голосъ его сдѣлался нѣженъ. Онъ взялъ мою руку. Я молчала, смятеніе мое увеличивалось, едва доставало у меня силъ переводить дыханье.

« — Я твоя... только скажи объ этомъ дѣдушкѣ, выговорила я наконецъ съ усиліемъ.

« Невидимая сила спасла меня отъ этого человѣка. Имя дѣдушки привело его въ бѣшенство. Онъ видѣлъ въ этомъ явное сопротивленіе его волѣ, и какъ человѣкъ давно потерянный прибѣгнулъ къ самому низкому способу. Онъ рѣшился испугомъ вырвать у меня согласіе. Пистолетъ сверкнулъ въ его рукѣ. Въ эту минуту самъ Богъ внушилъ мнѣ мысль взглянуть прямо въ лицо этому человѣку... Тутъ только упала завѣса очарованія съ моихъ глазъ. Сколько холодности и корыстолюбія прочла я въ лицѣ его! Какое отсутствіе жалости! Съ этой минуты я уже не могла любить его. Всѣ чувства во мнѣ слились въ одно чувство отвращенія. Онъ вздумалъ было взять меня за руку. Я пронзительно вскрикнула и

закрывъ лицо, пала ницъ передъ распятіемъ, которое висѣло надъ изголовьемъ моей кровати. Что-то зашевелилось въ корридорѣ; вѣроятно испуганный этимъ движеніемъ, Поль скрылся. Не помню, долго ли я простояла на колѣнахъ, но помню только то, что невообразимое страданіе сдавило мнѣ грудь, я упала на полъ и совершенно лишилась памяти. На утро двѣ женщины сидѣли надо мной съ лѣкарствами, бѣдный дѣдушка плакалъ у моей кровати, доктора почти не выходили изъ дому; я никого не узнавала. Прошло нѣсколько дней въ самыхъ мучительныхъ страданіяхъ. Весь домъ былъ въ тревогѣ, мысль каждаго была прикована къ постели умирающей дѣвочки. Мое выздоровленіе шло медленно, и мудрено ли! сердце мое было растерзано. Я ненавидѣла, я боялась этого человѣка, и мысль, что въ рукахъ его находятся мои письма, превозжила меня до безконечности.

«Въ послѣдствіи я узнала, что онъ проигралъ значительную сумму денегъ въ самый тотъ вечеръ, и рѣшился поправить свои дѣла женитьбою. Я приходила въ неописанное волненіе при мысли о возможности новыхъ покушеній со стороны этого человѣка — я его страшно боялась! Къ счастью, пріѣхалъ Юрій, добрый Юрій! Я обрадовалась ему какъ единственному человѣку, который могъ мнѣ быть по-

лезень, и онъ самъ какъ будто выжидалъ случая остаться со мною наединѣ. Этотъ случай скоро представился.

« — Мнѣ надобно поговорить съ вами! разъ сказала я ему, собравшись съ духомъ: — но я требую, чтобы вы чистосердечно отвѣчали мнѣ на всѣ мои вопросы. Я знаю благородство вашей души и потому рѣшаюсь вѣряться вамъ.

« — О! Боже мой! какое пышное предисловіе! прервалъ онъ улыбаясь.

« — Это вовсе не шутка, Юрій Александровичъ, сказала я, и замаялась не находя ни словъ, ни силы рассказать все.

« Воспользовавшись минутой молчанія, Юрій заговорилъ о другомъ.

« — Вотъ уже нѣсколько дней, какъ я ищу случая остаться съ вами наединѣ, сказалъ онъ. — Предметъ моего разговора довольно страненъ. Съ другою дѣвушкой я не осмѣлился бы говорить такъ прямо; но вы для меня не то что всѣ другія. Мать моя привязалась къ вамъ всею душой. Въ васъ она находитъ черты покойной сестры моей. Она убѣждена — и кто не разделяетъ съ ней этого убѣжденія? что человѣкъ, на котораго падетъ выборъ вашъ, будетъ вполне счастливъ.

« Но также какъ и я, онъ началъ путаться въ словахъ, когда дѣло доходило до рѣшительнаго изъясне-

нія. Во всемъ была замѣтна неловкость человѣка, который не знаетъ какъ выпутаться изъ затруднительнаго положенія.

« — Вамъ понятно ея пристрастіе къ сыну! снова заговорилъ онъ, стараясь избѣгать моего взгляда: — матушкѣ кажется, что *это могло бы случиться*; но я спѣшу высказать вамъ все, что у меня на душѣ. Выслушайте мою исповѣдь и простите мнѣ! Есть женщина, которую я люблю. Я почелъ бы себя недостойнымъ дружбы вашей, продолжалъ онъ, оживляясь все болѣе и болѣе, — еслибъ оставилъ ту, которая посвятила мнѣ свою жизнь, пожертвовала семейными связями, доброю молвой, свѣтомъ, именемъ жены и матери, и для которой все это заключается во мнѣ одномъ. Я связанъ съ нею сердцемъ и честью; ничто не можетъ разлучить насъ кромѣ смерти. Но эту связь, которая священна для меня, въ свѣтѣ называютъ «преступною». Одна мысль о ней убиваетъ женщину строгой нравственности, какова мать моя — я это знаю — я вижу это каждый день, и судите, каково мнѣ ужиться съ мыслию, что одну изъ этихъ двухъ женщинъ я долженъ принести въ жертву другой. Какъ неопытная молодая дѣвушка, склонная къ идеальности, вы вѣроятно заключите изъ этого, что я самый дурной сынъ и человѣкъ вполнѣ безнравственный. Но ради Бога, не судите людей, не испытавши

что такое страсть, для которой все забывается. Вы не знаете....

« — Знаю! знаю! прервала я увлекаясь.

«Юрій бросилъ на меня изумленный взглядъ и задумался.

« — Тѣмъ лучше! сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія: — вы будете снисходительнѣе ко мнѣ. Не одинъ разъ вы были свидѣтельницею печальныхъ сценъ между мною и матушкою; причина ихъ теперь извѣстна вамъ. Она страдаетъ за меня, видя, что я отказываюсь отъ семейнаго счастья и добровольно живу посреди непрерывной борьбы, подъ вліяніемъ чувства, которое нравственно уничтожаетъ меня, но безъ котораго, кажется, я не могъ бы существовать. Я люблю мать мою, вы знаете. Мнѣ тяжело видѣть ея грусть. Она столько разъ говорила мнѣ, что была бы счастлива, еслибы могла назвать васъ своею дочерью; все это такъ мучило меня, и я, очертя голову, согласился на все. Но обмануть ее, но оставить эту бѣдную, молодую женщину, которая такъ привязана ко мнѣ, одну посреди Петербурга, безъ защиты и безъ всякихъ средствъ...

« — Было бы ужасно! сказала я, увлекаясь ребяческимъ состраданіемъ.

«Юрій какъ будто воскресъ отъ словъ моихъ.

« — Теперь вы поняли меня! воскликнулъ онъ съ

увлеченіемъ, но въ ту же минуту остановился и по нѣкоторомъ размышленіи прибавилъ: — Сознаюсь, что я поступилъ дерзко въ отношеніи къ вамъ; но умоляю васъ, простите мнѣ, хоть изъ участія къ моей бѣдной матери!

«Я не отвѣчала на это ни слова, но подала ему руку.

«Долицкій слегка пожалъ ее и погрузился въ задумчивость, походившую на робкое сознаніе вины своей передо мною.

«— Скажите мнѣ, гдѣ вашъ cousin? спросила я наконецъ довольно тихо, но рѣшительно.

«— Кто? Поль? сказалъ онъ, поднявъ голову: — онъ кажется въ деревнѣ у дяди, съ которымъ очень ловко поссорилъ насъ.

«— Я требую, чтобы вы сказали мнѣ откровенно, чтò за человѣкъ этотъ Поль! воскликнула я съ сильнымъ замираніемъ сердца.

«Юрій пристально поглядѣлъ на меня и сказалъ, что Поль, къ величайшему прискорбію доброй Варвары Петровны, вышелъ «пустой и негодный малый». Испортило ли его общество игроковъ, въ которое попалъ онъ, или то былъ природный недостатокъ благородства и добрыхъ чувствъ, только онъ безпрестанно огорчалъ бѣдную тетку; наконецъ дошелъ до того, что рѣшился на фальшивую подпись ея руки.

« — Вы помните, кажется при васъ матушка сожгла эти бумаги? прибавилъ Юрій.

« — И я могла любить этого человѣка! О! Боже мой! вскрикнула я съ ужасомъ.

« Юрій быстро всталъ и схватилъ мою руку.

« — Что вы сказали? воскликнулъ онъ, вперивъ въ меня свой выразительный взглядъ.

« — Я любила его до такой степени, что безусловно и безропотно готова была повиноваться ему во всемъ. Выслушайте меня, Юрій! и постарайтесь помочь мнѣ!

« Тутъ я разказала ему все, и эту страшную ночь, когда воспользовавшись безумною довѣрчивостью влюбленной дѣвочки, онъ рѣшился привести въ исполненіе свой гнусный умыселъ. Юрій стоялъ передо мной, скрестя руки и пасмурно нахмутивъ брови.

« — У него остались письма мои, сказала я, окончивъ этотъ тяжкій расказъ.

« — Мы ихъ вытребуемъ у него, отвѣчалъ Юрій. Успокойтесь, ради Бога, и будьте увѣрены, что вы находитесь въ совершенной безопасности. Я не допущу его; я не позволю ему дѣлать вамъ непріятности.

« О, какъ эти слова оживили меня, Ольга! Вечеромъ ко мнѣ пришла Варвара Петровна съ дѣдушкой, а вслѣдъ за ними и Лоргеймъ. Началось чтеніе. Я прилегла къ подушкѣ и слушала, или лучше сказать вовсе не слушала. Послѣ разговора съ Юріемъ на душѣ моей

какъ будто прояснилось; но я безпрестанно думала о тайнѣ, которую онъ открылъ мнѣ. Его любовь къ этой незнакомой женщинѣ сильно занимала, скажу даже, волновала мое воображеніе. Не знаю, не была ли то зависть!

« Меня ожидало еще одно тяжелое испытаніе. Но дѣлать было нечего! Варвара Петровна, выслушавъ мой отказъ, измѣнилась въ лицѣ и выпустила изъ рукъ своихъ мою руку.

« — Не можешь! повторила она, не спуская съ меня глазъ: — отчего же это, Луиза?

« — Я дала слово другому, отвѣчала я, не понимая сама, что говорю.

« — Кому же? спросила она съ возрастающимъ волненіемъ.

« — Лоргейму! сказала я совершенно растерявшись.

« — Можно ли это! Подумай, Луиза, другъ мой! вѣдь онъ вдвое старѣе тебя. Ему слишкомъ сорокъ лѣтъ.

« — О! мнѣ все равно! воскликнула я: — дѣдушка этого желаетъ.

« — Въ такомъ случаѣ, да будетъ воля Божья! произнесла она съ чувствомъ. — Не плачь, дитя мое, все къ лучшему! Но грустно мнѣ отказаться отъ любимой мечты моей.

«Она не могла ничего болѣе сказать, только обняла меня и прослезилась.

.

«Скоро насталъ день рожденія дѣдушки. Я одѣлась утромъ и пошла поздравить его. Вхожу въ кабинетъ, Лоргеймъ уже тамъ. Дѣдушка былъ въ восторгѣ, что видитъ меня здоровою, и вдругъ отнесся къ Лоргейму, который тоже смотрѣлъ на меня съ живымъ участіемъ.

« — Вотъ, что ты не женишься? сказалъ онъ: — посмотри! какое у меня сокровище, эта дѣвочка!

« — Гдѣ мнѣ думать о женитьбѣ?... я слишкомъ старъ! возразилъ Лоргеймъ такъ печально, что я посмотрѣла ему въ лицо; но встрѣтивъ взглядъ его, смѣшалась и покраснѣла.

«Въ первый разъ я почувствовала какую-то неловкость въ присутствіи Лоргейма.

« — Старъ? какой вздоръ! воскликнулъ дѣдушка оживляясь: — да кто тебѣ это сказалъ! Спроси у Луизы... она тебя очень любитъ.

« — Любитъ... а за меня не пойдетъ! сказалъ Лоргеймъ очень тихо и не смѣло.

« — Не пойдетъ? а можетъ-быть и пойдетъ! Вѣдь моя Луиза не какая-нибудь свѣтская дѣвушка, вѣтреница, вертушка.

«Я подняла глаза на Лоргейма. Меня какъ будто въ первый разъ поразило въ лицѣ его сліяніе необычно-

венной доброты съ твердостію характера, и я прошептала :

« — Я васъ отъ души уважаю !

« — Слышите ли? уважаю... и только, грустно повторилъ Лоргейшъ.

« — Подожди немножко , можетъ-быть скажетъ со временемъ и люблю, замѣтилъ дѣдушка, — нельзя же вдругъ. Многого захотѣлъ, братъ !

« — Ахъ ! неужели это возможно ! воскликнулъ Францъ, съ жаромъ сжимая мои руки : — и вы согласились бы ? скажите !

« Смущеніе мое увеличивалось. Я молчала; но я видѣла, что этотъ человѣкъ любить меня ; я инстинктивно понимала, что найду въ немъ опору, необходимую для такой слабой женщины какъ я, и я уже почти безъ робости взглянула на него.

« — Я согласна ! вырвалось у меня почти невольно.

« Восторгъ его былъ неописанъ. Онъ давно любилъ меня !

« — Луиза ! благодарю тебя ! сказалъ растроганный дѣдушка : — теперь я могу умереть спокойно !

« Но голосъ его ослабѣлъ ; ему сдѣлалось дурно.

« За обѣдомъ у насъ были гости. Пили за здоровье обрученныхъ. Варвара Петровна старалась казаться веселою. Все это такъ грустно дѣйствовало на меня.

« — Скажите откровенно, что вы думаете о моемъ

неожиданномъ рѣшеніи? спросила я у Долицкаго послѣ обѣда.

«— Я васъ хвалю и поздравляю! отвѣчалъ онъ съ чувствомъ: — вы будете женою честнаго, благороднаго человѣка, который васъ искренно любить.

«— Такъ вы думаете, что я буду счастлива?

«— Нѣтъ сомнѣнія! Только счастье будетъ много зависѣть отъ васъ самихъ. Будьте осторожны въ свѣтѣ, или лучше сказать, не гоняйтесь за свѣтомъ, ради Бога! Помните, что вашъ мужъ вдвое старѣе васъ. А это очень важное обстоятельство.

«Всѣ силы, всѣ старанія употребляла я въ то время, чтобъ обуздать мое бурное воображеніе. Чего стоило мнѣ казаться спокойною тогда какъ сердце тосковало и тревожилось всеминутно! Рѣшившись быть женою серьезнаго, немолодаго человѣка, я чувствовала всю необходимость перерожденія, и старалась пріобрѣсти нѣсколько холодное воззрѣніе на вещи; но часто, оставшись одна, заливалась горячими слезами. Всего болѣе смущало меня воспоминаніе счастливыхъ минутъ, когда я вѣрила любви Поля, когда сердце его казалось мнѣ чистымъ какъ безоблачное небо, когда я ждала его по вечерамъ въ саду, и часто, волнуемая смутнымъ предчувствіемъ, склонялась къ нему и плакала, сама не зная о чемъ. Все это было такъ свѣжо, такъ отраднo! Вечерняя заря, аллеи нашего сада, развѣси-

стый клень у самого балкона, зубчатый заборъ, деревянная скамья... я не могла вспомнить объ этомъ безъ какого-то томительнаго чувства.

« — Вамъ надо скорѣй уѣхать отсюда, говорилъ мнѣ Юрій, когда задумавшись я стояла у окна и смотрѣла вдоль аллеи, усыпанной сухими осенними листьями.

« О молодость! рано я должна была проститься съ твоею обаятельною прелестью, съ твоими бурями и слезами, съ твоими радостями и надеждами! Но теперь я счастлива... я вполне счастлива, Ольга!

« За нѣсколько дней до моей свадьбы Юрій исчезъ; никто не говорилъ ничего объ этой поѣздкѣ; я догадывалась и молчала. Наканунѣ уже было довольно поздно, когда мнѣ подали большой запечатанный пакетъ. Съ какою радостью, съ какимъ волненіемъ увидѣла я въ рукахъ своихъ знакомыя мнѣ письма... мои письма къ Полю! Я въ ту же минуту сожгла ихъ. Я узнала въ послѣдствіи, что Юрію Александровичу стоило неимоверныхъ трудностей вырвать эти письма изъ рукъ своего двоюроднаго брата, который поклялся отомстить ему — и отомстил!

« На другой день я едва успѣла сказать нѣсколько словъ Юрію... Это былъ день моей свадьбы. Варвара Петровна благословила меня, по вашему обряду, образомъ Спасителя, который съ тѣхъ поръ никогда не

разстается со мною. Юрій былъ очень серіозенъ и крѣпко пожалъ мнѣ руку, когда я шла къ вѣнцу.

« Чрезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы, къ дѣдушкѣ собрались многіе изъ его друзей. Все было спокойно и счастливо кругомъ него. Послѣ обѣда Францъ заговорилъ о нашемъ скоромъ отъѣздѣ въ Н***, куда онъ былъ переведенъ на службу. Дѣдушка вслушался въ этотъ разговоръ, посмотрѣлъ на меня, задумался и долго сидѣлъ, не говоря ни слова, весь погруженный въ думу. Я тотчасъ же замѣтила это, подошла къ нему и спросила отчего онъ такъ не веселъ?

« — Не знаю, мой другъ! отвѣчалъ онъ слабымъ голосомъ, — мнѣ какъ будто дурно!

« Съ этимъ словомъ онъ поблѣднѣлъ и въ совершенномъ изнеможеніи опустилъ голову ко мнѣ на плечо. Францъ и Юрій бросились къ нему на помощь и почти на рукахъ понесли его въ кабинетъ. Мучимая грустнымъ предчувствіемъ, я выбѣжала въ другую комнату и зарыдала. Немного оправившись, я вошла къ умирающему. У изголовья стояла на колѣнахъ Варвара Петровна и молилась. Францъ былъ ужасно печаленъ... всѣ домашніе плакали.

« Вечеромъ дѣдушка какъ будто пришелъ въ себя, раскрылъ вполовину глаза, посмотрѣлъ на Франца и на меня, и далъ знакъ, чтобъ его приподняли. Мы стали на колѣни. Холодная рука умирающаго упала

на наши склоненныя головы, но онъ уже не въ силахъ былъ говорить; онъ только глубоко вздохнулъ. Когда меня подняли, дѣдушка уже отошелъ въ лучшій міръ.

«Горестъ моя была тихая, но глубокая. Долгое время ничто не могло развлечь меня... я все грустила и тосковала о добромъ дѣдушкѣ.

«Черезъ шесть недѣль послѣ его кончины мы простились съ Варварой Петровной и уѣхали въ Н***. Какъ трогательно она провожала насъ, какъ искренно желала мнѣ счастія! Юрій Александровичъ снова ускорилъ въ Петербургъ.

«Прошло два года. Мы опять проѣздомъ посѣтили Москву. Но Боже! въ какомъ печальномъ состояніи нашла я Варвару Петровну! Какъ лицо ея измѣнилось! Какая глубокая, постоянная грусть лежала въ ея взглядѣ!

«— Самъ Богъ послалъ мнѣ васъ, друзья мои! сказала она, обнимая поочередно меня и Франца.

«— Что случилось, другъ мой? спросила я: — гдѣ Юрій Александровичъ?

«— Здѣсь... но не на радость мнѣ! отвѣчала она съ тяжелымъ вздохомъ.

«Эти слова такъ поразили меня, что я поблѣднѣла.

«— Ахъ! постарайтесь спасти его, если вы меня любите, друзья мои! говорила Варвара Петровна, раз-

дирающимъ душу голосомъ: — подайте мнѣ хоть надежду на спасеніе моего бѣднаго Юрія!

« — Разкажите же намъ весь ходъ его болѣзни! сказала я.

« — Онъ не боленъ! прервала она: — онъ только страшно печаленъ; а это всего хуже!

« Варвара Петровна остановилась на половинѣ фразы, и стала прислушиваться, прошептавъ:

« — Онъ зоветъ меня... слышите ли?

« Мы притаили дыханіе... прошло нѣсколько минутъ... не слышно было ничего похожаго на звукъ его голоса.

« — Онъ тутъ, въ угольной комнатѣ, продолжала Варвара Петровна, убѣдившись въ своей ошибкѣ, — одинъ! и я не смѣю войти къ нему... боюсь встревожить! а только въ скважинку замка украдкой гляжу на него. Выслушайте! Тутъ она разказала намъ все.

« Сначала онъ писалъ довольно аккуратно, Варвара Петровна была спокойна. Двѣ недѣли тому, въ сумеркахъ, сидѣла она одна съ Варей, и не знаю отчего ей сдѣлалось безотчетно грустно. На дворѣ поднялась буря, вьюга, ужасная непогода... страшно было и подумать о какомъ-нибудь опоздаломъ путникѣ.

« Варя, прижавшись къ бабушкѣ, прислушивалась къ порывамъ вѣтра.

« — Гдѣ-то теперь дядя Юрій? сказала она какъ бы

внезапно одаренная ясновидѣніемъ; — мнѣ кажется что онъ близко отсюда.

« Эта мысль, брошенная невзначай ребенкомъ, до крайности взволновала Варвару Петровну. Она вздрогнула и засуетилась.

« — Вели скорѣй затопить каминъ! сказала она, и стала прислушиваться, не стукнетъ ли кто у крыльца.

« Напрасно разсудокъ убѣждаетъ ее, что нѣтъ никакого слѣда ждать Юрія; она не можетъ оторваться отъ этой мысли, не отвѣчаетъ на вопросы Вари, и не занимается болѣе ничѣмъ другимъ: развернула книгу, а читать не въ состояніи. Проходитъ часъ, два... Варвара Петровна зоветъ Марью Николаевну и проситъ заняться ужиномъ.

« — Да вы развѣ ждете кого-нибудь, матушка? спрашиваетъ она.

« Этотъ вопросъ озадачилъ Варвару Петровну... Она не знаетъ что сказать.

« Вдругъ — странное дѣло! — вдали глухо зазвенѣлъ колокольчикъ, и вотъ все ближе, ближе! Уже слышенъ стукъ колесъ... у крыльца остановился экипажъ. Варвара Петровна бросилась въ залу. Въ дверяхъ стоитъ Юрій, блѣдный, онѣмѣлый и сурово смотритъ на мать. Ему, казалось, непонятно было отчего она такъ обрадовалась

« — Дядя милый! поцѣлуй меня! лепетала Варя,

протягивая къ нему ручонки: — дядя, наклонись! я тебя не достану!

«Но вмѣсто отвѣта на эти ласки онъ холодно отклонилъ отъ себя рукой ребенка... эту Варю, которую онъ такъ любилъ! Варвара Петровна стояла въ оцѣпенѣніи передъ нимъ... Онъ еще разъ взглянулъ на мать, сдѣлалъ шагъ впередъ, взялъ ея руку и поцѣловалъ; но все это съ какою-то безсознательностію и машинально.

«— Что ты? что съ тобой, мой Юрій? спросила она, крѣпко обнявъ сына.

«— Маменька! дайте мнѣ комнату, гдѣ бъ я могъ быть одинъ! чтобъ дверь запиралась, сказалъ онъ какимъ-то страннымъ, какъ будто не своимъ голосомъ, — чтобъ дверь непременно запиралась на замокъ! повторилъ онъ: — слышите ли маменька? я не хочу никого видѣть!

«Боясь раздражить его малѣйшимъ противорѣчіемъ, Варвара Петровна молча отвела его въ угольный кабинетъ. Онъ вышелъ, осмотрѣлся кругомъ, и увидя диванъ, бросился на него, закинулъ голову на руку, и долго не перемѣняя положенія, безчувственно глядѣлъ въ потолокъ. Съ растерзаннымъ сердцемъ она стояла и смотрѣла на него, и все еще надѣялась подмѣтить въ немъ хоть проблескъ чувства; но онъ не замѣчалъ ея! Бѣдная мать, казалось, не существовала для него!

« — Маменька! уйдите! проговорилъ наконецъ Юрій, поворачивая голову къ стѣнѣ.

« Она тихо вышла изъ комнаты и притворила дверь; но рѣшилась, притаившись въ корридорѣ, припасть къ скважинкѣ и слѣдить за каждымъ его движеніемъ.

« Отъ холоднаго безчувствія перешелъ онъ вдругъ къ изліянію самаго безумнаго отчаянія: то рыдалъ, какъ ребенокъ, упавъ ницъ и закрывши лице руками; то вскакивалъ на ноги, выпрямлялся, казалось переставалъ дышать и какъ будто слѣдилъ глазами за какою-то тѣнью. Варвара Петровна не помнитъ, какъ оторвали ее отъ двери, какъ унесли въ спальню, кто и когда...

« Утромъ проснувшись, она какъ будто потеряла память; но Варичка прибѣжала къ ней и спросила: «Гдѣ дядя?» Тогда она все вспомнила, и несмотря на изнуреніе, пошла къ нему. Дверь была заперта. Она попробовала звать его по имени... отвѣта не было! Марья Николаевна спросила не хочетъ ли онъ позавтракать... Молчанье! молчанье, и больше ничего! При мрачномъ настроеніи мыслей Варвара Петровна легко могла бы подумать, что его нѣтъ на свѣтѣ, еслибъ не слышались шаги его. До самаго вечера онъ не переставалъ ходить по комнатѣ, не принимая никакой пищи; а дверь все оставалась запертою. Варвара Петровна приходила въ отчаяніе. Наконецъ въ су-

меркахъ снова подходитъ къ двери: дверь отворена настежь! она вбѣгаетъ въ комнату въ надеждѣ обнять его... Юрія нѣтъ! Нѣтъ въ цѣломъ домѣ, и никто не видалъ, когда онъ ускользнулъ и куда... безъ шинели, въ такую ужасную погоду! Проходятъ часы... она считаетъ ихъ съ какою-то напряженною бодростію. Наконецъ пробило двѣнадцать... полночь! Варвара Петровна уже перестала ждать его; велѣла придвинуть кресло къ камину, сѣла и смотритъ неподвижно на огонь. Она не плакала, не жаловалась, не вздыхала, а пришла въ состояніе безчувствія.

« Но вдругъ отворилась дверь. У бѣдной матери духъ занялся; она притаилась и молчала, ей страшно было повернуть голову. « Не идетъ ли кто съ ужасною вѣстію! » думаетъ она. Въ одно мгновеніе тысяча убійственныхъ мыслей закипѣла въ головѣ ея... Но она узнаетъ походку Юрія... Онъ подошелъ и сѣлъ противъ матери: съ какимъ трудомъ удержалась бѣдная отъ восклицанія, которое могло бы непріятно подѣйствовать на него!

« При свѣтѣ синеватаго пламени исхудалое лицо его походило на лицо мертвеца; широкая тѣнь окружала глаза, въ которыхъ какъ будто уже не было жизни. « Онъ живъ! думала она, глядя на него съ тоскою, чего же мнѣ больше! » Живъ! но въ какомъ состояніи! Боже мой! Дождевыя капли падали съ его волосъ

и одежды, все было въ безпорядкѣ! Онъ дрожалъ какъ несчастный, которому негдѣ приклонить головы въ непогоду.

«— Не отдохнуть ли тебѣ, мой другъ? спросила она робкимъ голосомъ.

«— Нѣтъ! зачѣмъ! отвѣчалъ онъ, бросивъ на нее разсѣянный взглядъ: — я не усталъ! отчего мнѣ устать? Мнѣ и такъ придется долго отдыхать въ могилѣ! Тамъ хорошо! О чемъ же вы плачете? Развѣ вамъ хотѣлось бы, чтобъ я еще страдалъ? Нѣтъ! дайте мнѣ умереть покойно, маменька! Что вамъ за радость во мнѣ!

«Варвара Петровна принимала эти слова за бредъ разстроеннаго воображенія и не возражала ему; только слезы катились по ея лицу. Марья Николаевна выслала Варю изъ комнаты, а сама стояла тутъ... моя голубушка! Она боялась оставить ихъ вдвоемъ.

«— Зачѣмъ же вамъ умирать, батюшка Юрій Александровичъ? сказала она, думая образумить его: — полноте! Богъ съ вами! Вы еще у насъ поживете!

«Юрій улыбнулся; но какъ тяжело было смотрѣть на эту улыбку! Марья Николаевна взяла его за руку и заговорила съ нимъ, какъ нѣкогда говаривала съ ребенкомъ.

«— Пойдемте, голубчикъ мой! Я отведу васъ въ вашу комнату... тамъ уснете! пойдемъ батюшка!

« Юрій всталъ и, какъ дитя, пошелъ за нею; но въ дверяхъ оттолкнулъ ея руку и торопливо вошелъ къ себѣ... замокъ щелкнулъ. Никто въ домѣ не ложился въ ту ночь; у дверей его безпрестанно смѣнялись люди.

« Утромъ пріѣхалъ докторъ. Юрій узналъ его, ужасно разсердился. Неимовѣрныхъ усилій стоило имъ добиться того, чтобъ пустить Юрію кровь; но съ тѣхъ поръ ему стало лучше. Онъ ослабѣлъ — это правда, и совсѣмъ не выходитъ изъ комнаты, но голова его совершенно освѣжилась. Теперь онъ просто груститъ о чемъ-то.

« — Чѣмъ помочь ему? научите, друзья мои! сказала Варвара Петровна, окончивъ грустный разказъ свой.

« Но трудно было придумать что-либо. Лѣкарства онъ не хотѣлъ принимать и никого не впускалъ къ себѣ; человекъ, приносившій ему кушанье, сказалъ какъ-то, что я здѣсь; но онъ не обратилъ никакого вниманія на эти слова и продолжалъ вести тотъ же образъ жизни. Оставалось одно средство: онъ любитъ музыку, сказала я, музыкѣ приписываютъ чудное дѣйствіе. Можетъ-быть я случайно нападѣю на мотивъ, который рас- трогаетъ его душу. Рѣшено было поставить форте- піяно въ сосѣдней комнатѣ. Сначала я играла тихо, брала одни аккорды, чтобъ не произвести слишкомъ

сильнаго потрясенія въ нервахъ больнаго, потомъ перешла къ божественной музыкѣ Бетговена. Играла нѣсколько дней сряду, успѣха не было! Ужь я начала терять надежду и сомнѣваться въ могуществѣ музыки.

«Все было грустно въ домѣ Долицкихъ; это сильно дѣйствовало и на меня. Однажды, оставшись одна, я сѣла за фортепіано и начала играть не холодно, не по заказу, какъ прежде, нѣтъ! я совершенно забылась и увлеклась музыкою. Мысль моя перелетѣла въ тѣ дни, когда молодое сердце, полное безсознательной любви, искало свой идеалъ въ облакахъ поэтическаго міра; я вспомнила о прежнихъ радостяхъ, и вѣровала въ нихъ со всею пылкостью вновь пробудившагося сердца.

«Вдругъ я чувствую, что за стуломъ моимъ стоитъ кто-то. Вѣрно Юрій! подумала я, и эта мысль невольно смутила меня... руки мои задрожали, я стала играть на удачу кой-какъ.

«— Это совсѣмъ не въ томъ тонѣ! сказалъ мнѣ знакомый голосъ.

«Я опустила руки и оборотилась.

«— Юрій Александровичъ! вы меня не узнаете? спросила я сильно взволнованнымъ голосомъ.

«— Ахъ, Луиза Львовна! воскликнулъ онъ радостно, схвативъ мою руку: — я такъ давно жду васъ! Знаете

ли, вѣдь я безъ васъ ужасно страдалъ! прибавилъ онъ вполголоса.

« — Я вижу это, мой другъ.

« — Пойдемте сюда! ко мнѣ въ комнату! сказалъ онъ мнѣ, оживляясь: — туда никто не входитъ.

« Онъ взялъ меня за руку и повелъ къ себѣ.

« Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ то, что узнала я:

« Женни Гольдесъ была одна изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ любятъ до безумія, или ненавидятъ всю жизнь. Въ ней все было исключительно, и красота и умъ, и добродѣтели и пороки. Говорятъ она была дивно хороша, одѣвалась прекрасно и очень скромно держала себя въ обществѣ. Ничто не могло сравниться съ ея умѣньемъ привлекать; съ ея способностію привязывать навсегда сердце, любившее ее однажды. Рассказываютъ, что она была добра, что умъ ея былъ пріятенъ и гибокъ; а глаза такъ хороши, что трудно было съ непривычки вынести ихъ блескъ, ихъ дивную игру. Это былъ типъ древней еврейской красоты. Происхожденіе ея довольно темно. Мать ея слыла за Польку; отецъ былъ какой-то бѣдный чиновникъ, который, за неимѣніемъ приданаго, далъ дочери блестящее воспитаніе. Это семейство жило въ Польшѣ. Тамъ узналъ ее Юрій молодою дѣвочкой, наивною, прелестною, рѣзвою дѣвочкой. Ей едва исполнилось шестнадцать лѣтъ; а Юрій только что былъ произведенъ въ офицеры.

Они съ первой минуты страстно влюбились другъ въ друга; но отецъ Женни былъ чрезвычайно строгъ и слѣдилъ неусыпно за дочерью. Видѣться имъ было трудно. Юрій нашелъ однакожь средство передать ей записочку; но записка эта попалась въ руки отца, который вмѣсто Женни отвѣчалъ ему: «Прошу васъ удалиться, милостивый государь! дочь моя никогда не будетъ принадлежать вамъ, и вы ее отнынѣ никогда не увидите. Я приму свои мѣры.»

«Такой отвѣтъ привелъ въ отчаяніе молодаго человека, и потерявъ всю надежду на сближеніе съ обожаемою Женни, онъ перепросился на службу въ Петербургъ. Скоро Женни выдана была замужъ за богатаго, но пожилаго негоціанта. Карлъ Гольдесъ былъ одинъ изъ тѣхъ непріятныхъ, угрюмыхъ и ревнивыхъ мужей, какіе уже рѣдко встрѣчаются и на сценѣ.

«Разъ какъ-то — это было въ Петергофѣ, во время знаменитаго праздника — Юрій въ толпѣ встрѣчается съ нею, съ этою Женни, о которой не переставалъ мечтать и на сѣверѣ.

«Женни вмигъ узнала его. Мужъ былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ; но они успѣли все пересказать другъ другу.

«— Я несчастлива, я ненавижу моего мужа, шепотомъ говорила она, сжимая украдкой руку молодому человеку.

«— Бѣдная! а я люблю тебя! люблю попрежнему! твердилъ Юрій, вѣя себя отъ восторга.

« Онъ узналъ, что отецъ ея умеръ; но что мать живеть въ Петербургѣ, только не съ дочерью, а совершенно отдѣльно. Юрій познакомился съ матерью. Тамъ вѣроятно встрѣчалъ онъ Женни. Извѣстно, чѣмъ ревнивѣе и подозрительнѣе мужъ, тѣмъ скорѣе жена придумаетъ средство обманывать его. Женни и Юрій были изобрѣтательны... они страстно любили другъ друга! Разъ, не знаю какъ это случилось, Карлъ Гольдесъ напалъ на слѣдъ этой тайной любви. Между нимъ и женой произошла ужасная ссора, вслѣдствіе которой Женни оставила мужа и переселилась къ матери. Тогда Юрій весь предался Женни.

« Съ тѣхъ поръ началась для него эта вседневная борьба съ жизнью, это безграничное самоотверженіе, которое мало-по-малу завлекло его на ложную дорогу и обезсилило характеръ, по натурѣ пылкій, благородный... Онъ забывалъ *для нея* обо всемъ, даже о бѣдной матери своей, жизнь которой была не что иное какъ цѣпь непрерывныхъ страданій. Между тѣмъ Варвара Петровна грустила втихомолку, не переставая однакожь заниматься дѣлами. Мужъ оставилъ ей запутанное состояніе, она устроила его; но для этого потребно было много лѣтъ, а еще болѣе жертвъ и лишеній. Варвара Петровна совершенно удалилась отъ свѣта и жила,

отказывая себѣ во всемъ. Могла ли она много удѣлять сыну? Правда, Юрій готовъ былъ довольствоваться малымъ. Но развѣ Женни, привыкшая къ роскоши, рожденная для нея, — Женни, эта блестящая женщина, это милое, избалованное дитя, могла терпѣть нужду? О! эта мысль убивала Юрія. Для нея онъ сталъ трудиться, работать день и ночь, скрывая отъ обожаемой женщины всѣ неровности, всѣ терніи своего пути, и сберегая на ея долю только розы. Мать ея была очень простая и кажется не очень деликатная женщина; она какъ будто не замѣчала ничего, а Женни съ эгоистическимъ простодушіемъ воображала, что все идетъ прекрасно, и что Юрій также счастливъ и спокоенъ какъ она сама.

« Эта страсть имѣла чрезвычайно пагубное вліяніе на характеръ Юрія. Онъ сталъ задумчивъ, подозрителенъ, страненъ, какъ человѣкъ, котораго какое-нибудь фантастическое чувство ставитъ въ исключительное положеніе и который удаляется отъ людей и смотритъ на нихъ какъ на обвинителей, какъ на враговъ. Мысль, что свѣтъ презираетъ его боготворимую Женни, преслѣдовала его повсюду; а убѣжденіе, что онъ терзаетъ сердце наилучшей матери въ свѣтѣ, наводило на него тоску, которую только одна Женни могла разгонять своей улыбкой, своимъ живымъ, летучимъ разговоромъ.

« При ней онъ становился веселъ и спокоенъ ; онъ оживалъ ! При ней нельзя было задумываться. Ея непритворная веселость , ея игривый смѣхъ , ея оригинальный образъ мыслей — все это невольно сообщалось каждому , и каждый чувствовалъ , что легко и весело дышать воздухомъ подлѣ Женни. Ничто не могло возмутить ея неистощимой веселости ; насмѣшекъ она не замѣчала или игриво отвѣчала на нихъ ; она была по своему наивна и такъ мила ! такъ беззаботна ! Гора она не предусматривала въ будущемъ ; для нея настоящее было все ; а въ настоящемъ видѣла она только преданную любовь Юрія , да независимость , которою не пользовалась подъ кровомъ угрюмаго , взыскательнаго мужа. Мудрено ли , что она находила себя вполне счастливою и беззаботно предавалась удовольствіямъ !

« Такъ прошло два года. Варвара Петровна писала сыну , что она больна. Вслѣдъ за этимъ онъ пріѣхалъ навѣстить свою мать. Это было въ ту эпоху , какъ я познакомилась съ Долицкими. Бѣдная Варвара Петровна мечтала удалить сына отъ Женни , опредѣливъ на службу въ Москвѣ. Ей даже казалось , что онъ поддается на это , какъ вдругъ , письмомъ , Женни извѣщаетъ его о смерти своей матери и зоветъ къ себѣ. Юрій бросилъ все и поскакалъ къ Женни. Женни оставалась одна безъ покровителя , безъ опоры , посреди незнакомаго ей города. Сколько заботъ , сколько

попеченій объ этой женщинѣ! Ахъ, Ольга! не удивляйся! всѣ мущины похожи на Юрія! Я рассказывала тебѣ, какъ огорчилъ Варвару Петровну этотъ быстрый отъѣздъ сына. Ты помнишь нашъ разговоръ съ Юріемъ послѣ моей болѣзни... Теперь остается мнѣ досказать тебѣ драму.

« По возвращеніи въ Петербургъ онъ вышелъ въ отставку, потому что здоровье его разстроилось, и болѣе чѣмъ когда-либо посвятилъ все существованіе свое этой женщинѣ. Но Женни мало-по-малу привыкла къ попеченіямъ Юрія: она начала смотрѣть на нихъ какъ на должную дань ея красотѣ и уму. Ей наскучила эта однообразная жизнь, любовь обратилась въ холодную привычку. Женни почувствовала пустоту.

« И вотъ передъ ней явился, какъ демонъ, человѣкъ, который заговорилъ языкомъ блестящаго разврата и изумительно дерзкой логики. Поль былъ хорошъ собою; Поль обладалъ искусствомъ принимать на себя всякаго рода личины; онъ дѣйствовалъ холодно и расчетливо. Поль долженъ былъ произвести впечатлѣніе на Женни; но Юрій не подозрѣвалъ о присутствіи своего двоюроднаго брата въ Петербургѣ; онъ вовсе, кажется, забылъ о его существованіи. Удивляться ли этому? Поль всегда умѣлъ скрываться. Это была его любимая метода и всегдашнее правило.

« При Юріи находился въ это время испытанный слуга,

преданный и честный старикъ. Ему крѣпко не нравился образъ жизни молодого барина. Не по душѣ ему была эта «попрыгунья», какъ онъ звалъ Женни, и вотъ разъ выбравъ минуту, когда Юрій былъ одинъ въ кабинетѣ, онъ подходитъ къ нему и, не говоря ни слова, кладетъ передъ нимъ на столъ золотой и не большую записочку.

«— Что это такое? спрашиваетъ удивленный Долицкій.

«— А вотъ что, батюшка! отвѣчаетъ Петръ со слезами на глазахъ: — васъ то обманываютъ, да и мою-то душу загубить хотятъ... а все Павелъ Степановичъ.. Богъ съ нимъ! Думаетъ подкупить меня золотомъ.

«— Какъ, Павелъ Степановичъ? вскричалъ блѣднѣя Юрій

«— Да вотъ прочтите! Говоря это, старикъ показывалъ рукою на письмецо. Долицкій судорожно развернулъ его.

«Поль писалъ къ Женни, что онъ въ сумеркахъ будетъ ждать ее на дачѣ *** подъ дальними соснами.

«Прежде всего Юрій удалилъ движеніемъ руки стараго слугу, а самъ упалъ на кресло и зарыдалъ. Старикъ поглядѣлъ, покачалъ печально головою на молодого барина и вышелъ, тихо притворивъ дверь.

«Черезъ два часа дверь снова отворилась; на порогѣ показался Юрій, блѣдный и мрачный какъ ночь. Въ

рукахъ онъ держалъ какой-то ящикъ. Петръ посторонился, Юрій прошелъ молча мимо него, скорыми шагами спустился съ лѣстницы, взялъ извозчика и велѣлъ везти себя какъ можно шибче на дачу ***.

Въ началѣ сентября петербургскія дачи походятъ на пустыню безъ оазиса, но Юрію было не до наблюдений: весь погруженный въ одну мысль, онъ вскочилъ съ дрожекъ и побѣжалъ къ назначенному мѣсту. Проходитъ часъ, другой, Юрій не замѣчаетъ времени, не замѣчаетъ темноты и мелкаго осенняго дождя, который въ соединеніи съ пронзительнымъ вѣтромъ проникаетъ насквозь хуже жестокаго мороза. Онъ ждетъ, полонъ мести и злобы, судорожно сжимая ящикъ съ пистолетами, проклиная свою любовь къ этой женщинѣ и съ ужасомъ убѣждаясь, что любить ее болѣе чѣмъ когда-либо.

Наконецъ вдали глухо и протяжно пробила полночь. Онъ опомнился. Ему пришло въ голову, что онъ одураченъ Полемъ, который давно питаетъ къ нему самое недружелюбное чувство, но что Женни не знаетъ этой злой мистификаціи, а преспокойно отдыхаетъ дома, не помышляя объ измѣнѣ и всѣхъ ужасахъ, которые она можетъ повлечь за собою. Съ сердцемъ, успокоеннымъ надеждою, Юрій бросился обратно въ городъ; онъ входитъ торопливо въ домъ, спрашиваетъ Женни, и кажется ему, что уже слышитъ голосъ ея; но ему отвѣчаютъ, что Женни не возвращалась. Прошли

сутки — ея нѣтъ; никто не знаетъ гдѣ она; всѣ разысканія молодого человѣка остаются безплодными. Ни Женни, ни Поля не видалъ съ тѣхъ поръ Долицкій: всѣ слѣды ихъ были затеряны. Страшное, безотрадное чувство овладѣло Юріемъ въ ту минуту, когда онъ убѣдился, что Женни оставила его. Уже больной и разстроенный, поскакалъ онъ къ одному изъ дальнихъ родственниковъ Женни, верстъ за сто отъ Петербурга, въ надеждѣ имѣть какое-нибудь извѣстіе о ней; но и тотъ не могъ ничего сообщить ему, а вызвался написать кой-кому изъ родныхъ. Всѣ какъ будто сговорились, отвѣчая ему, что не видали Женни, только одна дама, жительница одной изъ западныхъ губерній, писала, что будто-бы кто-то изъ ея знакомыхъ встрѣтилъ Женни на границѣ Польши; но вскорѣ прошелъ слухъ о ея смерти. Многіе факты подтверждали справедливость этого извѣстія. Говорили даже, что она утонула при переѣздѣ чрезъ рѣчку, что нашли принадлежавшія ей вещи. Однимъ словомъ, все это дѣло такъ запутано, что самъ Юрій до сихъ поръ не знаетъ ничего положительнаго касательно участи, постигшей его обожаемую Женни. Онъ только знаетъ то, что сильный недугъ сломилъ его, вслѣдствіе всѣхъ этихъ душевныхъ потрясеній; онъ помнитъ тѣ страшныя грезы, тотъ безумный бредъ, который то наводилъ на него ужасъ и трепеть, то поселялъ восхитительное чув-

ство, обманчиво рисуя въ его воображеніи образъ Женни во всей ея прелести. Въ пылу горячки Юрій покушался даже на самоубійство; но его привезли къ матери, и мать спасла его своими нѣжными попеченіями, своею молитвой, своею любовью.

« Мало-по-малу здоровье Юрія начало поправляться. Общество друзей развлекало его, какъ могло, и вскорѣ мрачное настроеніе духа, которому, казалось, не было ни выхода, ни предѣловъ, замѣнила простая, спокойная, но постоянная задумчивость. Одно только сильно взволновало его и заставило насъ снова трепетать за его жизнь и разумъ. Онъ получилъ слѣдующее письмо отъ Поля: « Я отомщенъ и совершенно доволенъ. Впередъ, братъ, не мѣшайся не въ свои дѣла. Не совѣтую искать Женни; не найдешь! Ей Богу, не найдешь. Я одинъ только знаю гдѣ она, и не скажу. » Но мало-по-малу изгладилось и это впечатлѣніе. Юрій сталъ поправляться.

« Варвара Петровна была въ восторгѣ. Она увидѣла улыбку на лицѣ сына, она убѣдилась наконецъ, что жизнь возвратилась къ нему, что онъ еще можетъ быть счастливъ на этомъ свѣтѣ. Когда силы его возстановились вполнѣ, Юрій, по совѣту матери и нѣкоторыхъ друзей, снова вступилъ въ службу и пріѣхалъ къ моему мужу, съ которымъ очень сошелся въ послѣднее время. Года черезъ два мы узнали, что Поль

живетъ очень счастливо и благополучно въ *** губерніи, гдѣ и выбранъ въ предводители дворянства. Узнали также, что онъ женился на богатой и прекрасной дѣвушкѣ, и что дядя его (братъ Варвары Петровны) намѣренъ, помимо Юрія, утвердить его единственнымъ наследникомъ своего огромнаго имѣнія. О Женни съ тѣхъ поръ не было ни слуху, ни духу. Говорить ли, что Долицкіе прекратили давно всякое сношеніе съ Полеми?

«Вотъ вся моя жизнь, Ольга. Теперь давно все прошло, я счастлива съ мужемъ, у меня прекрасная дочь, мнѣ хорошо дома; но мужъ мой требуетъ, чтобъ я выезжала, чтобъ я веселилась, какъ всѣ молодыя женщины. Это его фантазія, его капризъ, и я волей-неволей подчиняюсь ему. Что жъ дѣлать? Онъ боится прослыть ревнивцемъ и тираномъ своей молодой жены: вѣдь это смѣшно, Ольга, не правда ли?»

XIII.

Въ концѣ хутора графини Омской, на самомъ отдаленномъ пунктѣ, на скалѣ, вдавшейся въ море, стояла бесѣдка, полуразрушенная временемъ, преданная забвенію и летучимъ мышамъ. Входъ въ нее поросъ кустами репейника; давно, казалось, человѣческая нога не переступала черезъ ея порогъ...

Но что сдѣлалось съ графиней на другой день послѣ пикника? Взгляните на ея задумчивую позу, на ея блѣдное, серіозное лицо!... Душистая прохлада разлита въ ея очаровательномъ лѣтнемъ убѣжищѣ; едва проникаетъ слабый свѣтъ сквозь зеленныя жалюзи; графиня одна. Что навело на нее такую глубокую, сумрачную думу? Зачѣмъ такъ упорно прикованъ суровый взоръ ея къ фантастическимъ узорамъ ковра, въ то время, какъ злобная полуулыбка, краснорѣчивѣе словъ, выражаетъ тревожное состояніе души ея? Графиня дала приказаніе не принимать никого, голосъ ея повелителенъ и отрывистъ и во всѣхъ движеніяхъ замѣтна раздражительность обманутой женщины. О! съ

какимъ нетерпѣніемъ ждетъ она вечера! Какъ рука ея дрожитъ, касаясь золотой дощечки, за которой скрывается циферблатъ ея крошечныхъ часовъ! Наконецъ стрѣлка показала VII. Графиня встала, и накинувъ черный кружевной капишонъ своей мантильи на голову, отворила дверь на балконъ и скрылась.

Оставивъ ее, мы обратимся къ семейству Еладыныхъ, которые въ это время мирно пили чай. Елена жаловалась на нездоровье, была блѣдна и задумчива. Настасья Патрокловна, явившаяся въ урочный часъ, раскладывала карты; Анна Васильевна гадала, скоро ли кармашевскій управляющій вышлетъ оброкъ.

— Онъ плутъ всеестественный, говорила она: — а Павелъ Ивановичъ въ немъ души не слышитъ.

Настасья Патрокловна, выразительно вздыхая, качала головой. Не дождавшись чаю, Елена ушла въ свою комнату.

Вечеръ былъ тихій и ясный. Смеркалось. Пригорки, деревья, дома и люди обрисовывались черною краской на яркомъ фонѣ пурпуроваго запада. На небѣ загорались уже звѣзды, и въ лицо уже нельзя было узнать человѣка. По зарѣ разносились аккорды музыки, голоса гуляющихъ, плескъ моря; но вся эта гармонія вечера, которая такъ сильно дѣйствуетъ на поэтическія души, все это величіе природы могло бы не существовать для женщины, которая поспѣшно шла

вдоль берега, избѣгая встрѣчъ, закутанная въ черную мантилью, и которую, по легкости и граціи походки, можно было принять за молодую и прекрасную. Она направлялась прямо въ ветхой бесѣдкѣ. Елена — это была она — уже находилась въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда, какъ съ другой стороны мелькнула другая женская тѣнь и скрылась за полуразрушенными сводами. Елена вся задрожала и пріостановилась, укрываясь въ кустахъ. Пришедши въ себя, она, вмѣсто того чтобы войти въ бесѣдку, пробралась вдоль стѣны и съ лихорадочнымъ волненіемъ стала прислушиваться къ разговору, который происходилъ тамъ.

— Поздравляю васъ, вы выбрали удачную позу! говорилъ насмѣшливо женскій голосъ: — Ну что же, начинайте! съ вашимъ южнымъ воображеніемъ легко можно принять одну женщину за другую.

Елена не вѣритъ самой себѣ!...

Нѣтъ! слухъ обманываетъ ее — быть не можетъ! Голосъ графини не такъ рѣзокъ... Это не ея манера... Тысяча различныхъ чувствъ наполняютъ ея сердце, и она съ отчаяніемъ ищетъ скважинки, въ которую бѣ можно было видѣть... Войти она не рѣшается, волненіе ея такъ сильно! но она услышала голосъ Антонаки, и сердце ея замерло... Въ интонаціи этого голоса слышна небрежность избалованнаго ребенка. Нѣтъ! не такъ говорилъ онъ съ Еленой!

— Перестаньте насмѣхаться надо мной, сказалъ онъ: — это невеликодушно!... Вы знаете, что лежа-чаго не бьютъ; а мнѣ такъ хорошо лежать на этомъ диванѣ, что я право ни за что не встану... Лучше протяните мнѣ свою руку, Надина! Вы право очень аван-тажны! Въ томъ черномъ капишонѣ, который набро-шенъ на ваши волосы, вы совершенная Испанка....

«Надина!... Надина!» повторила Елена въ полголоса: — стало-быть это она? » И Елена ужъ готова броситься въ бесѣдку. Но у ней не достаетъ духу, она слиш-комъ ожесточена и слишкомъ мало владѣетъ собою въ эту минуту — надо переждать!... Пусть пройдетъ первый пылъ, надо собрать всѣ доказательства, надо все выслушать до конца, чтобъ дѣйствовать съ нѣ-которымъ благоразуміемъ. Елену не оставляетъ рассу-докъ, она знаетъ, что ребяческая поспѣшность мо-жетъ испортить дѣло и напряженно вслушивается въ разговоръ, притаивъ дыханіе; она видитъ все: бесѣдка слабо освѣщена потаеннымъ фонаремъ, который стоитъ въ углу.

— Не думайте, что лестъ удастся вамъ! отвѣчаетъ графиня дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

Молодая дѣвушка увидѣла наконецъ ея блѣдное, из-ступленное лицо и ужаснулась... Антошки казался спокойнымъ и не перемѣнялъ позы.

— Къ чему мнѣ льстить вамъ, графиня? это не въ модѣ, возразилъ онъ съ веселостью, которая еще болѣе раздражала самолюбивую женщину.

— Нѣтъ! не прибавляйте новыхъ низостей ко всѣмъ тѣмъ, которыя вы уже сдѣлали! заговорила снова она: — Довольно долго заблуждалась я, предполагая въ васъ нѣкоторое благородство, но маска спала; я не могу любить человѣка, котораго не уважаю, къ вамъ у меня не будетъ никакой жалости... Взгляните на эту записку!

Антоняки очень хладнокровно взялъ знакомое ему письмо, повертѣлъ его въ рукахъ, и не трогаясь съ мѣста, вскинулъ на раздраженную графиню свои яркіе, восточные глаза, выражавшіе райское спокойствіе. Она затрепетала, и брови ея зашевелились, взоръ засверкалъ; молодой человѣкъ слегка улыбнулся.

— Стоитъ ли изъ пустяковъ выводить такую важность, поднимать такой шумъ? проговорилъ онъ.

— И вы смѣете называть пустяками то, что касается до моего сердца? вы забываетесь monsieur Капнистріоти! Я могу васъ уничтожить въ одну минуту, — васъ, котораго я каждый день спасаю отъ безчестья и ставлю па ряду со всѣми порядочными людьми! Вы вспомните, что если я отступлюсь отъ васъ, то вмѣсто роскоши и удовольствій, которыми вы пользуетесь съ такою аристократическою небрежностью —

вы завтра утромъ проснетесь въ томъ общественномъ зданіи, которое обыкновенно бываетъ окружено высокою оградой, и гдѣ исчезаетъ умъ и любезность.

Антоняки всталъ и сдѣлался серьезнѣе.

— Это правда, графиня! вы много сдѣлали для моего спокойствія! но развѣ это не потому, что вы сами любили меня?... Скажите, не добровольно ли вы дѣлились со мною своимъ богатствомъ? Вы находили въ этомъ источникъ радостей и утѣшенія, безъ которыхъ жизнь ваша тянулась бы безотрадною полосой, какъ херсонская степь. Я васъ любилъ, какъ могъ.... Я васъ искренно и горячо любилъ, я вамъ былъ преданъ душою, и теперь, еслибы вы хотѣли, уваженіе мое къ вамъ нисколько бы не поколебалось; останемся друзьями!... Дайте мнѣ руку, не будьте злопамятны! простите мнѣ.... Я человекъ!

— Вы человекъ не благородный! воскликнула она, взглянувъ на Антонаки съ высоты своего величія: — но вы не знали, что значитъ раздражить такую женщину, какъ я. Вы думали: она добра! она пуста, какъ всякая свѣтская женщина.... Вы ошиблись! я умѣю мстить, и докажу вамъ это на дѣлѣ! О! вы не ожидаете, что я сдѣлаю съ этою дерзкою дѣвчонкой, которая употребила во зло мою привязанность, но ей не перехитрить меня! я заставлю ее горько раскаяваться....

— Довольно, графиня! прервалъ Антонаки, преобразовавшись изъ пустаго денди въ человѣка сильно почувствовавшаго обиду, и готоваго благородно отстоять свои права: — не вынуждайте меня высказать вамъ всю истину. Я предлагалъ вамъ перемиріе, вы не хотѣли: такъ выслушайте мою задушевную исповѣдь и смиритесь! Вы полагали, что Елена, ничтожная провинціалка, неопытная дѣвочка, не можетъ быть опасною соперницей для васъ, блестящей аристократки, и что ей большая честь забавлять васъ въ часы скуки, тогда какъ свѣтъ восхваляетъ вашу несравненную доброту къ ней. Вы всячески привлекали ее къ себѣ, прельщая удовольствіями свѣта; вамъ было весело съ ней! а между прочимъ бѣдная дѣвочка могла служить и громовымъ отводомъ въ случаѣ нужды. Благородный расчетъ, прекрасная привязанность, не правда ли? Такъ узнайте, что Елена нравится мнѣ до безумія; что я влюбленъ въ нее, такъ какъ не былъ до сихъ поръ влюбленъ ни въ одну женщину. У меня одна постоянная мысль, одно пламенное желаніе — пріобрѣсти любовь этой чудной дѣвушки. Вотъ чувство, которое истомило мнѣ сердце; я сталъ несчастливъ, я страдаю. Жизнь представилась мнѣ съ другой точки зрѣнія, съ тѣхъ поръ какъ я люблю ее: я чувствую себя способнымъ на великія жертвы для Елены. Я бѣденъ — это правда, несчастный случай лишилъ меня почти

всего состоянія; но для Елены я сталъ бы трудиться день и ночь; я возненавидѣлъ роскошь, которая отнимала у меня всѣ нравственные достоинства человека, я стыжусь прежней жизни своей, и еслибы не надежда на любовь Елены, которая замѣнитъ мнѣ все на свѣтѣ, то я готовъ былъ бы отважиться на самую страшную развязку; я не такъ вѣтренъ, какъ вы думаете, графиня. У меня всегда было сердце, расположенное къ истинной любви, но до сихъ поръ я не встрѣчалъ женщины, достойной пробудить это чувство; я бы не измѣнилъ и вамъ, еслибы могъ уважать васъ — повѣрьте. Но выслушайте меня до конца; если будетъ съ вашей стороны малѣйшее покушеніе на репутацію Елены, то все мое мщеніе падетъ на васъ! не забывайте, что я рожденъ среди полудикаго народа, который мститъ не пустыми фразами, не летучей эпиграммой, и что сердце мое еще не вполнѣ развратилось среди вашихъ блестящихъ салоновъ. Мнѣ дорога честь любимой женщины. Взвѣсьте хитрыя уловки вашего тонкаго ума, съ необузданною дерзостію, которою одарила меня природа, и убѣдитесь въ глубинѣ души вашей, что я бываю страшенъ въ тѣ минуты, когда разыграются во мнѣ страсти. Я не пощажу васъ; вспомните, что вы въ рукахъ у меня. Не стану пугать васъ ни мужемъ, ни мнѣніемъ свѣта — вы то и другое давно презираете — слава Богу! Помимо этого, я могу поднять страшную бурю

въ вашемъ семействѣ, я имѣю средство раскрыть глаза Александру, который можетъ потребовать отчетъ по дѣламъ опеки, и я знаю еще одну добрую старушку, у которой много тайнъ.....

Но графиня прервала слова его рыданіями и мольбою: она казалась смиренною, раскаявшеюся женщиной, которая у ногъ его умоляла о пощадѣ.

— Антонаки, какъ ты жестокъ! какъ ты безжалостенъ къ бѣдной женщинѣ, которая любитъ тебя! говорила она разбитымъ отъ страданія голосомъ. — Вся вина моя въ томъ, что я не хотѣла дѣлиться твоею любовью съ другою женщиной.

Но Елена не выдержала долѣе этой пытки. Во одно мгновеніе рушились ея надежды на блестящую будущность; открытіе этой связи, но болѣе этого — убѣжденіе, что она обманулась, что Антонаки бѣденъ, поразило ее въ высшей степени; все умолкло въ душѣ ея, кромѣ злобы, и она рѣшилась присутствіемъ своимъ смутить героевъ этой сцены и отворила дверь.

Черная одежда рѣзко оттѣняла блѣдность ея лица и губъ. Вошедши, она остановилась на порогѣ, какъ грозный судья, и холодно окинула ихъ глазами. Графиня вскрикнула, смутилась и опустила голову. Первымъ движеніемъ пылкаго Антонаки было броситься съ восторгомъ на встрѣчу къ молодой дѣвушкѣ, не сообразивъ обстоятельствъ, пояснявшихъ присут-

ствіе Елены; но гордая дѣвушка однимъ жестомъ остановила его порывъ.

— Я все слышала! сказала она холоднымъ тономъ презрѣнія: — безъ страху признаюсь здѣсь, что я точно любила Капнистріоти, пока думала, что онъ *достойнъ* моей привязанности, теперь же вы можете быть покойны, графиня! я уступаю вамъ поле битвы, безъ малѣйшаго сожалѣнія. Вы созданы другъ для друга — будьте счастливы! посреди васъ мнѣ нечего дѣлать.

Графиня молчала, отворотившись съ притворнымъ равнодушіемъ. Антонали оцѣпенѣлъ отъ отчаянія, овладѣвшаго всѣмъ его существомъ.

— Дайте мнѣ руку! сказала Елена, обращаясь съ тою же холодностію къ молодому человѣку, уничтоженному, приговоренному къ смерти, но безмолвному въ ея присутствіи: — я не могу идти домой одна въ такую темную ночь.

Онъ смиренно подалъ ей руку....

— Я надѣюсь, продолжала она, что въ васъ есть на столько природной деликатности и свѣтскзго навыка, что вы не станете докучать мнѣ ни однимъ словомъ въ продолженіи всего пути. Мнѣ нуженъ провожатый и больше ничего!

Она вышла, бросивъ выразительный взглядъ на графиню, которая не смѣла шевельнуться, пораженная

достоинством оскорбленной дѣвушки и своимъ собственнымъ униженіемъ.

Елена шла молча по тропинкѣ, извивавшейся вдоль берега; тысяча разнообразныхъ чувствъ кипѣло въ сердцѣ ея, отказаться отъ любимой мечты своей, прекратить всѣ сношенія съ Антонаки, не имѣя въ виду никакой награды, никакой другой партіи, не рассчитывая на приданое; она знала, въ какой степени запутаны дѣла отца ея, все это сильно волновало ее.... Рука ея дрожала, дыханіе становилось прерывисто.

Но это ли прежній Антонаки, дерзкій и предприимчивый съ женщинами, никогда не терявшій головы, и составившій себѣ такую громкую славу? Онъ влюбленъ со всею пылкостью юноши, влюбленъ въ первый разъ въ жизни. Онъ былъ робокъ, не краснорѣчивъ, не спокоенъ духомъ, и побѣда ускользнула изъ-подъ рукъ его.... Кто любитъ, тотъ рѣдко бываетъ любимъ. Наконецъ подходя къ дому, Елена спросила у него отрывистымъ голосомъ, что онъ намѣренъ дѣлать *посль этого?*

— Я завтра оставляю Одессу, отвѣчалъ онъ очень тихо.

— И хорошо сдѣлаете!

Онъ былъ обезоруженъ, побѣжденъ и покоренъ, какъ человѣкъ, погибшій безвозвратно.

— Я снова явлюсь тогда только, какъ вы пожелаете этого, прибавилъ онъ съ глубокою грустью.

Елена не отвѣчала ни слова на это.

Сердце ея не тронулось въ пользу молодаго чело-
вѣка, любовью котораго она не могла уже дорожить.
Пришли въ садъ; сохраняя до конца видъ презритель-
наго равнодушія, Елена молча оставила его руку и
скользнула въ куртины.

Долго Антошки стоялъ тутъ; въ знакомомъ окнѣ
Елены засвѣтился огонекъ, но скоро погасъ. « Она
легла! она спитъ спокойно! думаетъ онъ, а я? »

Въ душѣ его зажглось одно изъ тѣхъ чувствъ, ко-
торому мало цѣлой жизни, чтобы разыгаться и по-
гаснуть, которому приносятъ въ жертву счастье всей
будущности, которое живетъ само собою наперекоръ
здравому смыслу, безъ надежды, безъ улыбки, безъ
подкрѣпленія, и не умираетъ, какъ полищъ, разсѣчен-
ный на куски.

Утромъ, чѣмъ свѣтъ все засуетилось въ домѣ
Еладиныхъ. Ольга сквозь сонъ услышала стоны, бѣ-
готню, возгласы, и поспѣшно вскочила съ постели.

— Ахъ, барышня! вскричала Дуняша, вбѣгая къ
ней: — вѣдь сестрица-то умираетъ.

— Какъ умираетъ?... Чтò ты говоришь?

— Да такъ! никого не узнаетъ, говорить Богъ

знаеть что, а отъ самой такъ и пышетъ, какъ отъ печки!

— Что же маменька?

— Да что? Совсѣмъ голову потеряла.... Хоть бы вы, барышня!....

— Я сейчасъ иду! Одѣваться!

Черезъ минуту послѣ того Ольга увидѣла передъ собою Анну Васильевну, совершенно потерянную отъ горя.

Она повторяла, что Лёля умираетъ и не умѣла ни чѣмъ распорядиться какъ слѣдуетъ. Павелъ Ивановичъ, на ту бѣду, былъ въ отлучкѣ. Ольга по необходимости должна была всѣмъ заняться: она написала записку доктору, отправила въ городъ верховаго, а сама побѣжала къ сестрѣ для поданія необходимой первой помощи. У Елены открылась нервная горячка.

На Ольгѣ, сильно встревоженной состояніемъ сестры, лежали всѣ домашнія обязанности, всѣ заботы и хозяйство; все это отвлекло ее на минуту отъ собственнаго горя. Нѣтъ худа безъ добра.

Но съѣхались доктора, отыскался Павелъ Ивановичъ, окружили больную лѣкарствами. Графиня Омская, до которой тотчасъ же дошли слухи о болѣзни Елены, пріѣхала на другой же день узнать о состояніи больной; Настасья Патроковна строила ужасныя

гримасы, выражавшія, по ея понятіямъ, самое живое участіе.

Но ничто не помогало Еленѣ. Приближались девятые сутки. Отецъ съ матерью ходили какъ шальные, доктора призадумались. Ольга не оставляла больную ни на минуту: она одна еще могла дѣйствовать съ нѣкоторымъ разсужденіемъ. Цѣлыя ночи проводила она у изголовья сестры, забывъ совершенно о себѣ. Добрая Луиза помогала ей сколько могла, въ этой тяжелой обязанности. Графиня изъясняла свою горестъ непрерывными записками; часто и сама являлась; спрашивала всѣ самыя мелочныя подробности болѣзни и никакъ не понимала отчего ея «милая Леночка» могла занемочь.

Наконецъ Елена пришла въ себя.... Счастливый переломъ болѣзни подалъ огромную надежду на выздоровленіе. Всѣ ожили въ домѣ, и Ольга вздохнула свободно....

Отецъ и мать, отъ радости, такъ засуетились, что сбили съ ногъ и съ толку всѣхъ людей. Одна Дуняша, преданная вполнѣ Ольгѣ, племянница ея няни, оказала еще нѣкоторую смѣтливость, и то потому только, что желала облегчить труды «своей барышни» — такъ называла она Ольгу.

Елена стала поправляться, но для нея предписана

была всевозможная осторожность и тишина, потому и не допускали къ ней постороннихъ лицъ.

— Какъ добра Омская-то! сказала однажды Анна Васильевна: — вообрази Лёля! Она каждый день разъ десять присылаетъ узнавать о твоёмъ здоровьѣ, она непременно хочетъ видѣть тебя!

— Нѣтъ! не впускайте ее сюда! сказала съ раздражительностію больная: — я не хочу, я не могу никого видѣть.

Мать и сестра приписывая этотъ капризъ болѣзненному состоянію нервовъ, не удивлялись ничему.

Узнавши, что Елена уже сидитъ на постели, графиня упросила Анну Васильевну позволить взглянуть на нее хоть однимъ глазкомъ.... Растворили дверь потихоньку, заглянули: не спитъ ли больная? Услыша шорохъ, Елена повернула голову. Не давъ ей опомниться, графиня бросилась къ ней и заключила ее въ объятія. Графиня даже прослезилась.... Съ какимъ умиленіемъ глядѣла она на исхудавшее личико больной! Но Елена измѣнилась въ лицѣ, закрыла глаза и повернулась къ стѣнѣ, какъ только добрая пріятельница выпустила ее изъ объятій. Всѣ вышли изъ комнаты на цыпочкахъ, предполагая, что Елена задремала.

Холодность больной, оставленная безъ вниманія здоровыми, повидимому нисколько не измѣнила добраго расположенія къ ней графини Омской, которая только

искала случая остаться съ ней наединѣ. Уже здоровье Елены стало примѣтно возвращаться; домашніе искали покоя послѣ всѣхъ тревогъ и бессоницъ; Ольга принялась снова за живопись.

Воспользовавшись очень ловко минутой уединенія, графиня, въ одинъ прекрасный вечеръ, явилась передъ Еленой съ видомъ самаго дружескаго участія.

— Меня удивляетъ и оскорбляетъ ваше присутствіе здѣсь, въ этой комнатѣ, графиня! сказала ей Елена, не вставая съ дивана, на которомъ лежала, погруженная въ подушки.

— Да это самое не доказываетъ-ли вамъ моей искренней привязанности, Елена? На васъ сердиться я никакъ не могу.... Сердце мое разрывалось, когда вы страдали, и теперь... Нѣтъ! рѣшительно я сама не знала до сихъ поръ, какъ сильно я люблю васъ!

— Право, графиня, вы берете на себя излишній трудъ, отвѣчала молодая дѣвушка, гордо и насмѣшливо улыбаясь.

— Ахъ! Елена! перестаньте говорить со мной такъ язвительно! Еслибъ вы знали, какъ это больно мнѣ!... Не любя васъ искренно, захотѣла ли бы я подвергнуть себя вашему оскорбительному, ироническому обращенію?... Но я вамъ все прощаю.... Какъ другъ, я пришла взглянуть на васъ и утѣшить васъ сколько возможно....

— Да чѣмъ вы можете меня утѣшить?...

— Я на все готова для васъ, располагайте мною и всѣми средствами, которыя въ рукахъ у меня! воскликнула графиня, и съ увлеченіемъ протянула руку Еленѣ.

Елена пристально на нее посмотрѣла, но не пожала ей руки.... Графиня не обидѣлась и этимъ; она продолжала все тѣмъ же тономъ и съ тою же откровенностію:

— Я слабая женщина, созданная для любви безусловной, безумной, если хотите, но женщина, на которую можно положиться. Вѣрьте! люди, которые способны увлекаться, одарены высокими качествами — добротою и смиреніемъ. Я исповѣдую предъ вами всю мою душу, Елена, въ надеждѣ найти въ васъ сочувствіе.... Вы сами любили *его*.

— И перестала любить! сказала Елена твердымъ голосомъ; а между тѣмъ, взглянувъ пристальнѣе, можно было бы замѣтить легкую краску, выступившую въ лицѣ ея при воспоминаніи о *немъ*.

— Нѣтъ, Елена! любите его! онъ достоинъ этого! вскричала графиня, одушевляясь до поэтического вдохновенія: — Для васъ я побѣдила собственное свое сердце, я заглушила голосъ зависти и эгоизма, который есть въ каждомъ изъ насъ. Онъ любитъ васъ, Елена! не обвиняйте его: онъ лучше многихъ молодыхъ людей, у

которыхъ нѣтъ другаго кумира кромѣ золота; нѣтъ другихъ чувствъ, кромѣ холодной эгоистической корысти; онъ любить искренно, какъ дитя юга, онъ не коваренъ, но можетъ легко измѣнить....

Графиня впала въ мечтательность и долго не могла говорить. Слезы, казалось, готовы были брызнуть изъ глазъ ея, но она крѣпилась. Суровость Елены поколебалась; голосъ разстроенной до глубины сердца женщины подѣйствовалъ на ея нервы, еще не совсѣмъ крѣпкія послѣ болѣзни, и она взглянула на графиню нѣсколько ласковѣе.

— Посмотрите, чтò дѣлается въ свѣтѣ? продолжала графиня ободрившись: — скажите, есть ли созданіе Божіе, которое было бы лучше сестры вашей? Умъ, таланты, прекрасное сердце, хорошенькое личико.... все! Казалось бы, такая дѣвушка должна нравиться больше другихъ, еслибы мужчины искали красоту и добродѣтель при выборѣ жены....

— Чтò же вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, простите моей откровенности, что Ольга Павловна не скоро выйдетъ замужъ.

— Отчего же это, графиня?

— Оттого, что вашъ батюшка не оставитъ ей ничего, кромѣ долговъ. Деньги! деньги! Все умолкаетъ при этомъ словѣ.

Елена опустила голову къ подушкѣ, и невольный

вдохъ вырвался изъ ея груди. Она задумалась, лицо ея приняло озабоченный видъ.... Графиня торжествовала въ душѣ, хотя вся фигура ея изображала самую смиренную грусть.

Онѣ молчали довольно долго.

— Но развѣ Капнистріоти женился бы на мнѣ? спросила Елена съ отчаянною рѣшимостію, которая на минуту смутила графиню; но она скоро оправилась: у ней была слишкомъ тверда роль.

— Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія! отвѣчала она поднявъ голову. — Еслибъ вы видѣли съ какимъ растерзаннымъ сердцемъ уѣхалъ онъ въ Крымъ! Съ какою искренностію говорилъ о васъ! О! Бѣдный Антонаки, у котораго теперь очень ограниченное состояніе, былъ бы конечно счастливъ, еслибы вы согласились выйти за него. Что вы скажете на это Елена?

— Графиня, вы меня испытываете! отвѣчала хитрая дѣвушка: — я не вѣрю вамъ, и потому не скажу ничего.

— Къ чему эти опасенія! воскликнула графиня съ невѣроятнымъ добродушіемъ: — развѣ я не люблю васъ? развѣ я вамъ не доказываю самой полной довѣренности? О! какъ я жестоко оскорблена вами!

На глазахъ графини мелькали слезы. Бѣдная! казалось, она была такъ взволнована, что не находила словъ, а только взглядомъ изъясняла свои чувства.

Елена дала ей время оправиться, и потомъ незамѣтно опять навела разговоръ на Антонаки.

— Положимъ, что я бы согласилась, продолжала она: — что бы вы сказали на это, графиня?

Графиня отерла глаза и заговорила напыщеннымъ языкомъ, какъ бы подъ вліяніемъ душевнаго волненія, которое еще не оставило ея.

— Я сказала бы: сумасшедшіе, слѣпые, неразумныя дѣти! опомнитесь! прозрите! Вы пробудитесь тогда, какъ грозная дѣйствительность станетъ за плечами вашими, и все въ одно мгновеніе умретъ въ сердцѣ вашемъ, и любовь, и взаимная довѣренность; одно останется только посреди вашего семейства — бѣдность и всѣ ужасы, которые она влечетъ за собою. Божій міръ покажется вамъ грустною пустыней, гдѣ все прекрасное не для васъ: оно цвѣтетъ на высокихъ деревьяхъ, недосягаемыхъ для васъ, оно летитъ отъ васъ, какъ пухъ отъ дуновенія вѣтра, а все, что подъ ногами и что въ головахъ у васъ, то колетъ, сушитъ, губитъ человѣка, потому что это называется бѣдностію. Нѣтъ привидѣнія страшнѣе этого. Не Дантъ ли сказалъ, что всѣ мученія ада заключаются въ одномъ этомъ словѣ? Я не говорю, что вамъ придется унижаться и просить о покровительствѣ людей, которыхъ вы можетъ-быть не уважаете; но положимъ, вы не самолюбивы, вы не тщеславны, вы

покоритесь этой необходимости; такъ ли легко вамъ будетъ покориться мысли, что бѣдныя дѣти ваши, эти невинныя созданія, должны вмѣстѣ съ вами терпѣть всѣ лишенія? Самая улыбка ихъ, первая ангельская улыбка, падетъ на душу вашу какъ свинецъ, или нѣмой упрекъ; вы молча вздохнете, отирая слезу, но какъ грустно будетъ ваше молчаніе! Бѣдный младенецъ боленъ; докторъ сказалъ, что квартира ваша сыра и неудобна; но состояніе ваше не позволяетъ вамъ имѣть другую, и бѣдное дитя, жертва обстоятельствъ, страдаетъ и гаснетъ на рукахъ вашихъ. А если и выростетъ, то что ожидаетъ его? — горе, взлѣвшее его дѣтство какъ суровая мачиха, горе, которое пускаетъ глубокіе корни въ сердце; за нимъ слѣдуетъ отчужденіе, ненависть къ людямъ, пользующимся благами жизни, несправедливый ропотъ, горькое отчаяніе.... всѣ пути заграждены бѣдняку.... Но положимъ, сынъ вашъ будетъ трудиться. Онъ одаренъ силой воли, и съ молодыхъ лѣтъ полюбитъ науку. Взгляните же, какъ онъ бѣденъ и худъ въ двадцать лѣтъ! Какъ сердце его ожесточилось! Разсудокъ, развитый преждевременно нуждою, иссушитъ для него заранѣе всѣ источники радостей, всѣ мечты первой молодости. Онъ будетъ дикъ и суровъ.... Любовь!... Ему ли мечтать о ней, когда мать и сестры на рукахъ его; онѣ страдаютъ и ждутъ отъ него неусып-

ныхъ трудовъ, помощи и отрады. О бѣдность! бѣдность! Вы еще серьезно не подумали о ней, Елена!

Елена молчала, потупивъ глаза и размышляя. Лицо ея было болѣе чѣмъ серьезно, оно выражало глубокую скорбь. Графиня, довольная краснорѣчіемъ, которое такъ натурально, казалось, истекало прямо изъ ея сердца, вздохнула и потупилась въ свою очередь. Она какъ будто высказала уже слишкомъ много и раскаявалась въ томъ.

— Вы еще такъ молоды, Елена! продолжала она сдержаннымъ и болѣе мягкимъ голосомъ: — несмотря на весь вашъ умъ, все еще мало знакомы съ жизнью; и закулисныя тайны этой комедіи, которая часто бываетъ плачевна, не совсѣмъ знакомы вамъ. Жизнь еще кокетствуетъ съ вами, она не показала вамъ своей черной стороны, ни своихъ ранъ и неровностей, вы не знаете что могутъ богатые! Для нихъ созданъ этотъ міръ, полный гармоніи и наслажденій, для нихъ цвѣтетъ природа и всходитъ каждый день солнце, во всемъ блескъ своемъ. Имъ востокъ и западъ расточаетъ блестящія свои произведенія и все чѣмъ гордится человѣкъ.... Для бѣдныхъ изобрѣтены развѣ только одни дождевые зонтики....

— Да бумажные колпачки на свѣчку, прибавила Елена прищуриваясь: — графиня! посмотрите, нѣтъ ли такого колпачка за вами, на столѣ? мнѣ такъ глазамъ больно!

Графиня отыскала бумажный абажуръ и прикрѣпила его заботливою рукой къ стеариновой свѣчкѣ; потомъ взглянула на Елену и спросила, покойнѣе ли ей стало?

— Благодарю васъ! отвѣчала она, раскрывая глаза.

Графиня еще разъ взглянула на Елену, какъ будто невзначай, и вдругъ вся прониклась восторгомъ.

— Какъ вы прекрасны! воскликнула она съ неподражаемою естественностію: — я мало встрѣчала такихъ красавицъ въ моей жизни.... Но послушайте, Елена, надо пользоваться молодостью, какъ монетою, которая каждый день стирается понемногу, выходите замужъ!....

— За кого же, графиня? спросила Елена довольно сухо.

— За одного, очень богатаго человѣка, который однажды замѣтилъ васъ въ театрѣ. Это сосѣдъ мнѣ по харьковскому имѣнію. Онъ среднихъ лѣтъ, средняго роста; но состояніе у него огромное. Я не скажу, чтобъ онъ былъ аристократъ.... Но что значитъ рожденіе?... Одна мечта! Вѣдь нынче, слава Богу! ничего не надо кромѣ золота; а золота у него груды; онъ не знаетъ, что съ нимъ дѣлать, куда его употребить; смотритъ на свои несмѣтныя богатства да хлопаетъ ушами.... Жалость! человѣкъ безъ вкуса, съ такими огромными средствами! Еслибъ это все къ рукамъ! Еслибы посреди этихъ мраморныхъ залъ и этого

дивнаго парка была милая, молодая хозяйка, которая умѣла бы одушевлять вокругъ себя пріятное общество.... Ахъ Елена! выходите за него!

— Да кто же это, графиня? спросила Елена, приподнимаясь на локтѣ.

— Вы его видѣли разъ въ театрѣ, онъ входилъ въ нашу ложу, долго говорилъ со мной въ сѣняхъ, когда мы ждали карету, и все смотрѣлъ на васъ.

— Ахъ, знаю! краснощекій уродъ, точно котъ въ сапогахъ съ приторною улыбкой и какими-то нафабранными усиками. Однимъ словомъ, Савва Филиповичъ. Графиня! вы надо мной смѣйтесь!

— Нисколько! Вы увидите, что черезъ двѣ недѣли мы сдѣлаемъ изъ него препорядочнаго джентльмена. Съ деньгами все возможно, я вамъ совѣтую...

— Нѣтъ! ни слова болѣе, графиня! прервала Елена, съ раздражительностію: — я не хочу и въ шутку вообразать себя женою этого эскимоса; покорно васъ благодарю за участіе, вы право удивительно добры, графиня! Но я послѣ болѣзни очень слаба, мнѣ пора спать. Докторъ велитъ беречься! прощайте!

Говоря это она позвонила; вошла дѣвушка.

— Параша, вели подавать карету графини!

Графиня встала, не оказывая ни малѣйшаго неудовольствія.

— Прощайте! сказала она, застегивая перчатку: —

вы въ самомъ дѣлѣ больны, я это вижу. Но когда выздоровѣете, то вспомните, что всегда найдете во мнѣ преданное сердце и готовность быть полезною вамъ....

Она оставили Елену, взволновавъ ея умъ, въ которомъ и безъ того былъ зародышъ тщеславія. «Я могу выйти за Антонаки, думала она, но Антонаки бѣденъ. Это ужасное несчастіе! Я не привыкла къ лишеніямъ, къ труду, къ заботамъ, я такъ избалована!... Бѣдный Антонаки!... Нѣтъ я не перенесу этой жизни.... Но я могу выйти за богача, за Савву Филиповича.... Да вѣдь это ужасно!...

Она металась и тосковала; видно еще душа ея не была вполне испорчена.

— Что съ тобой, Лёля? спросила у ней сестра, вошедши къ ней и замѣтивъ ея волненіе. — У тебя опять жаръ....

— Ахъ, Ольга! отвѣчала она тоскливо: — зачѣмъ ты не допустила меня умереть?...

— Это еще что, мой другъ?

— Еслибъ ты знала, Ольга, какъ люди скверны!

— Чтожь тебѣ до того!...

— Съ волками вѣдь надо быть по-волчьи....

— Э! полно, душа! ты бредишь!

Елена грустно покачала головой.

— Нѣтъ, милая! я въ полномъ разсудкѣ....

Елена долго не смыкала глазъ. Чего не передумала она на тему, заданную ей графиней, которая въ свою очередь не могла заснуть, но только оттого, что была вполнѣ довольна собою. Ей удалось подѣйствовать на воображеніе Елены. Лёля разсердилась, когда ей предложили Савву Филиповича, но это ничего не значить. Послѣ первой минуты негодованія, настанетъ минута размышленія, она одумается и скоро согласится на все. О! еслибы графиня не поступила такъ великодушно и такъ разсчетливо, то кто знаетъ, чѣмъ бы все это кончилось? Но Еленѣ предоставленъ свободный выборъ, и сердце честолюбивой дѣвушки скоро успокоится, нѣтъ сомнѣнія! А между тѣмъ графиня видѣла, какъ лицо ея исказилось при мысли о бѣдности. О! Савва Филиповичъ! вамъ можно имѣть самыя основательныя надежды на счастіе.

Когда всѣ улеглись, Настасья Патрокловна, которую считали домашнимъ человѣкомъ, тихо прокрадась въ комнату Елены и съ таинственнымъ видомъ подала ей какое-то письмо.... Елена вся вспыхнула и оттолкнула ея руку....

— Я не хочу отъ *него* писемъ! сказала она сильно взволнованнымъ голосомъ: — между нами все кончено!....

Настасья Патрокловна стала упрашивать ее, говоря, что онъ съ ума сходитъ по ней въ Симферополь.

— Я вамъ сказала, что не стану читать! отвѣчала Елена и повернулась спиною.

— Ахъ! какое несчастіе! Что я теперь напишу ему! возопила почтенная компаньонка Анны Васильевны, печально выходя изъ комнаты и спрятавъ въ карманъ непринятое письмо.

XIV.

Скоро опустѣли хутора. Графиня Омская переѣхала въ городъ, и другіе послѣдовали ея примѣру, несмотря на то, что сентябрскіе дни были дивно хороши; но Еладьины медлили переѣздомъ, потому что городская квартира ихъ не совсѣмъ еще была отдѣлана; къ тому же Павелъ Ивановичъ ждалъ денегъ. Анна Васильевна очень скучала и боялась воровъ. Елена блуждала какъ тѣнь по комнатамъ, и была страхъ какъ не въ духѣ. Тихо изнывало сердце Ольги: переменны не было въ положеніи дѣлъ ея; съ Юріемъ она нигдѣ не встрѣчалась съ тѣхъ поръ; Луиза не говорила о немъ ни слова. «Еслибы можно было не переѣзжать съ хутора!» мечтала Ольга. Это уединеніе и тишина пришли въ душѣ ей. «Какъ пугаетъ меня мысль снова появиться въ свѣтѣ!...» писала она Машѣ въ то время, какъ Павелъ Ивановичъ обѣщаль Еленѣ задать балъ на славу, какъ скоро переберутся въ городъ, гдѣ у нихъ нанять былъ прекрасный домъ. «Ужъ кутить, такъ ку-

тить!» прибавилъ онъ, предчувствуя, что скоро придется плохо.... Долги превышали цѣнность имѣнія; но русскій человѣкъ таковъ, что пока громъ не грянетъ, онъ не перекрестится... При словѣ: *балъ*, лицо Елены прояснилось, она поцѣловала отца и упрашивала его не забыть о данномъ словѣ.

Однажды утромъ Ольга не могла ничѣмъ заняться, чтеніе было въ тягость ей.... Краска дурно ложилась подъ ея кистью — она бросила кисть! Музыка непріятно дѣйствовала на ея нервы. Долго оставалась она въ бездѣйствіи, погруженная въ думу, и вотъ, почти незамѣтнымъ образомъ перо стало передавать ея чувства бумагѣ. «Мнѣ скучно, Маша!» пишетъ она своей пріятельницѣ: «занятія надоѣли, съ природой я какъ «будто рассорилась, молиться не могу.. Земныя мысли «мѣшаютъ. Куда съ ними дѣться? Я гублю себя, ты «правду говоришь, Маша! Но что же мнѣ дѣлать? я не «слажу съ собой.... Объ Юріи ни слуху, ни духу. Ты «удивишься можетъ-быть, если я скажу тебѣ, что я не «виню его, ни сколько не виню, ей Богу. Къ счастью, «страсть не отняла у меня способности понимать «вещи, глаза мои скоро осмотрѣлись въ темнотѣ, окру- «жающей меня, и стали различать предметы гораздо «яснѣе. Напрасно ты, какъ дитя, во всемъ обвиняешь «Юрія. Ты неопытна, но горе развило во мнѣ нѣко- «горого рода смышленость, которой я не имѣла до

« сихъ поръ... Послушай! мы, дѣвочки, судимъ по себѣ
« и воображаемъ, что избранный нами идолъ, долженъ
« непремѣнно придти въ восторгъ отъ одного нашего
« взгляда и посвятить намъ всю жизнь свою, если мы
« признаемся ему въ полголоса, что любимъ его. Эти
« флоріановскіе романы новы только для насъ съ то-
« бою, взрощенныхъ за стеклами теплицы и украдкой
« прочитавшихъ двѣ, три главы Жоржъ-Санда.... Му-
« щины же далеко ушли впередъ.... Ошибка съ нашей
« стороны, если есть ошибка — зачѣмъ позволять себѣ
« такое исключительное чувство, такую неразумную
« любовь?... Зачѣмъ? Опять скажу тебѣ: мой другъ!
« не знаю!

« Мое положеніе въ отношеніи къ свѣту и къ се-
« мейству невыносимо! Теперь мнѣ бы надо выйти
« замужъ за другаго — изъ гордости, изъ самолюбія...
« Сколько пищи подамъ я городскимъ сплетнямъ! Все
« это я хорошо знаю! Но будь увѣрена, Маша, что за-
« мужъ я не пойду. Я люблю Долицкаго, да, милая
« Маша, я люблю его по крайней мѣрѣ столько же,
« какъ и прежде... »

— Ольга Павловна! пожалуйста къ папенькѣ, ска-
зала Дуняша, осторожно отворяя дверь.

— Чтò такое Дуняша?

— Къ папенькѣ пожалуйста! васъ спрашиваютъ;
они не здоровы, все охаютъ...

— Ахъ, Боже мой! что же это значитъ! воскликнула встревоженная Ольга и тотчасъ же пошла къ отцу.

Съ спальнѣ у Павла Ивановича были спущены шторы и сильно накурено уксусомъ. На столѣ стояло пропасть коробочекъ, пузырьковъ съ лѣкарствомъ и т. п. и сама Анна Васильевна занималась составленіемъ горчишника. Вся особа ея приняла разстроенный видъ, даже можно было подумать, что она плакала. За ширмами слышались страдальческіе вопли больного.

— Ужъ какъ онъ напугалъ меня, Оленька! сказала Анна Васильевна, увидя падчерицу: — ночью.... вообрази! зоветь меня, говоритъ: умираю!...

— Что это съ вами, папаша? спросила Ольга, подходя къ отцу.

— Я очень боленъ, Оленька, другъ мой! отвѣчалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ: — я чувствую, что мнѣ не долго жить на свѣтѣ.

— Что вы говорите, папаша! воскликнула она, поцѣловавъ его руку.

— Да такъ, мой ангелъ, что жъ дѣлать! сказалъ Павелъ Ивановичъ, тяжело переводя дыханіе: — отъ тебя зависитъ однакожь успокоить послѣдніе годы моей жизни, утѣшить мою старость. Ты умна какъ день, тебѣ ли не знать хода дѣлъ нашихъ? я старался, сколько могъ, устроить благосостояніе моего семейства; но

встрѣчалъ неимовѣрныя неудачи въ предпріятіяхъ, которыя, казалось, должны были бы обогатить насъ. Самыя стихіи были какъ будто въ заговорѣ противъ меня, вмѣстѣ съ нѣкоторыми людьми, которымъ я не мстилъ, Богъ съ ними!.... Гдѣ искать людей честныхъ, добросовѣстныхъ, распорядительныхъ? Возьмешь добраго, правдиваго человѣка — смотришь: глупъ, подъ носомъ ничего не видитъ, изъ-подъ рукъ у него крадутъ — ну и сошлешь! Другой уменъ, смысленъ, полезенъ, словомъ, лихой малый — откроется, что воръ, взяточникъ, съ негодяями заодно. Я бился, бился, все самъ вездѣ.... Въ сорокъ лѣтъ посѣдѣлъ, какъ лунь; свое воронежское имѣніе ухлопалъ... Теперь ты видишь, въ какомъ мы положеніи; кругомъ должны; я день ото дня становлюсь дряхлѣе; жена никогда не была хозяйкой — гдѣ ей справиться съ дѣлами! вы обѣ не пристроены... Хочу, покуда живъ, устроить что-нибудь, а то вы погибнете безъ меня.... Ухъ! охъ! ой! дайте скорѣй воды! опять вся кровь въ голову бросилась!

И онъ въ изнеможеніи опустилъ голову, сомкнулъ глаза и казалось пересталъ дышать. Анна Васильевна подбѣжала къ нему съ стаканомъ сахарной воды, приподняла голову рукою, напоила его; оправила подушки, на которыхъ онъ лежалъ, одернула одѣяло, обмахнула мухъ кругомъ, пощупала ноги, и найдя, что онъ не до-

вольно теплы, прикрыла ихъ своею ваточною кацавейкой. Ольга смотрѣла на эту трогательную сцену довольно холодно и не совсѣмъ понимала ее; сердце въ ней томилось предчувствіемъ, она смутно угадывала что-то.

— Ольга! продолжалъ Павелъ Ивановичъ послѣ долгаго молчанія, раскрывъ съ трудомъ глаза: — ты здѣсь, мой ангелъ! дай мнѣ руку! вотъ такъ! Мнѣ легче когда ты подлѣ меня. Дай мнѣ еще разъ взглянуть на себя, моя радость!... Богъ знаетъ! я могу вдругъ умереть, такъ что вы не успѣете оглянуться.

— Папа, что съ вами! воскликнула молодая дѣвушка съ искреннею горестью. Не пугайте меня! развѣ вы такъ серіозно больны?

— Да, это такого рода болѣзнь, что можетъ вдругъ, знаешь ли....

Ольга вскрикнула и бросилась на шею къ отцу, чувство природы пробудилось въ ней. Павелъ Ивановичъ прижалъ платокъ къ глазамъ своимъ, и началъ утѣшать встревоженную дочь свою.

— Ну, то-то, папаша, вы кажется хандрите! говорила она, прижавшись къ груди его своею хорошенькою головкой: — вы всегда были мнительны. Это пройдетъ!... Вы не такъ больны!...

— Пройдетъ, мой другъ, пройдетъ! повторилъ Павелъ Ивановичъ, какъ будто для того, чтобъ утѣшить

дочь: — Ты добра Ольга! Повѣрь, я умѣю цѣнить всѣ твои рѣдкія качества... Вѣдь и она тоже любитъ тебя! прибавилъ онъ указывая глазами на Анну Васильевну. У ней душа добрая!

Анна Васильевна нагнулась и поцѣловала падчерицу свою; но этотъ холодный поцѣлуй произвелъ довольно непріятное дѣйствіе на Ольгу, она встала и хотѣла отойти. Павелъ Ивановичъ удержалъ ее за руку, сказавши:

— Сядь вотъ тутъ, Оленька, поближе ко мнѣ!

Она сѣла въ ногахъ у него.

— Я хочу тебѣ объяснить кой-что, продолжалъ онъ: — вотъ видишь: покойница мать оставила тебѣ четыреста душъ въ Кармашовкѣ, да триста въ Тульской губерніи, которыя давали весьма плохой доходъ. Слава Богу, что мы ихъ съ рукъ сбыли!... Я съ ними бился, бился!... Увѣряю тебя, что еслибъ я не продалъ лѣса для уплаты долга, то Кармашовку непременно бы продали съ молотка, я тебѣ во всемъ этомъ отдамъ вѣрный отчетъ.

— Я ничего не пойму, папà!...

— Да, мой другъ! кабы не умерла тетка покойной твоей матери и не завѣщала бы тебѣ своихъ пяти сотъ пятидесяти душъ, такъ не знаю, что бы мы дѣлали теперь. Тутъ я завелъ суконную фабрику, она какъ насмѣхъ сгорѣла; тогда я началъ...

— Да это совсѣмъ мнѣ не интересно, папенька!

— А! поинтереснѣе? изволь! я было и забылъ.... Анна Васильевна! достань пожалуста въ бумажникъ у меня письмо. Вотъ-на, моя душенька! Прочти! это до тебя касается. Князь Сергій Николаевичъ просить твоей руки.

Ольга сильно покраснѣла и начала читать письмо.

— Ужъ вѣрно ты не откажешь такому выгодному жениху! продолжалъ Павелъ Ивановичъ, слѣдя внимательно глазами за всѣми впечатлѣніями дочери:—вѣдь онъ богатъ, его Никольское 600 душъ, золотое дно... Вообрази себѣ: домъ на горѣ, внизу рѣка.... Какой видъ!...

— Я надѣюсь, papà, что вы не будете принуждать меня, проговорила Ольга очень тихо.

— Э, полно! Ольга, подумай хорошенько!... Какой женихъ-то!... Ахъ, послѣ сама жалѣть будешь!...

— Зачѣмъ мнѣ выходить замужъ? я, папаша, останусь съ вами! отвѣчала Ольга: — пусть Лёля выходить, а я буду при васъ, я буду.... И голосъ ея задрожалъ, она закрыла лицо и заплакала.

— О, милая моя! ты не хочешь оставить отца, воскликнулъ Павелъ Ивановичъ съ умиленіемъ, крѣпко прижалъ ея головку къ груди своей и нѣжно поцѣловалъ ее нѣсколько разъ: — ну, перестань, не

плачь, моя душка! успокойся! вѣдь принуждать я тебя не стану, а жаль! право жаль!...

— Что же дѣлать, папà!...

— Ахъ, да, я и забылъ! у меня есть къ тебѣ маленькая просьба.

— Что такое, папаша, прикажите!

— Вотъ что, тамъ есть одна бумага! Анна Васильевна мой другъ! подай-ка ее сюда! она лежитъ въ столѣ, налѣво, съ краю, кажется.

— Какая бумага? спросила съ невинностію молодая дѣвушка.

— Это *довѣренность* на продажу лѣса, да еще одной пустоши, такъ, незначашей, подлѣ рѣки.

При этихъ словахъ, какъ кипяткомъ обдало сердце бѣдной Ольги; она все поняла, и руки ея, обвивавшіеся около шеи отца, опустились сами собою; она выпрямилась, тихо привстала и отошла къ окну. Анна Васильевна притворилась, будто ничего не слышитъ, она въ это время поправляла лампадку у образовъ.

— Что жъ, Анна Васильевна, я тебя прошу достать бумагу! повторилъ Павелъ Ивановичъ.

Она хладнокровно вынула изъ ящика листъ гербовой бумаги, мелко исписанной кругомъ, и подала мужу, а сама отошла къ сторонѣ, какъ совершенно постороннее лицо; чернила и перо давно уже стояли на столикѣ подлѣ кровати Павла Ивановича. Страшно грустное

чувство сдавило грудь Ольги... Есть минуты, когда легче было бы человеку, еслибы на него обрушилось цѣлое зданіе, нежели одно слово, уязвляющее сердце.. Ольга стояла безъ движенія, безъ слезъ; она долго простояла бы у окна такимъ образомъ, еслибы нѣжный голосъ отца не назвалъ ее по имени. Тогда Ольга съ благородною рѣшимостію подошла къ столу, на которомъ лежали бумаги, и обмакнувъ перо въ чернилицу, готова уже была подписать имя свое, какъ Павелъ Ивановичъ остановилъ ея руку.

— Что же ты не прочтешь, мой другъ? сказалъ онъ ей съ кротостію: — для аккуратности, это необходимо.

— Я сказала, что вѣрю вамъ, папенька, отвѣчала Ольга, и въ ту же минуту подписала свое имя, нѣсколько дрожащею рукой.

Павелъ Ивановичъ смутился, онъ принялъ озабоченный видъ и старался избѣгать взора дочери. Что же касается до Анны Васильевны, то она не сумѣла притвориться равнодушною: поспѣшно схватила со стола бумагу, свернула ее и спрятала въ бюро, которое заперла ключомъ. Во всѣхъ этихъ обыкновенныхъ движеніяхъ просвѣчивалось торжество полной удачи. Ольга отвортила голову.

— Теперь мнѣ можно уйти? спросила она, чувствуя, что силы готовы измѣнить ей.

— Изволь, душечка, поди! отвѣчалъ отецъ, только сперва поцѣлуй меня.

Ольга наклонилась, поцѣловала его руку и тихо вышла изъ комнаты.

Въ дверяхъ она столкнулась съ Еленой, лицо которой пылало негодованіемъ. Она взяла руку сестры и крѣпко сжала ее въ холодной рукѣ своей; молодыя дѣвушки молча посмотрѣли другъ на друга, и сбѣжали внизъ по лѣстницѣ.

— Ольга! бѣдная моя Ольга! воскликнула Елена, приходя въ гостиную: — ты добровольно отказалась отъ замужства, и останешься здѣсь!... О! я все поняла теперь!

— И я также! сказала грустно Ольга.

— И ты? такъ я послѣ этого не понимаю тебя, сестра! ты не рѣшаешься выходить за князя — непостижимо! Что до меня касается, то рѣшено! Нѣтъ! я не хочу этихъ нарядовъ, которые покупаются цѣною слезъ твоихъ!.... Я не хочу ничего!.... О! тысячу разъ счастливѣе тѣ дѣвушки, которыя могутъ существовать трудами рукъ своихъ; которыхъ жизнь проходитъ безукоризненно, хотя и однообразно. Что мнѣ забавы, удовольствія свѣта, когда на душѣ моей адъ! Нѣтъ! ты не долго будешь видѣть меня здѣсь! я уйду! я сдѣлаюсь актрисой! въ гувернантки я не го- жусь, но у меня есть талантъ для сцены....

— Лёля! ты очень хорошо знаешь, что это невозможно!

— Невозможно? ты думаешь? Ну такъ, Савва Филипповичъ, вы будете моимъ мужемъ! воскликнула Елена съ ироническимъ ожесточеніемъ: — Савва Филипповичъ! вы богаты! вы глупы! вы пожалуй женитесь на мнѣ, по приказанію графини!... О! съ такимъ неподобнымъ мужемъ какъ не сдѣлаться львицей! Я буду *львица*, по крайней мѣрѣ буду зла какъ львица. Да! съ какою дикою радостію я стану мстить человечеству за тебя, моя добрая Ольга. Я не говорю про себя; я можетъ-быть не была достойна лучшей участи; но ты! Боже мой! до какой степени ты несчастлива—это страшно подумать!

— Такъ видно надо было, Лёля.

И двѣ крупныя слезы, выкатившіяся изъ тайника сердца, дрожали на рѣсницахъ Ольги; въ голосъ ея было столько искренности и благородства, во всей ея позѣ столько страдальческой покорности судьбѣ, что Елена, взглянувъ на нее, почувствовала сильное состраданіе.

— Какъ мнѣ жаль тебя! произнесла она съ непритворнымъ чувствомъ... Еслибъ я надѣялась уговорить тебя выйти замужъ за князя, то бросилась бы передъ тобой на колѣни. Ахъ! вотъ кстати! Луиза, душенька,

помогите мнѣ убѣдить сестру не отказываться отъ выгодной партіи.

Но вслѣдъ за Луизой вошелъ Долицкій. Ольга, видѣвши, что нѣтъ другаго выхода изъ гостиной, кромѣ той двери, у которой стоялъ Юрій, въ отчаяніи прижалась къ креслу и закрыла лицо руками. Елена, покраснѣвши отъ внутренняго волненія, продолжала говорить, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ молодого человѣка, и смущеніемъ сестры...

— Вообразите, душенька Луиза! (Елена сблизилась съ ней и полюбила ее во время своей болѣзни.) Сестра моя, съ которой вы такъ дружны, думаетъ, что на землѣ можно прожить съ такими же понятіями, съ какими можетъ-быть живутъ на лунѣ.... Она отказывается молодому, богатому, славному человѣку, который влюбленъ въ нее, отказывается подъ тѣмъ предлогомъ, что ея сердце принадлежитъ одному изъ жителей луны, который, по свойственной этимъ людямъ задумчивости, нисколько не замѣчаетъ ея съ высоты своей планеты.... Луиза! будьте моимъ адвокатомъ! уговорите ее! васъ она скорѣе послушаетъ.

Луиза бросилась къ Ольгѣ и горячо обняла ее.

— Бѣдная! благородная Оленька! говорила она: — ты достойна всевозможнаго счастія!

— А мнѣ кажется, что земное счастіе недостойно

ея, прибавилъ Юрій, не спуская глазъ съ молодой дѣвушки.

— Пощадите меня, господа! проговорила Ольга, приподнявъ голову: — мнѣ право тяжело!

Луиза дала знакъ Юрію, чтобъ онъ оставилъ ихъ; молодой человѣкъ, скрѣпя сердце, вышелъ изъ комнаты на балконъ.

Мы уже сказали, что послѣ бала на пароходѣ, Луиза стала холодно обращаться съ Юріемъ. Кончилось тѣмъ, что они вовсе перестали видѣться. Долицкій приходилъ въ кабинетъ къ генералу, и пробывъ тамъ нѣсколько времени, уходилъ домой, не повидавшись съ Луизой.

Однажды вечеромъ она работала одна у себя и думала о бѣдной Ольгѣ, о Варварѣ Петровнѣ, отъ которой только что получила письмо, наполненное нѣжною заботливостію о сынѣ, какъ вдругъ передъ ней является Юрій Александровичъ, и не сказавъ ни слова, садится противъ нея. Луиза продолжаетъ шить, не обращая никакого вниманія на молодаго человѣка, который долго и пристально смотритъ на нее изъ-за карселя и наконецъ теряетъ всякое терпѣніе.

— Какъ мнѣ скучно! говоритъ онъ, ворочаясь въ креслѣ и вздыхая.

— Что жь дѣлать! отвѣчаетъ Луиза, не отводя глазъ

отъ работы: — всѣ умные люди скучаютъ, это должно васъ утѣшить.

— Мое сердце не можетъ жить безъ любви.

— Э! полноте фантазировать! какъ будто у васъ есть сердце!

— Луиза Львовна! вы стали невыносимо придирчивы съ тѣхъ поръ, какъ поселились въ Одессѣ.

— Юрій Александровичъ! вы сдѣлались необыкновенно любезны!

— Я васъ не узнаю, гдѣ ваша прежняя доброта?

— А я васъ узнаю, все тотъ же эгоистъ какъ и прежде.

— Знаете! я чувствую непреодолимое желаніе съ вами побороться....

— Странно! и я также!

И вотъ они начали ссориться съ истиннымъ увлеченіемъ. Наговоривъ другъ другу пропасть колкостей, истощивъ всѣ самыя горькія истины и всю накопившуюся желчь, они кончили тѣмъ, что, усѣвшись другъ подлѣ друга, высказывали, съ прежнею откровенностію, свои чувства и мысли....

Луиза была тронута положеніемъ Юрія, его грустнымъ одиночествомъ, его припадками меланхоліи.

— Я не безумно влюбленъ въ Ольгу, говорилъ онъ: — но мнѣ необходима ея дружба, и этотъ мягкій взглядъ, который проникаетъ въ тайные изгибы моего

сердца и умѣть врачевать его. Мнѣ отрадно быть съ ней, дышать воздухомъ, который ее окружаетъ.

— Такъ зачѣмъ же дѣло стало?

— Я не смѣю показаться ей на глаза.

— Можно ли это? да въ ней столько доброты и снисхожденія, развѣ вы не знаете этого? Правда, что вы порядочно компрометировали ее.

— Не вспоминайте объ этомъ, ради Бога! еслибы вы знали, какъ я раскаялся и какъ презираю себя съ тѣхъ поръ!

— А, а!

— Теперь я убѣдился, что когда не вижу ея....

— То вполнѣ несчастливы!....

— Это правда! я признаюсь вамъ, сперва я думалъ....

«...Что вольность и покой
Замѣна счастью...»

— Именно.

— Ну и наконецъ увидѣли, что замѣнить Ольгу ни что не можетъ!

Юрій сдѣлалъ утвердительный знакъ головою.

— И рѣшились снова получить ее, потомъ опять отъ нея удалиться! вѣдь вамъ нужна свобода и покой....

— Луиза Львовна, пощадите!

— Вы не стоите пощады! а мнѣ право искренно жаль мою добрую Оленьку!

— Я вамъ даю слово любить ее.

— Странное обязательство! Это только вамъ можетъ придти въ голову, *mais je vous prends au mot....*

— Хорошо. Стало-быть вы мнѣ не откажете въ одной просьбѣ?

— Говорите!

— Поѣдьте завтра къ нимъ на хуторъ.

— Вы не дитя! поѣзжайте одни!

— Одинъ я ни за что не поѣду! Меня беретъ страхъ.

— Да вы опять надѣлаете глупостей.

— Божусь вамъ, что я совершенно исправился. Нѣсколько времени, проведеннаго въ уединеніи, вдали отъ Ольги, научили меня понимать самого себя и цѣнить ее. Неужели вы сомнѣваетесь въ томъ, что я глубоко уважаю эту дѣвушку!....

— Нѣтъ, не сомнѣваюсь, но я сомнѣваюсь... Ахъ, Юрій! грустно подумать, что всѣ ваши прекрасныя качества не приносятъ ни малѣйшей пользы, ни вамъ самимъ, ни тѣмъ, которые васъ любятъ.

— Не обезкураживайте меня, именно въ тѣ минуты, когда я чувствую, что готовъ сдѣлаться самымъ порядочнымъ человѣкомъ.

— Въ такомъ случаѣ, я соглашаюсь ѣхать съ вами къ Еладинымъ, но когда же?

— Разумѣется, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; еслибы можно было, я бы поѣхалъ сейчасъ.

— Теперь одиннадцать часовъ, стало-быть мы къ нимъ пріѣдемъ ровно въ полночь. Это будетъ недурно.

— Ну, такъ завтра утромъ.... Дайте мнѣ руку! Смотрите, Луиза Львовна, не передумайте!

И вотъ такимъ образомъ они вмѣстѣ очутились на хуторѣ во время разговора, который происходилъ между сестрами. Луиза, все еще не твердо увѣренная въ намѣреніи Юрія *исправиться*, не рѣшилась передать его словъ молодой дѣвушкѣ, изъ боязни подать ей пустыя, несбыточныя надежды. Юрія выслали изъ комнаты, и онъ пошелъ одинъ на балконъ и долго стоялъ, прислонясь къ колоннѣ и мечтая, какъ вдругъ къ плечу его притронулась маленькая ручка. Онъ живо обернулся, передъ нимъ стояла Ольга съ яркимъ румянцемъ въ лицѣ, съ улыбкой, въ которой было столько же доброты, сколько и печальной покорности судьбѣ своей.

— Юрій Александровичъ! сказала она ему не совсемъ твердымъ голосомъ, но устремивъ на него свой свѣтлый взгядъ: — останемся друзьями! Я теперь лучше понимаю васъ. Буря поутихла, мысли мои пришли нѣсколько въ порядокъ, я образумилась и увидѣла всю невозможность....

— Стало-быть вы разлюбили меня? воскликнулъ онъ съ удивленіемъ, похожимъ на ужасъ.

— Нѣтъ! но я хочу быть только вашимъ другомъ.

— Развѣ вы не хотите быть моею женой?

— Нѣтъ, не хочу! потому что это будетъ не великодушно съ моей стороны....

— Ольга! вы меня убьете отказомъ! хотя я вполнѣ убѣжденъ, что недостойнъ васъ.

— О! я этого не думаю, Юрій!

— Такъ что же?

Ольга молчала, она собиралась съ духомъ, она искала словъ, чтобы высказать ему всю правду, открыть ему глаза. Это она почитала своею обязанностію; но въ ея душѣ совершалась ужасная борьба. Между тѣмъ молодой человѣкъ воспламенялся все болѣе и болѣе; казалось, самое молчаніе Ольги, въ которомъ видно было сопротивленіе воли его, усугубляло его любовь.

— Я понимаю, говорилъ онъ: — вы хотите, чтобъ я былъ наказанъ за все!

— Выслушайте меня Юрій, сказала она наконецъ твердо и спокойно:—Богъ одинъ знаетъ, какъ я люблю васъ, но....

— Ни слова больше!... Я не хочу ничего слушать! воскликнулъ Долицкій, переходя внезапно къ величайшему восторгу. — Ты любишь меня! ты моя! само небо благословляетъ нашу любовь. Не говори ничего больше, моя Ольга! И онъ съ увлеченіемъ цѣловалъ ея руки. — О! какъ мы будемъ счастливы! говорилъ

онъ: — какъ наша жизнь будетъ полна и прекрасна! Развѣ можно разлюбить такую жену, какъ моя Ольга?

Ольга не произнесла ни слова, но улыбка, съ которою она подала ему руку, выражала столько любви и преданности! Она забыла все, что за минуту передъ тѣмъ хотѣла высказать ему разсудительнаго и дѣльнаго. Юрій крѣпко, съ восторгомъ, сжалъ эту руку... Но взоръ Ольги снова отуманился и она тяжело вздохнула. Юрій съ испугомъ взглянулъ ей въ глаза; они дѣйствительно были полны слезъ, хотя она старалась улыбаться.

— Ты плачешь! воскликнулъ Юрій, мѣняясь въ лицѣ: — ужъ не раскаяваешься ли ты, что дала мнѣ слово?...

— О! нѣтъ! мнѣ пришло на мысль совсѣмъ не то.

— Что такое? говори! не терзай меня! я боюсь всего, съ нѣкоторыхъ поръ....

— Тебѣ извѣстно ли, что состояніе мое очень разстроено?... Я не такъ богата, какъ всѣ думаютъ, я даже бѣдна....

— А я-то развѣ богатъ?... Ну да объ этомъ что говорить! Богъ дастъ, съ голоду не умремъ.

Ольга оживилась, пожала ему руку, прибавивъ:

— Ну, скажи, гдѣ же мы будемъ жить, Юрій?

— Разумѣется, въ Москвѣ!.. Я не люблю Одессы.

Что мнѣ здѣсь дѣлать? Въ Москвѣ матушка живетъ: у насъ тамъ свой домъ, хорошенькій домъ. Небольшія, но уютныя, свѣтлыя комнаты, много цвѣтовъ, фортепіано. Въ сумеркахъ я буду слушать игру твою. Матушка страстно любитъ музыку. Ахъ, Ольга! какая у меня мать! одного боюсь: я буду ревновать тебя къ ней, я заранѣе знаю, что ты будешь любить ее больше чѣмъ меня.

— Это очень возможно! сказала Ольга, взглянувъ на него съ кокетливою, игривою улыбкой.

Долицкій не выдержалъ....

— Нѣтъ! нѣтъ! не вѣрю! воскликнулъ онъ, крѣпко сжимая въ объятіяхъ свою хорошенькую невѣсту.

Въ это время Луиза и Елена вышли на балконъ и въ недоумѣніи остановились на порогѣ. Молодые люди нѣсколько смѣшались. Елена хотѣла было обратить въ шутку видѣнное ею; но Луиза сказала съ чувствомъ, что никогда не смѣется надъ тѣми, которые любятъ другъ друга. Юрій взглянулъ на Луизу, взялъ руку Ольги и поцѣловалъ ее, какъ бы желая безъ словъ пояснить эту сцену.

— Не значитъ ли это, что Юрій Александровичъ женится на моей сестрѣ? спросила съ живостію Елена, подбѣгая къ нимъ.

— Разумѣется! воскликнулъ Долицкій съ увлеченіемъ.

— Я васъ уважаю, Юрій Александровичъ! сказала Луиза, протянувъ ему руку.

— А я васъ отъ души люблю, какъ брата! сказала Елена, обнявъ сперва сестру, потомъ Долицкаго: — будьте счастливы!... Вы хорошо дѣлаете, что любите другъ друга.

Луиза смотрѣла на море и плакала; сама Елена сдѣлалась задумчива и безмолвна. Долицкій не могъ оторвать глазъ отъ своей невѣсты. Молчаніе длилось.

— Однако, господа! вѣдь вы всѣ поэты! заговорила Елена, первая пришедши въ себя: — и куда не годитесь, когда дѣло дойдетъ до дѣйствительности; вы забываете, что надъ вами есть старшіе.

— Я сейчасъ иду къ Павлу Ивановичу, сказалъ Долицкій вставая.

— А знаете ли, мой другъ, что я не пущу васъ, возразила Елена, загораживая ему дорогу.

— Какъ это?

— Да такъ! вы какъ благородное дитя природы всегда повинуетесь первому влеченію сердца; это прекрасно, говоритъ Талейранъ, но рѣдко бываетъ полезно. Положитесь на меня! я вамъ все устрою.

— Ахъ! это правда! сказала Ольга: — надо слушаться Лёли; она лучше насъ съ тобой, Юрій, понимаетъ всѣ эти тонкости.

— Когда же умные люди не дѣлаютъ глупостей!

особливо когда они влюблены, сказала игриво Елена. — Юрий Александровичъ сейчасъ бы надѣлалъ страшную кутерьму, еслибы побѣжалъ къ паненькѣ. Я совѣтую молчать до тѣхъ поръ, пока не переѣдемъ съ хутора.

— Да этакъ мы пожалуй совсѣмъ не будемъ видѣться! воскликнули въ одинъ голосъ Ольга и Юрий.

— Кто же вамъ мѣшаетъ видѣться, господа? ... Дайте срокъ... Дня черезъ два, я надѣюсь, нашъ домъ отдѣлается, мы оставимъ хуторъ, а я между тѣмъ осмотрюсь и выберу кого-нибудь изъ знакомыхъ въ посредники.

— Мы ввѣряемся тебѣ, Лёля!

— Я вамъ докажу, что не даромъ помню слова Талейрана.

Елена была совершенно права. Надобно было вмѣшательство кого-нибудь изъ постороннихъ лицъ, для того чтобы нѣсколько обезпечить состояніе Ольги, которая въ чаду восторговъ была менѣе чѣмъ когда-либо способна заботиться о существенномъ.

Перебирая разные почетныя лица, Елена остановилась на Олимпіадѣ Николаевнѣ Турусовой, которая въ глазахъ ея имѣла то преимущество надъ другими, что соединяла въ своемъ характерѣ замѣчательную недалекость съ неограниченнымъ самолюбіемъ; ее всегда можно было заставить дѣйствовать по своему произ-

волу, она была не въ состояніи замѣтить прово-
лочки, на которой вертится весь механизмъ. Итакъ
рѣшили на общемъ совѣтѣ, что Долицкій поѣдетъ про-
сить Турусову о посредничествѣ.

— 310 —

XV.

Скоро Еладыны переѣхали съ хутора. Городская квартира ихъ была очень красива, прекрасно отдѣлана, но вовсе неудобна....

— Ну, дѣлать нечего! говорилъ Павелъ Ивановичъ. Зато есть гдѣ потанцовать!....

Но Еленѣ было не до танцевъ: она обдумывала важные планы; — успѣла повидаться съ Олимпіадой Николаевной, польстить ея самолюбію и переговорить съ ней обо всемъ касательно дѣлъ Ольги. «Что же мнѣ-то дѣлать! подумала она, окончивъ всѣ эти дипломатическіе переговоры съ Турусовой, неужели въ самомъ дѣлѣ рѣшиться быть женою Саввы Филипповича.»

Негодование изобразилось въ чертахъ Елены.

— Что за вздоръ! воскликнула она: — какъ смѣла графиня предлагать мнѣ этого жениха?... Впрочемъ отчего же и не посмотрѣть на Савву Филипповича поближе?... Почему не познакомиться?... Отчего не попробовать? вѣдь папенькины дѣла идутъ худо, кто

меня возьметъ безъ приданаго, кромѣ Саввы Филипповича?... За кого же мнѣ выходить? Савва Филипповичъ, говорятъ. страшно богатъ....

Елена призадумалась....

— Тѣмъ лучше, я буду совершенно независима, а сердце что скажетъ?... Сердце? какъ будто я могу еще разъ любить такъ, какъ любила Антонаки!

Лицо Елены сдѣлалось пасмурно. «Да и въ такомъ ли цвѣтущемъ положеніи теперь семейныя дѣла наши, чтобы мнѣ мечтать о любви?... Это хорошо тому, у кого много денегъ, а я можетъ-быть скоро узнаю всѣ униженія, которыя бѣдность влечетъ за собою. О! графиня говорила сущую правду!... Итакъ о чемъ же думать? вѣдь хуже не будетъ, потому что хуже моего состоянія быть ничего не можетъ....»

Елена встала и съ волненіемъ прошла нѣсколько разъ по комнатѣ.

— Ольга уѣдетъ въ Москву съ мужемъ, а я останусь утѣшать родителей, которые теперь и сами не подозреваютъ можетъ-быть, что спятъ мирнымъ сномъ надъ кратеромъ волкана, но я вижу все!

Разсуждая такимъ образомъ, Елена достала изъ портфеля листокъ почтовой бумаги. Съ графиней связываться бы не хотѣлось ей.... Это правда.... Но Елена подумала, подумала да и превозмогла свое отвращеніе къ этой женщинѣ; чего не сдѣлаетъ необходи-

мость! и Елена написала слѣдующія строки графинѣ Омской.

«Графиня! я опять къ вамъ, не удивитесь! Въ васъ
«есть магическая сила, которая на меня дѣйствуетъ
«quand même. Намъ съ вами свыше суждено встрѣ-
«чаться на одномъ и томъ же пути, такъ ужъ будемъ
«по крайней мѣрѣ поддерживать другъ друга. Устройте
«нынче partie de plaisir въ Лустдорфъ, кстати Лиза-
«вета Михайловна Суркова еще тамъ, несмотря на 16
«сентября; насъ будетъ человѣкъ шесть верхомъ,
«остальные въ шарабанъ, въ тильбюри, въ чемъ хо-
«тите, только наберите побольше народу. Препоручите
«все это Зарайскому — онъ мигомъ облетитъ весь го-
«родъ и все устроитъ. Мнѣ всегда казалось, что ему
«сродни Антонъ Антоновичъ Загорьцкій. Итакъ мы
«всѣ сегодня въ 6-мъ часу соберемся къ вамъ. Если
«есть въ Одессѣ кто-нибудь изъ ващихъ степныхъ со-
«сѣдей, то разумѣется всѣхъ надо пригласить на ка-
«валькаду. Гостепріимство есть первая добродѣтель
«Русскихъ; а мы съ вами ведемъ родъ свой чуть ли не
«отъ Рюрика.
«Итакъ до свиданія.

Вся ваша Елена.»

Записка отправлена и все устроено для кавалькады.
Анна Васильевна любитъ дочерью.

— Посмотри! говоритъ она мужу: — Лёля-то совсѣмъ ожила. Чтò значить удовольствіе, разсѣяніе...

Обѣ молодыя дѣвушки, въ черныхъ амазонкахъ, съ хлыстикомъ въ рукѣ, бросивъ послѣдній взглядъ въ зеркало, выходятъ на крыльцо, поддерживая рукою свои шлейфы; а имъ навстрѣчу Олимпіада Николаевна въ такомъ чудномъ платьѣ, что Елена невольно остановилась передъ ней и воскликнула:

— Какъ вы нарядны!

— Это старое платье! отвѣчала Олимпіада Николаевна: — я его носила всякой день въ Парижѣ прошлую осень. Чувствуетъ ли ваше сердце, Ольга Павловна, зачѣмъ я пріѣхала сегодня къ вашимъ родителямъ? прибавила, она обращаясь съ улыбкою самодовольствія къ молодой дѣвушкѣ.

Ольга покраснѣла, сжимая ей руку и изъясняя ей свою искреннюю благодарность.

Онѣ разстались. Олимпіада Николаевна пошла вверхъ.

— Какъ у меня бьется сердце! сказала Ольга, сходя съ лѣстницы: — Лёля! сумѣетъ ли она?

— Будь покойна! я тебѣ ручаюсь за успѣхъ: я ее экзаменовала.

На балконѣ у графини уже было много гостей, когда подъѣхала коляска Еладьиныхъ. Ольга прежде всѣхъ разумѣется увидѣла Долицкаго; а Елена искала гла-

зами краснощекаго степняка, изъ котораго ей обѣщали сдѣлать препорядочнаго джентельмена; но его не было на балконѣ, онъ занятъ былъ разговоромъ съ графиней Надеждою Ѳедоровной, и сидя въ глубинѣ гостиной, разсуждалъ о супружескомъ счастіи. Тяжелая мало-россійская рѣчь его была сильно приправлена многочисленными *того*.

— Ваша правда, графиня, говорилъ онъ, обдергивая жилетъ, который все какъ-то поднимался у него къ верху: — конечно имѣть жену и дѣтей оно, того, совсѣмъ не то.... Это утѣшительно, и можно сказать, того, священная обязанность каждаго человѣка, потому что, того....

— О! разумѣется! подтверждала графиня съ неподражаемою граціей: — вы такъ умно разсуждаете, Савва Филипповичъ! что право вамъ грѣхъ было бы не жениться... Впрочемъ, время еще не ушло.

— Мнѣ сорокъ четвертый годъ, графиня, я родился...

— Будто? полноте! вамъ никто не дастъ и тридцати пяти, прервала графиня: — вы такой молодецъ! недавно одна молодая дѣвушка замѣтила васъ въ театрѣ, и спросила у меня: кто это?

— А хорошенькая? спросилъ ухмыляясь Савва Филипповичъ.

— Красавица!

— Скажите, кто такая, Надежда Ѳедоровна! про-

силъ онъ, наклонясь всѣмъ корпусомъ къ ручкѣ кресла, въ которомъ утопала графиня.

— Ни за что не скажу, Савва Филипповичъ! это одна моя пріятельница.

— Бѣлокурая или брюнетка? приставаешь неотвязчивый Савва Филипповичъ.

— Ни то, ни другое, а прехорошенькая...

— А! а! въ локонахъ?

— Не знаю.

— Талія тоненькая, вотъ такая! въ рюмочку?

— Можетъ-быть....

— Такой гордый видъ! смотритъ такъ высоко, какъ царица, прибавилъ онъ, поднявъ кверху носъ: — глаза неподобные, большіе, темнаго цвѣта....

— Ахъ, Савва Филипповичъ! не вводите меня въ искушеніе, полноте! я пожалуй проговорюсь, и она будетъ на меня сердиться....

Савва Филипповичъ улыбнулся весьма значительно и сталъ разглаживать рукою свои нафабранные усы. Въ это время вошли въ комнату двѣ хорошенькія амазонки.

— Елена! Ольга! здравствуйте, друзья мои! воскликнула графиня, протягивая имъ дружески руку. Мы васъ только и ждали. А лошади?

— Давно посланы къ заставѣ.

— Ну такъ поѣдемте! Дайте только докурить пахитоску.

— Что Елизавета Михайловна? —

— Она велѣла всѣхъ просить къ себѣ на чай. Да вы сядьте хоть на минуту подлѣ меня, mesdames! Ахъ! да! рекомендую вамъ моего добраго сосѣда, сказала она, указывая имъ на вытянувшагося въ струнку Савву Филипповича.

Еладьины и Савва Филипповичъ обмѣнялись церемоннымъ поклономъ.

— Вы не повѣрите, mesdames! какой онъ добрый, продолжала графина трогательнымъ голосомъ: — У меня въ деревнѣ недавно былъ пожаръ.... Еслибы не Савва Филипповичъ, то конечно ничего бы не осталось кромѣ груды пепла; онъ какъ родной, прискакалъ туда и распорядился такъ искусно, что отстояли домъ и даже флигель.... Я этого никогда не забуду....

— Помилуйте-съ! я очень радъ! это ничего не значить! говорилъ Савва Филипповичъ, бросая косвенные взгляды на Елену, къ которой очень шла амазонка — это, того, моя обязанность, по сосѣдству....

— Но однакожь надо имѣть очень много великодушія, чтобы для сосѣдей бросаться въ огонь! замѣтила Елена, обращая на него свои «безподобные» глаза, полузакрытые длинными рѣсницами.

Савва Филипповичъ окончательно растерялся отъ этого взгляда и повторялъ машинально: «помилуйте! это ничего не значить, пустяки!»

— Я понимаю, что похвалы тягостны для вашей скромности, продолжала Елена, играя хлыстикомъ и потупивъ глаза съ неподражаемою невинностію.

Савва Филипповичъ не переставалъ улыбаться. Лицо его въ то время, какъ ему было весело, имѣло странную способность расширяться все болѣе и болѣе, такъ что наконецъ представляло разительное сходство съ фizioноміею кота, который грѣется на солнцѣ.

Графинѣ страхъ какъ хотѣлось смѣяться; она отворотилась подъ предлогомъ, что ищетъ свою сигарочницу.

— Однакожь пора ѣхать! сказала она вставая, вѣдь нынче рано смеркается.

Луиза и многіе другіе, увидѣвъ съ балкона Еладьиныхъ, осадили комнату, повторяя: «пора! пора!» Въ эту минуту подѣхалъ къ крыльцу экипажъ, вошелъ Кульпиковъ и тоже сказалъ: «пора!» Всѣ засуетились, толпа хлынула на крыльцо.

Графиня шла подъ руку съ Саввою Филипповичемъ и тихо говорила ему, сходя съ лѣстницы:

— Это Еладьины, премылыя дѣвушки! Очень хорошей фамиліи. Ихъ мать по себѣ княжна Кубырская. Вы можетъ-быть знаете — вотъ этотъ извѣстный генералъ, князь Кубырскій, который командуетъ, право не знаю чѣмъ.... это двоюродный братъ ея. Молодыя дѣвушки такъ хорошо воспитаны. Посмотрите, какъ

онѣ отличаются отъ всѣхъ дѣвушекъ здѣшняго края! совсѣмъ не тотъ тонъ, не тѣ манеры...

Савва Филипповичъ внимательно выслушивалъ эти слова, сказанныя съ таинственнымъ видомъ и одобрительно кивалъ головою.

— Посмотрите, что значитъ богатство! шепталъ въ свою очередь Шанскій Луизѣ, идучи вслѣдъ за графиней: — этотъ толстякъ, говорятъ, милліонеръ.

Луиза улыбнулась.

— Какая нынче прекрасная погода! пищала Кульпякова, подавая руку студенту и приподнявъ бережно свое кисейное платье, въ то время какъ мужъ ея оспаривалъ у князя Сергія честь вести съ лѣстницы баронесу Келлеръ.

— Это вѣрно ваша коляска, Савва Филипповичъ? сказала графиня, выходя на крыльцо.

— Моя, графиня! не угодно-ли вамъ?

— Ахъ, мнѣ очень пріятно прокатиться въ такомъ щегольскомъ экипажѣ, отвѣчала она съ самою обворожительною улыбкой: — посмотрите, *Hélène*! какія чудныя лошади!

— *C'est magnifique*! отвѣчала она, взглянувъ выразительно на Савву Филипповича.... А мнѣ позволите?

— Ахъ! помилуйте! я такъ счастливъ! отвѣчалъ

онъ, подсаживая и Елену вслѣдъ за графиней въ свою коляску, и захлопывая дверцу.

— А сами вы?

— Я ужь поѣду съ Иваномъ Григорьевичемъ.

— О! ни за что на свѣтѣ! воскликнула графиня самымъ настойчивымъ тономъ. — Нѣтъ! Вы непременно должны сѣсть напротивъ насъ; а иначе ни я, ни Елена, мы не поѣдемъ.

Вполнѣ осчастливленный, Савва Филипповичъ влѣзъ въ экипажъ не совсѣмъ ловко; онъ даже наступилъ на ногу графинѣ, но та, несмотря на жестокую боль, улыбалась съ геройскимъ терпѣніемъ. Можно было подумать, глядя на нее, что Савва Филипповичъ произвелъ сильное впечатлѣніе на ея сердце — такъ умильно она на него смотрѣла!

У коляски красовался на ворономъ конѣ Александръ Александровичъ Зарайскій, и воображалъ себя однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ этой кавалькады.

Пріѣхавъ къ концу безконечной Ришельевской улицы, амазонки сѣли на коней, въ сопровожденіи своихъ кавалеровъ. Долицкій галопировалъ подлѣ Ольги. Князь Сергій старался не смотрѣть на нихъ, развлекая себя по возможности болтовнею съ баронессою Келлеръ, которая очень охотно взяла на себя роль утѣшительницы: холодность, которую Ольга оказывала ему, не скрылась отъ глазъ наблюдательнаго общества. —

Кульпяковъ тоже рисовался на конѣ не хуже молодыхъ людей.

— Edgard! пожалуста осторожниѣ! кричала ему жена. — Я такъ боюсь, у тебя бѣшеная лошадь!

— Старому кавалеристу стыдно бояться, отвѣчалъ онъ, подѣзжая молодецки къ коляскѣ, въ которой сидѣла madame Кульпякова.

Елена держала себя чрезвычайно скромно; она по большей части ѣхала молча одна, не выпуская изъ виду экипажъ графини, которая очень искусно хвалила ее счастливому Саввѣ Филиповичу, оставшемуся съ нею tête à tête въ коляскѣ.

Елизавета Михайловна Суркова встрѣтила все общество при самомъ въѣздѣ въ колонію. Графиня и Кульпяковъ вышли изъ экипажей и пошли пѣшкомъ, вмѣстѣ съ нею, до самаго ея домика, передъ которымъ уже былъ накрытъ столъ и приготовлены фрукты; путешествіе было не дальнее; колонія очень не велика, и представляетъ видъ русской деревни; небольшіе домики выстроены во фронтъ по обѣимъ сторонамъ дороги; мало зелени, косогоръ, но за косогоромъ обширное, открытое и вѣчно бушующее море, которое примиряетъ съ безотрадностію скромнаго селенія — вотъ Лустдорфъ. Въ ожиданіи чая, любители природы разсыпались по берегу моря, стемнѣвшаго отъ набѣжавшихъ на небо тучъ. Графиня, которая была не-

большая охотница до ходьбы, усѣлась подлѣ стола вмѣстѣ съ Еленой, Саввою Филипповичемъ и хозяйкой дома. Къ нимъ присоединилась Марья Осиповна Кульпякова, которая не могла много ходить по причинѣ своихъ необыкновенно тѣсныхъ ботинокъ, да Зарайскій, который объявилъ себя поклонникомъ Елены.

Тучи сгущались все болѣе и болѣе, скоро началъ накрапывать дождь. Вошли въ комнату и размѣстились какъ могли въ тѣснотѣ сельской гостиной. Никто еще изъ этого общества не зналъ о сватовствѣ Долицкаго.

Въ тотъ вечеръ Долицкій былъ рѣшительно влюбленъ въ Ольгу; онъ видѣлъ въ ней тысячу новыхъ достоинствъ; онъ плѣнялся прелестью всѣхъ ея движеній и не сводилъ съ нея глазъ. « Когда же будетъ эта свадьба? » думалъ онъ; но вдругъ вслѣдъ за этимъ становился печаленъ и задумчивъ. Онъ самъ не могъ отдать себѣ отчета въ странныхъ видѣніяхъ, которыя носились передъ его глазами.

Ольга спросила его, о чемъ онъ задумался.

— Я не умѣю быть веселымъ когда счастливъ, отвѣчаетъ онъ, едва владѣя собою: — повѣрь! истинная любовь не предается шумному восторгу, не расточаетъ благозвучныхъ фразъ, она серьезна и тиха.

Ольга пристально посмотрѣла ему въ глаза; такая сильная любовь могла ли не быть проницательною!... Предчувствіе сжало ея сердце, она взглянула на Луизу,

которая сидѣла подлѣ нея, и Луиза показалась ей печальною.

— Луиза! отчего ты не весела, что съ тобою? спросила у ней Ольга.

— Ничего, мой другъ! отвѣчала она отрывисто и потупляя голову.

Ольга опять обратилась къ Юрію. Юрій оживляется, начинаетъ разказывать ей что-то веселое, Ольга смѣется и отгоняетъ отъ себя печальныя мысли, осаждающія безпрестанно ея воображеніе... «И къ счастію надобно привыкнуть,» думаетъ молодая дѣвушка еще подъ вліяніемъ недавно бывшаго горя.

А князь Сергій, разсѣянно выслушивая баронессу, безпрестанно взглядывалъ на Ольгу и Долицкаго. Въ это время, на противоположной сторонѣ комнаты, хозяйка дѣлала чай; графиня пріютилась очень спокойно на диванѣ и объявила, что готова такимъ образомъ ждать утренней зари.

— И всего лучше! сказала Суркова, зѣвая украдкой: — какая же необходимость ѣхать въ такую темную ночь....

— Савва Филипповичъ! какъ вы думаете? спросила графиня, обращаясь къ своему protégé, который въ нѣмомъ восторгѣ созерцалъ золотистыя кудри Елены.

Лицо его лоснилось и краснѣло еще болѣе обыкновеннаго.

— Я-съ графиня? вы мнѣ изволите говорить, кажется? спросилъ онъ, очнувшись только въ половину.

— Да, я спрашиваю весело-ли вамъ здѣсь? повторила графиня изъ-за облака дыма, вившагося около головы ея въ видѣ газоваго покрова.

— Мнѣ?... Да я просто, того, самъ не свой отъ удовольствія! отвѣчалъ онъ, подавая блюдечко мороженого Еленѣ, которая очень мило кивнула ему головкой въ знакъ благодарности.

— А вы не забыли, что завтра мои именины? спросила опять у него графиня.

— Нѣтъ, не забылъ! какъ можно! семнадцатаго сентября, Вѣры, Надежды, Любви....

— Ну такъ, Савва Филипповичъ, не забудьте же завернуть вечеркомъ къ Надеждѣ. Какое прекрасное для васъ предзнаменованіе!

— Отъ надежды недалеко до любви, прибавилъ улыбаясь счастливый Савва Филипповичъ.

— Конечно, даже очень близко.

— А что, графиня, завтра у васъ будетъ вечеръ? спросила баронесса Келлеръ, оживляясь.

— Не то чтобъ большой вечеръ, отвѣчала графиня: — я еще не совсѣмъ устроилась по пріѣздѣ съ хутора; а можетъ-быть потанцуютъ. Я надѣюсь, господа, что вы всѣ мои гости!

— О! разумѣется, отвѣчало нѣсколько голосовъ.

— Какъ жаль, что нѣтъ Капнистріоти! воскликнула баронеса Келлеръ, желая подстрекнуть самолюбіе князя Сергія: — безъ него право скучно!

Но князь Сергій не обратилъ вниманія на эти слова; за то Елена, услыша роковое имя, встала съ тѣмъ благороднымъ достоинствомъ, которое характеризовало всѣ ея движенія, и подошла къ фортепіано; руки ея пробѣжали по клавишамъ.

Кипучій водопадъ вальсовъ смѣнялся русскою пѣснью, которую серебристый голосъ Елены передавалъ съ необыкновенною прелестію; но чтобъ окончательно побѣдить сердце Саввы Филипповича, она пропѣлась мало-россійскимъ акцентомъ и увлекательнымъ чувствомъ грусти:

Віють витры, віють буйны,
Ажъ деревья гнутся —
Охъ якъ бóлитъ мое сердце,
А слезы не льются....

Де жъ ты милый, чернобрыый,
Де жъ ты, обизвыся!
Якъ я бидна тутъ горюю,
Приди, подывыся!...

Выразительность этого простаго напѣва произвела на всѣхъ какое-то электрическое дѣйствіе. Савва Филипповичъ, увлеченный восторгомъ, подскочилъ было на одной ножкѣ, разинулъ ротъ, хотѣлъ было сказать

что-то, но вмѣсто того, взглянувъ на пышную красоту растроганной дѣвушки, приросъ на мѣстѣ и совершенно растерялся.

— Неправда ли, что она хорошо поетъ? спросила у него графиня.

— Ахъ! превосходно-съ! отвѣчалъ онъ наконецъ, приходя нѣсколько въ себя. — Я слышалъ, пѣла одна барышня въ Кременчугѣ, да все не придется противъ Елены Павловны.

— Какія же пѣвицы въ Кременчугѣ! замѣтила графиня мягкимъ тономъ, не спуская съ Саввы Филипповича своего ласкательнаго взгляда.

— Да-съ конечно, оно, того....

— Не знаете ли вы, гдѣ Луиза Львовна? спросила графиня, окинувъ глазами комнату и обращаясь съ этимъ вовсе неожиданнымъ вопросомъ къ Зарайскому, случившемуся подлѣ нея на ту пору.

— Извѣстно гдѣ, отозвался Кульпяковъ, указывая глазами на дверь, которая вела въ сосѣднюю, небольшую комнатку, гдѣ усѣлась Ольга съ Луизой и Долицкимъ: — гдѣ же ей быть, коли не съ ними, съ своими друзьями?... Трогательная и непостижимая дружба!....

— Э! полно на старости лѣтъ сплетничать-то, мой другъ! прервала его жена съ необыкновеннымъ добродушіемъ.

Эта выходка такъ понравилась всѣмъ, что общій смѣхъ отвѣчалъ на наивное замѣчаніе бывшей губернаторши.

Въ это время вошелъ въ комнату Павелъ Ивановичъ, подъ руку съ Олимпіадою Николаевной, которая никакъ не хотѣла, не смотря на дурную погоду, пропустить кавалькаду. Ихъ окружило все общество.

— Какъ досадно, что мы опоздали! сказала Олимпіада Николаевна хозяйкѣ дома: — я полагала настичь этихъ дамъ на дорогѣ; но у насъ изломалось что-то въ экипажѣ и мы долго простояли на мѣстѣ; а тутъ пошелъ дождь, дорога разгрязнилась, стало смеркаться.

Елена искусно отвела отца въ сторону и пошептала ему что-то. Павелъ Ивановичъ понялъ ее съ двухъ словъ, кивнулъ головою, въ знакъ полного сочувствія, и тотчасъ же, взявъ за руку Долицкаго, подвелъ къ хозяйкѣ дома.

— Позвольте мнѣ, Елизавета Михайловна, рекомендовать вамъ жениха моей старшей дочери, сказалъ онъ растроганнымъ голосомъ.

— Какъ жениха! воскликнула безсмысленно Суркова, но скоро опомнилась и прибавила, взглянувъ съ улыбкою на Ольгу и на Долицкаго:

— Поздравляю васъ отъ души, искренно поздравляю! какъ я рада!...

Около жениха и невѣсты мгновенно составилъ кру-

жокъ; Кульпякова присѣдала, мужъ ея разсыпался въ фразахъ. Графиня увѣряла, что давно догадывалась обо всемъ. Зарайскій пробормоталъ что-то и толкнулъ локтемъ студента, который, взглянувъ искоса на князя Сергія, не могъ не улыбнуться въ свою очередь: на бѣдномъ не было лица; Савва Филипповичъ тоже улыбался, но только съ добродушіемъ.

— Стало-быть, ваша сестрица выходитъ замужъ? сказалъ онъ Еленѣ медовымъ голосомъ.

— Да, это ея женихъ.

— Вы вѣрно тоже скоро выйдете? прибавилъ онъ со вздохомъ.

— Очень вѣроятно! отвѣчала Елена, оправивъ рукою кудри съ ловкостію, которая проявлялась во всѣхъ ея движеніяхъ.

— Какъ же *все это* случилось? спросила хозяйка дома, подходя къ Еленѣ и желая доказать этимъ свое участіе, а можетъ и просто изъ любопытства.

— Это случилось очень просто, сказала Елена: — нѣсколько дней тому Юрій Александровичъ сдѣлалъ предложеніе сестрѣ моей...

— Нѣсколько дней! воскликнула Кульпякова, окинула гостей своихъ взглядомъ, въ которомъ какъ будто высказывалось: «каково? нѣсколько дней! а мы ничего не знали!»

Между тѣмъ князь Сергій приказалъ осѣдлатъ лошадь и молча отошелъ къ сторонѣ. Долицкій, взявъ руку Ольги, съ торжествомъ, ярко выразившимся на лицѣ его, проводилъ глазами князя, которому Ольга предпочла Долицкаго. Князь ускакалъ въ городъ одинъ, не простившись ни съ кѣмъ. Долицкій сдѣлался говорливъ и любезенъ. Все общество оживилось, подъ вліяніемъ его остроумной веселости. Ольга улыбалась и снова была вполнѣ счастлива; не самолюбивое волненіе заставляло биться ея сердце, но искренная, чистая любовь.

Наконецъ гости Сурковой, которая уже стала зѣвать безъ церемоніи, передъ разсвѣтомъ, начали собираться въ обратный путь.

Графиня вышла на галерею (гдѣ никого не было) вмѣстѣ съ Еленой, подавшей ей руку и сказала:

— Степное сердце совсѣмъ растаяло отъ лучей вашего взгляда, *Hélène*; поздравляю васъ!

— Очень благодарна, графиня! отвѣчала Елена нѣсколько дрожащимъ отъ волненія голосомъ: — какъ вы добры!... Убивши человѣка, вы дѣлаете ему богатые похороны. Какая оригинальная филантропія!

— Э! полноте! въ васъ еще много жизни! возразила графиня съ адскою насмѣшливостію: — я за вами примѣчала сегодня.

— А я давно уже не наблюдаю за вами, чтобъ изба-

вить себя отъ слишкомъ оскорбительныхъ для чело-
вѣчества заключеній.

— Довольно, Елена!

— Я молчу.

— А вамъ не любопытно ли знать, что дѣлаетъ
одинъ путешественникъ въ Крыму? спросила графиня
послѣ нѣкотораго молчанія.

— Нисколько, я ему совѣтую поселиться тамъ.

— Слѣдственно, вы рѣшились...

— Мнѣ все равно, графиня. *Entre le gibet et la
potence*, выборъ не затруднителенъ.

— Посмотрите, если года черезъ два вы не будете
совершенно счастливы съ Саввою Филипповичемъ; по-
вѣрьте, на такую висѣлицу найдется много охотницъ.

— Я вѣрю вамъ! всякой судить по себѣ....

— И по тому, съ кѣмъ имѣеть дѣло...

— Довольно, графиня.

— Я не скажу ни слова больше.

— О чемъ это вы такъ горячо разговариваете,
mesdames? спросила баронесса Келлеръ, выходя тоже
на галерею.

— Вообразите! отвѣчала графиня тономъ мгновенно
перешедшимъ въ самый любезный: — Елена Павловна
отказывается быть у меня завтра на вечерѣ.

Въ эту минуту на галерею вышелъ Савва Филиппо-
вичъ, Зарайскій и Кульпяковъ. Услыша послѣднія
слова графини, Савва Филипповичъ одушевился.

— Ахъ! Елена Павловна, какія вы безчеловѣчныя! воскликнулъ онъ.

— Да мы безъ васъ умремъ съ тоски! прибавилъ Зарайскій.

— Живы будете! отвѣчала Елена: — и безъ меня здѣсь столько любезныхъ дамъ.

— Ахъ! лучше васъ, кажется, никого нѣтъ! воскликнулъ Савва Филипповичъ съ восхитительною наивностію.

Елена невольно улыбнулась.

— Вотъ вы видите, *ma bonne Hélène*! всѣ на моей сторонѣ, сдавайтесь!

— Но, графиня! я право чувствую маленькую простуду, я должна беречься послѣ болѣзни, говорила молодая дѣвушка, прекрасно вошедши въ свою роль.

— До свадьбы заживетъ! сказалъ игриво Савва Филипповичъ и улыбнулся своей остротѣ.

— Ужъ если вы этого непременно хотите, проговорила Елена, скромно потупивъ глазки.

Это *вы* явно относилось къ счастливому Саввѣ Филипповичу.

— Ахъ! какія вы добрыя! воскликнулъ онъ, осмѣлившись схватить и поцѣловать ея руку.

Можно было подумать, что неожиданный поцѣлуй Саввы Филипповича крайне смутилъ Елену. Она робко прижалась къ двери и проговорила:

— Я постараюсь быть у васъ, графиня!

— Какъ вы милы! merci! воскликнула въ свою очередь восхищенная графиня, сжимая ей руку. — И васъ Савва Филипповичъ, благодарю за то, что вы уговорили ее!

— Однакожь пора помышлять и объ отъѣздѣ, сказалъ Зарайскій: — мѣсяцъ выходитъ изъ-за тучъ, посмотрите!

— Конечно, пора! подхватило нѣсколько голосовъ. — Дожда ужъ нѣтъ! прекрасная ночь!

— И скоро солнце взойдетъ!... замѣтилъ Кульпяковъ шутливо.

Всѣ стали собираться въ обратный путь, подвезли экипажи, размѣстились такъ, чтобы не было скучно никому, и двинулись наконецъ.

— Ахъ! Господи! насилу-то убрались! воскликнула хозяйка дома, проводивъ гостей до конца галлерей: — эта Омская такая полунощница, что силъ нѣтъ! готова вовсе не спать.

... ..

На другой день въ семействѣ Еладыныхъ торжественно обручили Ольгу съ Долицкимъ; но онъ долженъ былъ скоро уѣхать въ свое имѣніе, чтобы повидаться съ матерью и устроить нѣкоторыя дѣла. Разставанье было грустное, несмотря на то, что Юрій обѣщался писать Ольгѣ два раза въ недѣлю и возвра-

титься много, много черезъ мѣсяць. Рѣшившись оста-
вить службу, Долицкій подалъ въ отставку, надѣлъ
на руку обручальное кольцо, поцѣловалъ свою плачу-
щую невѣсту и уѣхалъ на сѣверъ, въ Калужскую гу-
бернію.

XVI.

Скоро убѣдившись въ несмѣтномъ богатствѣ Саввы Филипповича, Елена объявила графинѣ, что она рѣшается отдать ему «свою руку и сердце;» но съ тѣмъ только, чтобы это не стоило ей ни копѣйки, потому что Ольга выходитъ за человѣка небогатаго и ей самой нужны деньги.

— Будьте покойны.... Я дамъ вамъ на приданое; а послѣ свадьбы Савва Филипповичъ выплатитъ мнѣ тотчасъ же долгъ вашъ да еще съ благодарностію, я въ томъ не сомнѣваюсь.

— Если такъ....

— То рѣшено, не правда ли?

— Ладьте скорѣй, графиня! къ вечеру я можетъ-быть раздумаю....

— Э! полноте! вы не дитя!...

Анна Васильевна и Павелъ Ивановичъ, узнавши, что дочери ихъ предстоитъ такая «блестящая партія», чуть съ ума не сошли отъ радости, и еслибы Савва Филиппо-

вичъ былъ нѣсколько поэтичнѣе, то конечно задохнулся бы въ ихъ жаркихъ объятіяхъ; но благодаря Бога, онъ не принадлежалъ къ категоріи тщедушныхъ, блѣднолицыхъ людей нашего вѣка, вскормленныхъ опасною пищей сильныхъ ощущеній (или германскою философіею). Нѣтъ! сама судьба казалось лелѣяла въ его особѣ нѣсколько милліоновъ и берегла его какъ драгоценность на показъ невѣрующимъ въ земное счастье. И подлинно, трудно найти человѣка счастливѣе Саввы Филипповича. Всѣ смотрятъ на него съ любовію, наперерывъ угождаютъ ему, втихомолку завидуютъ, и есть чему: здоровье, богатство, спокойствіе духа невозмущаемаго никакими страстями, постоянно веселый характеръ, обширный аппетитъ, младенческая довѣрчивость къ людямъ, вѣчно удовлетворенное самолюбіе.

И наконецъ этотъ счастливецъ, которому не доставало только хорошенькой жены, благодаря стараніямъ доброй графини Омской, готовится обмѣняться обручальнымъ кольцомъ съ одною изъ замѣчательныхъ красавицъ. Надѣливъ его этимъ послѣднимъ счастьемъ, судьба украдкой улыбнулась, и улыбнулась довольно коварно; но Савва Филипповичъ не замѣтилъ этой улыбки: онъ въ это время выбиралъ шаль для своей невѣсты... Онъ накупилъ столько дорогихъ вещей, что купецъ началъ величать его превосходительствомъ.

Между тѣмъ Ольга, вся преданная своей любви и

занимавшаяся живописью въ отсутствіе жениха своего, не замѣчала, что въ домѣ происходитъ что-то необыкновенное.

— Развѣ ты не берешь участія въ судьбѣ моей? спросила однажды Елена, войдя въ комнату сестры своей. — Что жъ ты не сойдешь внизъ, посмотрѣть на Савву Филипповича?

— Что же мнѣ на него смотрѣть! отвѣчала разсѣянно Ольга.

— Какъ что смотрѣть? вѣдь онъ женихъ мой.

— Женихъ? какъ охота тебѣ шутить, Лёля!...

— Я не шучу, сейчасъ ему дали слово...

— Какъ! эта безсмысленная фizioномія? воскликнула Ольга, выронивъ изъ рукъ палитру: — Лёля! да ты съ ума сошла!...

— Эта «фizioномія» имѣетъ полмилліона дохода, вотъ смыслъ ея, и я тебя увѣряю, что въ наше время ни одна поэма Байрона не заключаетъ въ себѣ столько великихъ и прекрасныхъ мыслей, какъ эти простые слова: «полмилліона дохода!» Посмотри, Ольга, какъ всѣ улыбаются ему! какъ онъ милъ всѣмъ и любезенъ.

— Да онъ мнѣ показался просто глупъ....

— Я не знаю, глупъ ли онъ, но я знаю, что онъ счастливъ, а я не такъ глупа, чтобы предпочитать что-нибудь счастью....

— И ты надѣешься быть счастлива?

Вмѣсто отвѣта Елена разложила передъ глазами ея богатые подарки Саввы Филипповича и съ гордостію сказала :

— Это все мое!... Но это еще не что иное, какъ капля въ морѣ, въ сравненіи съ тѣмъ, что я буду имѣть. Вопервыхъ мой салонъ будетъ одинъ изъ модныхъ салоновъ, да не въ Одессѣ — фи! а въ Петербургѣ. Во вторыхъ, я увижу все, что есть интереснаго въ цѣломъ мірѣ. Изъ Европы я отправлюсь въ Америку, въ Индію. Я хочу видѣть Алжиръ, Египетъ, пирамиды, познакомиться съ Бедуинами.

— Я посмотрѣла бы, какъ ты станешь знакомить съ Бедуинами Савву Филипповича.

— Савва Филипповичъ можетъ остаться подъ мирною сѣнью отеческаго крова, и любоваться безчисленными стадами своихъ мериносовъ.

— Понимаю! ты сдѣлаешь его пастушкомъ мало-россійской Аркадіи.... Ахъ! Лёля! мнѣ все кажется, что ты меня мистифируешь...

— Право нѣтъ! пойдемъ внизъ и ты убѣдишься въ истинѣ.

— Да вѣдь ты любила Антонаки?...

— Я его разлюбила!...

— Такъ скоро?...

— Ольга, не терзай меня вопросами! Антонаки

оказался недостойнымъ любви моей.... тѣмъ болѣе, что онъ промоталъ все, что оставилъ ему отецъ....

— Я теперь начинаю понимать!...

Но Елена, не обративъ вниманія на слова сестры, живо сбѣжала съ лѣстницы и черезъ минуту явилась къ Ольгѣ, вмѣстѣ съ своимъ будущимъ «спозо», какъ она называла Савву Филипповича.

— Рекомендую тебѣ, Ольга, моего жениха! сказала она, взявъ его за руку.

Савва Филипповичъ раскланивался и улыбался.

— Позвольте мнѣ надѣяться, любезная сестрица! говорилъ онъ пріятнымъ голосомъ: — на ваше расположеніе. Что до меня касается, того, то я завсегда, ужь... у меня такой характеръ, могу васъ увѣрить, того... право, мое уваженіе къ вамъ....

Но Елена перебила его безконечную фразу.

— Да, есть такія встрѣчи! сказала она восторженно: — съ первой минуты нашего свиданія мы почувствовали другъ къ другу такую симпатію, что я, не зная еще кто онъ, сказала уже самой себѣ: Савва Филипповичъ или никто другой!...

Савва Филипповичъ съ восхищеніемъ взялъ ея руку и поцѣловалъ, продолжая раскланиваться передъ Ольгой.

— Я надѣюсь, сестрица, что вы будете у насъ какъ у себя дома!...

Ольга, повинувась необходимости, съ какою-то мелан-

холическою неловкостію протянула ему руку и сквозь зубы проговорила нѣсколько общепринятыхъ фразъ.

Этотъ холодный пріемъ нисколько не озадачилъ Елены; она начала напѣвать какой-то романсъ, и оставивъ ихъ, сошла внизъ.

— Иди же сюда, ma chère! закричала она съ лѣстницы сестрѣ, и веди съ собою моего будущего повелителя и настоящего....

— Друга, скажите лучше! отозвался Савва Филипповичъ, спускаясь съ лѣстницы и подавъ руку Ольгѣ, которая повиновалась машинально.

— Смѣю-ли я повелѣвать вами, прелестная Елена Павловна! продолжалъ онъ, настигши Лёлю: — какъ это можно? Да вы у меня просто будете, того, царица....

Они вошли въ гостиную, которая походила въ эту минуту на модную лавку. Елена граціозно бросилась въ кресла и начала разсматривать одинъ за другимъ всѣ подарки, которыя Савва Филипповичъ подавалъ ей съ улыбкою счастливаго человѣка.

— Посмотри, Ольга! какой цвѣтъ! какая мягкость! говорила она, перебирая шелковыя матеріи: — а эти кружева? вѣдь это valenciennes. А эти вещи! какая игра! я никогда не видала такихъ крупныхъ брилліантовъ!

— Это брилліанты моей покойной маменьки, отвѣчалъ Савва Филипповичъ, раскрывая коробочки. — Она была большая щеголиха! А какъ вамъ нравится этотъ опаль?

— Удивительный! какой дивный вкусъ у моего жениха! Ольга, полюбуйся, что за прелесть!... Нѣтъ, я вижу, Савва Филипповичъ, что вы необыкновенный человѣкъ, вопервыхъ потому, что выбрали меня...

— Помилуйте! это все дрянъ! отвѣчалъ онъ скороговоркой, совершенно растерявшись отъ блаженства. — То ли еще будетъ у васъ, моя безцѣнная!

— Нѣтъ! я вижу, вы умѣете *цѣнить* меня! какъ вы умны!... Это непостижимо!... Вы меня привели въ такой восторгъ, что я просто не знаю что сказать!

И Елена протянула ему руку съ улыбкой, отъ которой образовались двѣ плѣнительныя ямочки на ея щекахъ. Савва Филипповичъ едва осмѣлился прикоснуться губами до кончика пальцевъ ея, не хуже стариннаго маркиза, и примолвилъ сомлѣвши:

— Съ вами невольно поумнѣешь. Вы такія рѣзвухи! красавицы! что за ямочки! Спойте что-нибудь!

— Извольте, я вамъ спою: « кисейный рукавъ. »

— Какъ же это: кисейный рукавъ?

— Ну, слушайте!

Елена ловко вскочила съ креселъ и подойдя къ фортепіано запѣла:

Серги, камни дорогіе,
Грусть-злодѣйку не уймуть!
Ткани, ленты шелковыя
Слезъ горючихъ не утрутъ.
Подъ вѣнецъ мнѣ снаряжаться
Приказанье отдано,
Но не съ милымъ обручаться
А съ постылымъ суждено!...

Елена необыкновенно выразительно повторила послѣдній стихъ.

— Ахъ! какъ вы чувствительно поете! воскликнулъ растроганный Савва Филипповичъ.

Но Павелъ Ивановичъ отозвалъ въ сторону Елену и тихо сказалъ ей:

— Прошу не дурачиться! ты такія штуки отпускаешь, что изъ рукъ вонъ.

— Не тревожьтесь, папаша! я вамъ ручаюсь за него.... Это такая невинная, младенческая душа!...

— Ну смотри!...

Ольга печально глядѣла на эти комическія сцены, которыя повторялись едва не каждый день, и не по душѣ приходились онѣ ей. Благородное сердце Луизы тоже возмутилось при извѣстіи объ этомъ бракѣ. Ольга старалась держать себя поодаль отъ всего этого, наслаждаясь въ тишинѣ своего кабинета поэтическимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ существеннымъ блаженствомъ, которое выпадало ей на долю.

Юрій очень часто писалъ къ ней длинныя нѣжныя письма; онъ скучалъ смертельно безъ своей невѣсты.

Описать впечатлѣніе, произведенное на всѣ умы извѣстіемъ, что Елена дѣлаетъ такую богатую партію, мы не беремся. Это значило бы составить цѣлую книгу изъ междометій, выражающихъ самыя различныя движенія человѣческой души.

Одна графиня Омская оставалась спокойною, какъ постороннее лицо и попрежнему мечтала въ своихъ готическихъ креслахъ, куря пахитоску... Ей было не до Елениной свадьбы. Судите! она цѣлыя двѣ недѣли не получала писемъ отъ мужа!... Это убійственно!

— Какова ваша любимица-то, графиня! говорили ей дамы.

— Да, я всегда ожидала, что Елена будетъ играть блестящую роль въ свѣтѣ! отвѣчала она очень спокойно, но съ убѣжденіемъ.

— Скажите, какая счастливица! говорили нѣкоторые матери взрослыхъ дочерей, не считавшія нужнымъ скрывать свое глубокое уваженіе къ богатству Саввы Филипповича.

— Ахъ, маменька! что за счастье выходить за такого урода! возразила однажды дочка: — я бы ни за что не пошла за него!

— Ты потому такъ разсуждаешь, милая, отвѣчала ей мать ея: — что еще молода! начиталась Ламартина, и не понимаешь, что значитъ полмилліона доходу. Графиня! вѣдь у него пятьсотъ тысячъ доходу — не правда ли?

— Можетъ-быть и больше, а ужь никакъ не меньше отвѣчала графиня, съ приличною важностію.

— Ахъ, Господи! хотъ бы мнѣ половину этого! сказала услыша этотъ разговоръ молоденькая дѣвушка, обращаясь къ своимъ подругамъ.

— А мнѣ бы четверть! подхватила другая.

— Счастливая Лёля Еладина!

— Подъ какою планетой она родилась?

— Да это изъ рукъ вонъ! ей одной пятьсотъ тысячъ доходу! По моему мнѣнію, Савву Филипповича надо бы раздѣлить по крайней мѣрѣ на четырехъ не-вѣсть... Лизѣ, Зеничкѣ, Сонѣ и мнѣ!

Вскорѣ Павелъ Ивановичъ задалъ у себя вечеръ на славу; собрался весь городъ и веселились до утра. Балъ былъ блестящій. Елена на верху величія и славы не возгордилась, какъ какая-нибудь мѣщанка: она была очень любезна со всѣми, даже и съ Саввой Филипповичемъ, которому выразительно улыбалась, за неимѣніемъ словъ. Ольга въ тотъ вечеръ была оживленнѣе обыкновеннаго: за часъ до бала она получила письмо отъ Юрія.

Ольга была такъ счастлива, такъ хороша, во время этого бала, что князь Сергій не рѣшался подойти къ ней, а только издали смотрѣлъ на нее и восхищался.

— Какъ она хороша! сказалъ онъ Луизѣ Лоргеймъ.

— Многіе находятъ, что Елена лучше, отвѣчала Луиза.

— Удивляюсь имъ... Елена Павловна львица, у которой еще не совсѣмъ отросли когти... посмотрите, что́ это будетъ... тогда какъ Ольга... не знаю; утѣшусь ли я когда-нибудь въ потерю Ольги Павловны. Я вижу ее сегодня въ послѣдній разъ и не рѣшаюсь подойти къ ней, чтобы проститься...

— Какъ проститься? вы ѣдете?

— Ёду... на Кавказъ... куда же больше ѣхать?

— О, тамъ все забывается! Пятигорскъ нынче играетъ роль баснословной Леты.

— Не знаю, скоро ли я забуду ее! можетъ-быть никогда!

Въ время этого разговора Ольга подошла къ Луизѣ; бѣдный князь Сергій бросилъ на нее одинъ огненный, продолжительный взглядъ и молча ускользнулъ въ толпу.

— Ты ничего не сказала князю Сергію? замѣтила ей Луиза: — а онъ ѣдетъ завтра.

— Куда?

— На Кавказъ! я всегда была увѣрена, что онъ страстно любить тебя.

— Что жъ онъ не простился со мной?

— Да не рѣшился подойти къ тебѣ, Ольга. Бѣдный молодой человѣкъ!

Ольга не безъ нѣкотораго волненія стала по всѣмъ заламъ отыскивать князя Сергія, чтобы сказать ему что-нибудь ласковое на прощанье, но вмѣсто него попался ей Шанскій.

— Вы не видали князя Сергія Николаевича? спросила она.

— Видѣлъ.

— Гдѣ же онъ? мнѣ надо сказать ему нѣсколько словъ.

— Поздно.. онъ уѣхалъ! А жаль мнѣ Сережу, славный малый! надобно жъ, чтобъ на его бѣду этотъ Долицкій вскружилъ вамъ голову!

— Какъ будто вы не любите Долицкаго? замѣтила Ольга съ легкимъ упрекомъ.

— Я люблю его такимъ, какъ онъ есть; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ я бы охотно убилъ его.

— А между тѣмъ вы на дняхъ такъ горячо вступались за него, сказала Ольга, бросивъ на Шанскаго взглядъ, исполненный живой благодарности.

— Ужъ это такъ, изъ дружбы къ вамъ.

Ольга протянула ему руку; онъ поцѣловалъ ее нѣ-

сколько выше перчатки, едва доходившей до кисти, и удержавъ ея руку въ рукахъ своихъ, съ чувствомъ смотрѣлъ на Ольгу, наконецъ потрясъ головой и вздохнулъ.

— Дай Богъ, чтобъ вы были счастливы! сказалъ онъ.

— Я надѣюсь, что буду счастлива, потому что выхожу за человѣка, котораго люблю.

— А знаете ли, за что вы его любите?

— Ахъ! Боже мой! за то, конечно, что онъ стоить этого. Развѣ онъ не уменъ, не благороденъ?

— Такъ! такъ! но это все не то. Вы его любите за то, что онъ заставляетъ васъ постоянно страдать, а бѣдный князь Сергій не сумѣлъ бы измучить вашего сердца.

— Я васъ не понимаю, Иванъ Григорьевичъ!

— Положимъ, что не понимаете! Теперь скажите, что же передать отъ васъ князю Сергію; я ѣду провожать его до таможни.

— Вы меня очень обяжете, Иванъ Григорьевичъ, если не скажете ему ни слова обо мнѣ, отвѣчала она серіознымъ тономъ.

Но разговоръ этотъ былъ прерванъ появленіемъ Зарайскаго, который пригласилъ Ольгу на вальсъ.

Ольга подала ему руку и помчалась съ нимъ по паркету.

Увидѣвъ Ольгу въ кругу танцующихъ, и другіе кавалеры на перерывъ стали приглашать ее. Долго Шанскій слѣдилъ за воздушными складками ея розоваго платья, и рой грустныхъ предчувствій тѣснился въ его сердцѣ, наперекоръ веселому пиру, который былъ во всемъ разгарѣ.

Юрій каждую почту писалъ къ своей невѣстѣ; и казалось, спокойствіе духа его было нарушено только извѣстіемъ о помолвкѣ Елены. На этотъ разъ письмо его носило рѣзкій отпечатокъ неудовольствія и раздражительности.

« Я не могу представить себѣ, писалъ онъ, что
« *она* сестра моей Ольги... Нѣтъ! не зови меня на
« эту свадьбу! Ради Бога, не вздумайте вы съ Луизой
« назначить меня въ шаферы, я рѣшительно не хочу
« этого, mesdames! Лучше недѣлей позже увижусь
« съ моею милою невѣстой, чѣмъ рѣшусь присутство-
« вать при торжественномъ бракосочетаніи Саввы Фи-
« липповича съ Еленой. Вѣдь и мнѣ надо будетъ, въ
« качествѣ родственника, поздравлять, обнимать, ра-
« доваться, пить за здоровье счастливой четы... Фи!
« какъ не стыдно Еленѣ! Я воображаю, Оленька, какъ
« ты страдаешь, глядя на это. Жаль мнѣ Елену.
« Нѣтъ, не промѣняю я на ея будущія сокровища моего
« маленькаго имѣнія, которое, я надѣюсь, скоро укра-

«сится присутствіемъ милой моей Ольги, и такихъ друзей, какъ Луиза и ея мужъ.»

Между тѣмъ, въ домѣ дѣлались большія приготовленія: шили, кроили, примѣривали, выбирали тысячу вещей, необходимыхъ для обѣихъ невѣстъ. Ольгѣ дали много серебра и дорогихъ вещей; но всего болѣе восхитило ее подвѣчное платье, одинакое съ платьемъ Елены, надъ которымъ сама волшебница Томазини истощила все свое воображеніе и парижскіе запасы. Съ какимъ замираніемъ сердца глядѣла Ольга на это платье, и живо воображала ту минуту, когда передъ алтаремъ рука ея будетъ лежать въ рукѣ Юрія. Но тихо растворилась дверь, кто-то назвалъ ее по имени. Ольга обернулась и увидѣла передъ собой Луизу.

— Взгляни! сказала Ольга, указывая на свой вѣнчальный нарядъ.

Луиза какъ-то грустно посмотрѣла на платье, и не сказавъ ни слова, вынула какое-то письмо изъ кармана.

— Отъ Юрія? спросила Ольга.

— Нѣтъ... лучше!

— Ну такъ отъ Варвары Петровны?

— Угадала! прочти! что за милая женщина! и какъ она полюбила тебя, Ольга!

Ольга прочла письмо будущей своей свекрови, у

ней не разъ наворачивались слезы и билось сердце отъ полноты предстоящаго счастья.

— Когда же свадьба Елены? спросила Луиза, внезапно отвлекая ее отъ письма, на которое все еще были устремлены глаза Ольги.

— Въ будущее воскресенье. Ему необходимо быть въ Петербургѣ въ началѣ того мѣсяца.

— Слѣдственно, они уѣдутъ не дождавшись твоей свадьбы... это довольно странно.

— Что жъ дѣлать! Лѣля именно и желаетъ уѣхать не дождавшись Юрія. Вообрази! ей какъ-то попало въ руки то письмо, въ которомъ онъ такъ рѣзко высказываетъ свое негодованіе на сестру за ея выборъ. Елена съ обыкновенною своею откровенностью сказала мнѣ, что ожидаетъ всего на свѣтѣ отъ сумасброднаго Долицкаго, и во избѣжаніе непріятностей проситъ меня отпустить ее поскорѣй въ Петербургъ. Признаюсь тебѣ, Луиза, я не стала уговаривать ее, я знаю, Юрія...

— И я также. Онъ не будетъ имѣть никакого снисхожденія къ бѣдному Саввѣ Филипповичу.

XVII.

Наконецъ насталъ великій день Елениной свадьбы. Съ самаго утра весь городъ пришелъ въ волненіе, а въ восемь часовъ вечера соборная площадь покрылась экипажами и толпою народа, всегда любопытнаго и неутомимаго для подобнаго рода зрѣлищъ. Званныхъ было очень много; дамы блистали богатствомъ уборовъ, дѣвицы своими бѣлыми воздушными нарядами. Савва Филипповичъ давно былъ тутъ одѣтый по послѣдней парижской картинкѣ. Ждали невѣсту. Всѣ взоры были обращены къ дверямъ; наконецъ онѣ растворились, грянулъ хоръ; вошла Елена, ослѣпительно прелестна подъ брачнымъ вуалемъ, съ тихо-опущеннымъ взоромъ и скромною поступью. Вслѣдъ за ней хлынула толпа провожатыхъ, лицо графини Омской сіяло торжествомъ.

— Какъ она любитъ Елену! говорили нѣкоторые съ наивнымъ восхищеніемъ.

Начался обрядъ.

— Посмотри какъ мила невѣста! замѣтила въ полголоса одна дама своей дочери, которая черезъ недѣлю должна была сама вѣнчаться: — дѣвушка хорошаго тона никогда не будетъ вертѣться и глядѣть по сторонамъ; это вовсе неприлично; вотъ видишь какъ Еладина скромна!

— Какъ она хороша! сказалъ кто-то съ восторгомъ.

— Я думаю будешь хороша въ такомъ чудесномъ платьѣ! возразила очень некрасивая дѣвица Н***

— Ну ужъ платье не украсить! воля ваша! отвѣчалъ тотъ же голосъ.

Дѣвица Н*** состроила гримасу и отвернулась.

— Всѣ восхищаются невѣстой, а по мнѣ Ольга Павловна гораздо лучше, сказалъ Шанскій тихо Луизѣ, — посмотрите на нее!

— Что и говоришь! вы въ нее влюблены, признайтесь!

— Признаюсь, влюбленъ немножко! а вѣдь она не будетъ счастлива съ Долицкимъ.

— Чтò за пророчество! полноте, Иванъ Григорьевичъ! Лучше посмотрите, какъ интересенъ Зарайскій шаферомъ.

— Ну хорошъ и Савва Филипповичъ! подхватилъ Шанскій: — кто это его такъ нарядилъ?

Вотъ кончился обрядъ. Елена обвѣнчана; счастливый Савва Филипповичъ цѣлуетъ у ней ручку; всѣ поздравляютъ молодыхъ. Сколько толкотни и суматохи послѣ вѣнчанья! Свѣчи гасятъ. Полиція суетится; народъ, пользуясь безпорядкомъ, лѣзетъ впередъ, чтобъ поглазѣть на молодыхъ; лакеи пробиваются сквозь густую толпу, поднимая салоны выше головы и безцеремонно расталкивая любопытныхъ зрителей. Дамы и мужчины, въ свитѣ новобрачныхъ, свысока поглядываютъ на толпу и, какъ слѣдуетъ русскому дворянству, говорятъ между собой по-французски. Но вотъ новобрачные сѣли въ карету и помчались домой. Тамъ отецъ и мать встрѣтили ихъ и съ горячею любовью обняли дочь и зятя, — такого богатаго зятя!

— Поздравляю васъ, милая Елена! сказала ей графиня, стараясь казаться доброю женщиной.

— Я васъ поздравляю въ свою очередь! отвѣчала Елена такъ двусмысленно и ѣдко, что у бѣдной графини потемнѣло въ глазахъ.

Между тѣмъ заиграла музыка, люстры горѣли какъ жаръ, провозглашались тосты, разносилось мороженое, составлялись группы во всѣхъ направленіяхъ обширной гостиной. Елена, улучивъ свободную минуту, подошла къ Ольгѣ и взяла ее за руку.

— Ахъ, сестра! еслибы ты знала какъ мнѣ тяжело! сказала она съ грустью.

— На это была твоя добрая воля! отвѣчала Ольга довольно сухо.

— Какъ я думаю вамъ грустно, mesdames! что расстаются! сказала съ жеманною чувствительностію Марья Осиповна Кульпякова, подходя къ нимъ: — я понимаю какъ это тяжело! Замужство, это такой шагъ въ жизни! знаете ли...

Она хотѣла было распространиться объ этомъ предметѣ съ обыкновеннымъ своимъ краснорѣчіемъ; но слова ея прерваны были появленіемъ Евграфа Петровича Кульпякова, который, обхвативъ дружески не гибкій станъ Саввы Филипповича, съ улыбкой повлекъ его прямо къ новобрачной.

— Вотъ счастливецъ! воскликнулъ онъ, дружески потрепавъ по плечу нѣсколько сконфуженнаго Савву Филипповича: — право! поискать такого счастливца въ подлунномъ мірѣ!

Не знаю, какъ приняла Елена эту любезность, и чѣмъ кончится этотъ интересный разговоръ, знаю только, что Ольга оставила поспѣшно эту группу и пробралась въ отдаленную комнату, чтобъ насладиться хотя минутнымъ уединеніемъ. Тамъ пылалъ каминъ, передъ которымъ грѣлся Шанскій. Ольга сѣла въ кресло и глубоко вздохнула, утомленная продолжительной принужденностью. Шанскій посмотрѣлъ на нее, но не сказавъ ни слова, опять обернулся къ ка-

мину; не прошло и десяти минутъ такимъ образомъ, какъ передъ Ольгой очутился Савва Филипповичъ, съ добродушно-привѣтливою улыбкой.

— А я васъ ищу, сестрица! сказалъ онъ ей: — пожалуйста ручку поцѣловать! что жъ это вы удалились изъ гостиной? тамъ веселѣе...

— Мнѣ и здѣсь хорошо, отвѣчала Ольга, подавая ему руку и вслѣдъ за тѣмъ напечатлѣвая поцѣлуй на щекѣ Саввы Филипповича, по русскому обычаю, отъ котораго боялась отступить на этотъ разъ.

— Вы у камина сидите, сестрица, а здѣсь кажется и такъ жарко, продолжалъ онъ.

— Нѣтъ! мнѣ не жарко... я люблю смотрѣть на огонь.

— Конечно... у всякаго свой вкусъ. Вотъ моя Лёля, кажется, любитъ смотрѣть на снѣгъ; она такъ и торопитъ меня въ Петербургъ.

«О! невинная душа, Савва Филипповичъ! зачѣмъ такъ проговорился ты безбожно!» подумалъ Шанскій, стараясь не глядѣть на Ольгу, которая была сама не своя, какъ говорится. Всѣмъ было уже разказано, что дѣла Саввы Филипповича требуютъ его немедленнаго прибытія въ Петербургъ?

— Итакъ вы скоро насъ оставляете? спросила Ольга, почти машинально.

— На той недѣлѣ; а то пожалуй дороги испор-

тятся. Какъ жаль, что вашего жениха нѣтъ здѣсь! я было хотѣлъ просить въ шаферы. Гдѣ онъ теперь?

— Въ своей калужской деревнѣ.

— А какой молодецъ вашъ женихъ! Такой высокій, видный мужчина! фигура славная! только немного блѣденъ, видно здоровье плохое.

Ольгѣ былъ невыносимъ этотъ разговоръ; облокотясь на ручку кресла, она пристально разсматривала кружева своего платка. Шанскій ворочалъ уголья; она боялась взглянуть въ ту сторону, заранѣе воображая его насмѣшливую полуулыбку; ей становилось неловко.

— Пойдемъ же отыскивать Елену! сказала она наконецъ, взявъ руку Саввы Филиповича, который разсыпался въ похвалахъ Долицкому.

Они вмѣстѣ вошли въ гостиную.

Скоро гости начали разъѣзжаться. Сестры обнялись; Анна Васильевна приложила платокъ къ глазамъ, благословляя дочь. Павелъ Ивановичъ суетился, обнималъ зятя, цѣловалъ Елену, и давалъ между тѣмъ разныя приказанія людямъ; грустно было Ольгѣ возвратиться домой безъ Лёли, которую она никогда не переставала любить.

Послѣ свадьбы молодые, какъ водится, дѣлали визиты всѣмъ знакомымъ; потомъ пошли обѣды у поса-

женой матери, у генерала Д***, у Павла Ивановича, у молодыхъ.

Олимпиада Николаевна дала балъ для нихъ, Кульпякова что-то въ родѣ раута, однимъ словомъ, удовольствіямъ не было конца. Наконецъ все это прискучило Еленѣ, и она объявила, что мужъ ея получилъ письмо изъ Петербурга, и что ему необходимо поспѣшить туда.

Простившись съ отцомъ, съ матерью, съ Ольгой, Елена готовилась уже сѣсть въ дормезъ. На порогѣ она прослезилась и еще разъ бросилась цѣловать родителей, которые вышли провожать ее.

— Я васъ буду ждать къ себѣ весной, маменька! говорила Елена, отирая глаза.

— Я пріѣду, непременно пріѣду, душа моя! А теперь куда мнѣ! боюсь простуды!

— Конечно дѣло осеннее, немудрено и ревматизмъ схватить, замѣтилъ Савва Филипповичъ, укутываясь шарфомъ.

— Голубушка Лёля! пиши чаще, да не простудитесь на балахъ-то! повторяла растроганная мать.

— Не беспокойтесь, маменька! говорилъ Савва Филипповичъ, цѣлуя ручку у Анны Васильевны: — я буду ее беречь.

— Прощай, Лёля! Помни, что я люблю тебя! сказала Ольга сквозь слезы.

Сестры еще разъ пожали другъ другу руку и наконецъ разстались.

Анна Васильевна долго смотрѣла въ угольное окно вслѣдъ за экипажемъ, который увозилъ Лёлю, и потомъ грустно побрела въ свою комнату. Павелъ Ивановичъ, чтобъ разсѣяться, ушелъ въ клубъ. Ольгѣ стало жаль Анну Васильевну, она вошла къ ней и старалась ее успокоить. Анна Васильевна была въ страшномъ волненіи.

— Должно-быть я страшно простудилась, говорила она: — чувствую то жаръ, то ознобъ; а голова какъ свинцомъ налита.

— Маменька! я пошлю за докторомъ!

— Нѣтъ, Оленька, не надо! посмотрю до утра, что будетъ.

Въ ночь ей сдѣлалось хуже. Ольга не отходила отъ нея, употребляя всѣ такъ называемыя, домашнія средства; но видя, что они не помогаютъ больной, чѣмъ свѣтъ написала записку къ доктору.

— Какая ты добрая, Оленька! сказала ей мачиха, искренно тронутая ея заботливостію.

— Да, въ самомъ дѣлѣ это рѣдкая душа! прибавилъ Павелъ Ивановичъ, приласкавъ Ольгу.

Были минуты, когда онъ глубоко цѣнилъ прекрасныя качества своей старшей дочери.

Черезъ нѣсколько дней у Анны Васильевны от-

крылась тифозная горячка. Павелъ Ивановичъ поспѣшилъ сдѣлать консилиумъ, и самъ между тѣмъ ужасно трусилъ за себя и отчасти за дочь. Ужь одна изъ горничныхъ занемогла тою же болѣзнію.

На другой день вечеромъ Ольга только что дала лѣкарство больной, какъ дѣвушка шепнула ей: «пожалуйте, барышня, въ залу! Юрій Александровичъ пріѣхалъ!»

Тихими шагами выбралась она изъ комнаты и сбѣжала внизъ.

Какъ сердце замирало въ ней! какъ рука ея дрожала, отворяя дверь! какъ быстро она очутилась въ объятіяхъ Юрія! Послѣ первой минуты восторга, Ольга сказала ему, что Анна Васильевна очень опасно больна.

— Ахъ мой другъ, не заразись, ради Бога! воскликнулъ Юрій.

— Я вовсе не думаю объ этомъ.

— Да я-то думаю, и признаюсь страшно боюсь за тебя! Ахъ! Ольга, мой ангелъ! неужели надо будетъ отложить свадьбу?

— Непремѣнно!

— А я скакалъ какъ полоумный; я думалъ, что въ нынѣшнюю же пятницу...

— Это невозможно, мой милый!

— Невозможно! повторялъ онъ, пасмурно взглянувъ на свою невѣсту:— да знаешь ли, что скоро постъ?

— Знаю... что жь дѣлать!

— Мачиха твоя всегда все дѣлала не впопадъ и не кстати. Надо же ей были занемочь передъ самою свадьбой!

— Ребенокъ! полно дурачиться, сказала Ольга и улыбаясь приложила свои пальчики къ губамъ его.

— Не могу молчать! возразилъ онъ, покрывая поцѣлуями ея маленькую ручку. — Отложить свадьбу до января, когда я предполагалъ, что въ нынѣшнюю пятницу! Разрушить всѣ мои мечты! исковеркать все! Ну, что жь говорятъ доктора?

— Что есть надежда...

— Это значить, что она умретъ! Ахъ, Ольга, Ольга! ты не повѣришь, какъ я разстроенъ! мнѣ кажется, что я самъ занемогу...

— Пожалуйста сюда, Ольга Павловна! пиявки отвалились! сказала горничная, показываясь въ дверяхъ.

— Прощай, мой ангелъ, мой несносный Юрій!

— Ольга, Ольга! мнѣ кажется, что ты разлюбила меня!

— Прощай, прощай! Пусти меня, маменька ждетъ! Юрій съ трудомъ выпустилъ руку Ольги, которая

оставивъ его, поспѣшила въ комнату умирающей матери.

Анна Васильевна пришла въ себя и попросила священника. Передъ исповѣдью она подозвала къ себѣ падчерицу.

— Я очень..... очень виновата передъ тобой, прости мнѣ! сказала она слабымъ, прерывающимся голосомъ.

— Маменька! вы ни въ чемъ не виноваты передо мной! поспѣшила сказать Ольга. — А если когда-нибудь невзначай огорчили меня, то я вамъ отъ чистаго сердца прощаю!

— Да благословить тебя Богъ! прошептала умирающая: — позови отца.

Тогда она простилась и съ Павломъ Ивановичемъ, просила передать ей благословеніе Еленѣ, примирилась со всѣми, приобщилось св. таинъ и потомъ мало-по-малу впала въ прежнее безпамятство. Страданья ея были тяжки! Всю ночь Павелъ Ивановичъ не отходилъ отъ жены, Ольга нѣсколько разъ заставляла его молящагося на колѣняхъ передъ образомъ Спасителя. При видѣ умирающей, въ душѣ его пробудился давно умолкнувшій голосъ совѣсти, а можетъ быть и страхъ. Онъ чувствовалъ, что дряхлѣетъ, и что и его минута не далека.

Однимъ утѣшеніемъ служила ему Ольга, которая

какъ будто должна была примирить его съ небомъ чистотою души своей.

Утромъ снова шепнули Ольгѣ, что Юрій Александровичъ ожидаетъ ее въ залѣ, вмѣстѣ съ Луизой Львовою. Ольга вышла къ нимъ.

— Что, лучше ли ей? было первымъ вопросомъ Юрія.

— Нѣтъ, хуже!

Юрій тяжело вздохнулъ и опустилъ голову.

— Ахъ, Ольга! еслибы ты знала, какъ несносенъ твой женихъ, сказала Луиза: — ты вѣрно не пошла бы за него! Вообрази: вчера весь вечеръ мнѣ надоѣдалъ. Сперва сидѣлъ надувшись и молчалъ, а тамъ вскочилъ, началъ бѣгать по комнатѣ и негодовать на цѣлый міръ. Уйми его пожалуйста!

— Развѣ онъ меня слушается, Луиза?

Вошелъ Павелъ Ивановичъ, печальный, разтерзанный, и простеръ объятія молодому человѣку.

— Ахъ, любезный, Юрій Александровичъ! сказалъ онъ: — ужь какъ мы ждали васъ! А у насъ то-какое несчастье! Она очень плоха! Лёля какъ на бѣду только что уѣхала.

— Папенька! успокойтесь! говорила Ольга, ласково прижавшись къ нему: — Можетъ быть, кто знаетъ? маменька и выздоровѣетъ.

— Врядъ ли! сказалъ онъ, махнувъ рукою: — однако жъ

пойду къ ней. — Прощай, другъ, не забывай насъ! прибавилъ онъ протянувъ руку молодому человѣку: — И вы тоже, Луиза Львовна, не оставляйте моей Ольги! Бѣдняжка измучилась, истомилась!

И Павелъ Ивановичъ ушелъ, насилу передвигая ноги.

— Ахъ, Боже мой! какъ онъ вдругъ постарѣлъ! сказалъ Юрій, впавши въ раздумье. — Бѣдный старикъ! что значить сила привычки! Двадцать лѣтъ прожили вмѣстѣ...

Скоро Ольга должна была, скрѣпя сердце, оставить ихъ и идти къ мачихѣ.

Вечеромъ Долицкій опять былъ у Ольги, которая посвятила ему четверть часа времени. На другія сутки подали записку Луизѣ: «Все кончено! Ея нѣтъ на свѣтѣ!» писала Ольга, «поспѣшите ко мнѣ, добрые друзья мои!»

— Поѣдѣмте! поѣдѣмте скорѣй, Юрій Александровичъ! сказала Луиза: — она ждетъ насъ бѣдняжка!

Долицкій былъ молчаливъ и мраченъ; онъ машинально, всталъ и пошелъ вслѣдъ за Луизой.

— Будьте же благоразумны, Юрій Александровичъ! твердила ему Луиза, сходя съ лѣстницы: — вѣдь вы убиваете бѣдную Ольгу. Что за эгоисты эти мужчины!

Но Юрій не слушалъ ея увѣщаній, онъ былъ па-

смуренъ какъ осенняя ночь, и не сказалъ ни одного ласковаго слова Ольгѣ, которая, тревожно заглянувъ ему въ глаза, отошла отъ него, чтобы скрыть свои слезы; главная ея забота была на ту пору объ отцѣ, который впалъ въ глубокое уныніе, и какъ больное дитя, не отпускалъ отъ себя дочь ни на шагъ. Луиза взяла всѣ хлопоты на себя. Юрій не двигался съ мѣста.

— Мнѣ и такъ скучно! говорилъ онъ, надувши губы.

На похоронахъ можно было подумать, что онъ больше всѣхъ любилъ покойницу. Лицо его было дотога печально, что Ольга была поражена этимъ, и приписала смутному предчувствію, которое часто испытывала сама.

XVIII.

Прошло нѣсколько времени послѣ кончины Анны Васильевны; Долицкій вышелъ въ отставку и съ удовольствіемъ надѣлъ фракъ. Ольга, въ глубокомъ траурѣ, не отходила отъ отца, на котораго напалъ какой-то безотчетный страхъ. Большія комнаты затворены. Павелъ Ивановичъ не выходитъ изъ своего кабинета, докторъ велѣлъ ему беречься простуды. Онъ сидитъ, погруженный въ молчанье у камина; а Ольга и Юрій, изъ благоговѣнія къ этой горести, разговариваютъ между собой въ полголоса; они не позволяютъ себѣ ни шутокъ, ни смѣха, и часто впавши въ какое-то неопредѣленное раздумье, машинально прислушиваются къ треску каменнаго угля и молчатъ. Иногда посѣщаетъ ихъ Луиза. Павелъ Ивановичъ не велѣлъ никого принимать, кромѣ генерала и генеральши Лоргеймъ. Однообразно тянутся дни за днями. Павелъ Ивановичъ постоянно не въ духѣ, жалуется на нездоровье, на слабость глазъ, и утромъ и ве-

черомъ долго молится Богу, а въ продолженіе дня занимается духовнымъ чтеніемъ.

Юрій никогда не любилъ его, а теперь чувствуетъ даже отвращеніе къ этому человѣку. Ольга страдаетъ, но старается скрыть это отъ отца и Юрія. Юрій мало по малу приходитъ въ какое-то апатичное состояніе.

Онъ скучаетъ!

Все погибло для Ольги!

Луиза съ ужасомъ замѣчаетъ это и говоритъ Ольгѣ, что Юрію не мѣшало бы нѣсколько разсѣяться.

— Я ѣду нынче въ концертъ! сказала однажды Луиза у Еладыныхъ: — поѣдьте со мной, Юрій Александровичъ!

— Нѣтъ, не хочется! отвѣчалъ Долицкій.

Но дамы начали настаивать, и кончилось тѣмъ, что уговорили его отправиться въ концертъ слушать какого-то пріѣзжало артиста. Черезъ нѣсколько дней назначенъ былъ вечеръ у Олимпіады Николаевны. Ну, какъ Юрію не явиться къ ней послѣ того участія, которое она приняла въ его сватовствѣ? къ тому же она вызвалась быть у него посаженою матерью. Нечего дѣлать! поѣхалъ Долицкій на балъ къ Олимпіадѣ Николаевнѣ, но явился поздно, постоялъ у дверей залы, посмотрѣлъ равнодушно на танцующихъ, сказалъ словъ десять хозяйкѣ дома и уѣхалъ.

На другой день Ольга и Луиза съ восторгомъ замѣтили нѣкоторое одушевленіе въ физіономіи и рѣчахъ молодаго человѣка.

— Я самъ не понимаю, что дѣлается со мной! не разъ говорилъ онъ, оставшись на единѣ съ Луизой: — я счастливъ, а страдаю между тѣмъ. Это мертвое тѣло, эти похороны, вмѣсто ожидаемой радости, все это такъ сильно потрясло мою душу, что я не могу до сихъ поръ придти въ себя; бываютъ минуты когда я желалъ бы схватить сильнѣйшую горячку, которая бы освѣжила мнѣ голову.

Луиза грустно посмотрѣла на него и не сказала ни слова, она только подумала: «бѣдная Ольга!»

— Что, Иванъ Григорьевичъ, вы были вчера у Еладьиныхъ? разъ вскорѣ послѣ того спросила Луиза у Шанскаго, который сидѣлъ у ней въ кабинетѣ, тасуя карты и приготовляясь раскладывать наполеоновскій пасьянсъ.

— Былъ, провелъ тамъ вечеръ...

— Ну что же, что Долицкій?

— Знаете ли! отвѣчалъ онъ вынимая изъ колоды трефоваго туза, и уложивъ его въ симметрію съ червоннымъ: — вѣдь Долицкій въ прескверномъ состояніи, я за нимъ наблюдалъ все это время.

— Что вы хотите этимъ сказать? спросила тревожно Луиза.

— Да что? скверно! засадили бѣднаго малаго въ монастырь, сдѣлали изъ него трапписта, не достаетъ только чтобъ онъ взялъ заступъ и началъ рыть себѣ могилу. Я прихожу къ нимъ, комната едва освѣщена, тишина торжественная, только слышно какъ собачонка храпитъ подъ стуломъ. Павелъ Ивановичъ, посыпавъ голову пепломъ, пьетъ чай съ просвиркой и грѣетъ ноги у камина, до остальнаго ему дѣла нѣтъ. Въ двухъ шагахъ отъ него сидитъ Ольга Павловна, вся въ черномъ, волосы зачесаны вверхъ безъ всякаго кокетства; она вышиваетъ что-то и думаетъ только о томъ, чтобъ угодить отцу. При малѣйшемъ его движеніи, она тревожно поднимаетъ голову; едва охнетъ онъ, она бросается къ нему. «Ольга! подай мнѣ книгу! Ольга! сдѣлай мнѣ чаю!» Павелъ Ивановичъ нынче не можетъ выносить, чтобы предъ нимъ стоялъ слуга! Благо, дочь есть!.. А Юрій Александровичъ въ это время куритъ сигару, развалясь въ креслѣ, и развлекаетъ себя только тѣмъ, что смотритъ какъ дымъ вьется кольцомъ надъ его носомъ. Еще для него большой ресурсъ собачонка; то толкнетъ ее ногой, то наступитъ ей на хвостъ такъ, что она запищитъ на всю комнату. Все это, согласитесь, развлекаетъ его, онъ чувствуетъ по крайней мѣрѣ, что живетъ и можетъ дѣлать зло. Нѣтъ! мы мущины народъ избалованный, намъ недостаточно имѣть убѣж-

деніе, что женщина любить насъ больше жизни, мы хотимъ еще, чтобъ она насъ развеселяла, забавляла. Жаль, что уѣхалъ князь Сергій! я бы посовѣтовалъ Ольгѣ Павловнѣ пококетничать съ нимъ. Теперь, появившись она въ свѣтѣ нарядная, блестящая, съ оживленнымъ лицомъ, окруженная поклонниками, начни она танцовать, смѣяться съ ними, — о! посмотрѣлъ бы я тогда какая жизнь вспыхнула бы въ глазахъ Долицкаго! съ какимъ трепетомъ слѣдилъ бы онъ за ней глазами и сердцемъ! а она, наклонивъ граціозно головку, неслась бы по паркету, опершись на руку князя. Какъ бы Долицкій почелъ себя счастливымъ, еслибъ, оставивъ танцы, она обратилась къ нему и сказала бы нѣсколько словъ! Какъ безумный не спалъ бы онъ всю ночь, а на другой день, подходя къ дверямъ ея, почувствовалъ бы и робость и волненіе и счастье! А теперь.... при этой невозмутимой тишинѣ и однообразіи ему кажется, что ужъ онъ лѣтъ десять какъ женатъ на Ольгѣ Павловнѣ.

— Правда! правда! сказала задумчиво Луиза: — но что же послѣ этого вы называете любовью?

— Давно извѣстно, что это блажь, отвѣчалъ Шанскій, тасуя карты.

— Но что жъ изъ этого выйдетъ, скажите?

— Не знаю. Только на мѣстѣ Павла Ивановича я бы придрался къ чему-нибудь и отказалъ Долицкому.

— Ахъ! что вы!

— Да, именно! какъ бы это было хорошо! Этотъ отказъ разшевелилъ бы его сердце. Любовь расправила бы снова крылья свои, и Долицкій, весь преданный страсти, тайно посылалъ бы Ольгѣ Павловнѣ записку за запиской. Да, увѣряю васъ! Онъ каждый вечеръ прохаживался бы подъ ея окнами, а въ заключеніе непременно похитилъ бы ее. Повѣрьте, что всѣ красавицы, которыхъ держали въ башняхъ укрѣпленнаго замка, были страстно любимы. На бѣду еще теперь и погода скверная! То вѣтеръ такой, что ломаетъ мачты кораблей, то дождь и грязь... все надо сидѣть дома, какъ въ клѣткѣ. Я замѣчалъ не разъ, что природа сильно дѣйствуетъ на душу Долицкаго. Въ лѣтній вечеръ, подъ открытымъ небомъ, когда благоухаютъ цвѣты, море живописно волнуется, берегъ зеленѣетъ... О! я увѣренъ, что онъ попрежнему бы влюбился въ нее...

— Ахъ, Иванъ Григорьевичъ! мнѣ страшно слушать васъ! Вы какъ будто намекаете, что онъ не любить Ольги.

— Этого я не думаю! Но все-таки жаль, что эти похороны навѣяли какую-то суевѣрную тоску на его душу. Чтò вы хотите? Люди съ пылкимъ воображеніемъ и мечтательною физіономіей всегда были и будутъ переменчивы.

— Однако онъ постоянно и долго любилъ одну женщину.

— Вѣрно, она была большая кокетка, или онъ не могъ на ней жениться.

— И то и другое... вы угадали!

— Мнѣ всегда казалось, что Долицкій не созданъ для тихаго семейнаго счастія; а вотъ Сережа былъ бы славный мужъ для Ольги Павловны.

— Да, Ольга не любила его.

— Ахъ, Боже мой! все-то въ этомъ мірѣ идетъ наыворотъ! воскликнулъ Шанскій, энергически бросивъ на столъ колоду картъ, и схватившись за картузъ. — Прощайте, Луиза Львовна!

— Что съ вами? куда вы?

— Да что! съ нѣкоторыхъ поръ, на что ни поглядишь все грустно! Чѣмъ больше живешь, тѣмъ болѣе убѣждаешься, что вовсе ненужно было бы родиться. Я сдѣлалъ только одно умное дѣло въ жизни, не женился... и тѣмъ себя утѣшаю.

Съ этимъ словомъ Шанскій ушелъ, не взирая на всѣ усилія Луизы удержать его. По выходѣ Шанскаго Луиза крѣпко задумалась; она знала, что онъ не любитъ бросать словъ на вѣтеръ; она предчувствовала, что Ольгѣ предстоитъ новое горе.

— Сегодня балъ въ биржѣ, сказала между про-

чимъ Луиза, захавъ навѣститъ Павла Ивановича : — не будете ли тамъ, Юрій Александровичъ?

— Нѣтъ, что мнѣ тамъ дѣлать? И у Олимпіады Николаевны я смертельно скучалъ, но тамъ я былъ по обязанности.

— Послушайте, поѣзжайте нынче! стала убѣждать Луиза : — это первый балъ въ биржѣ.

— Да, Юрій, поѣзжай! прибавила Ольга : — ты мнѣ привезешь извѣстіе о томъ, что дѣлается въ свѣтѣ.

Его такъ убѣдительно просили, что наконецъ онъ согласился.

Балъ ужъ давно начался, когда вошелъ въ залу Долицкій и равнодушно пробирался между группами танцующихъ. На срединѣ онъ повстрѣчался съ Зарайскимъ, который былъ внѣ себя отъ какого-то восторга.

— Ты не видалъ ея? спросилъ онъ у Долицкаго, значительно взмахивая головою.

— Да кого, братецъ?

— Ахъ, Боже мой! Долицкій! ты какъ будто сейчасъ пріѣхалъ съ Алеутскихъ острововъ! Не знаешь, что весь городъ толкуетъ о какой-то таинственной женщинѣ, которая, говорятъ, прелестна какъ Венера Медицейская, Испанка или Мексиканка.... не знаю навѣрное! говоритъ на всѣхъ языкахъ, какъ на сво-

емъ собственномъ; поетъ такъ, что вся Одесса проводитъ ночи подъ окнами Петербургской гостинницы; танцуетъ какъ... не знаю кто... особенно болеро. Съ ней цѣлый штатъ. Слухъ идетъ, что она была любовницей перваго богача въ Лондонѣ, который устилалъ турецкими шаями ея лѣстницу. Наконецъ, соскучившись самою роскошью, она пустилась путешествовать, и теперь изъ Константинополя пріѣхала въ Одессу. Ее ждутъ сегодня сюда, самъ Василій Ѳеодоровичъ ѣздилъ приглашать ее; она отвѣчала: «Увижу!» Я воображаю, какъ она это сказала! Испанка, долго жившая въ Лондонѣ... это значитъ дивное сочетаніе природы съ искусствомъ... да это... чортъ возьми! вскружить голову хотъ кому. Наши старики, князь Михайло и прочіе, которые ужъ ѣздили къ ней на поклонъ, просто безъ ума отъ нея.

— Ну, для этого ей не нужно было употреблять много кокетства, возразилъ съ легкою улыбкою Долицкій, который не зналъ, какъ отвязаться отъ болтовни моднаго франта и нисколько не интересовался «Испанкой, пріѣхавшею изъ Константинополя».

Зарайскій видя, что не произвелъ никакого впечатлѣнія на воображеніе Долицкаго, оставилъ его руку и бросился къ дверямъ. Долицкій между тѣмъ пріютился въ сторонѣ и машинально смотрѣлъ на танцы.

Однако Зарайскій, успѣвшій уже встрѣтить «Испанку»

при самомъ входѣ въ залу, снова отыскалъ Долицкаго.

— Помилуй, Долицкій! сказалъ онъ, овладѣвъ его рукою: — что ты забился въ уголъ въ то время, какъ тамъ... Ну чудо... признаюсь!... Говорятъ, она всю зиму проведетъ здѣсь и будетъ давать балы. Вообрази: скромна, робка... какъ будто всѣхъ боится. А какъ вскинетъ глаза, да скажетъ слова два, три... такъ кругомъ нея толпа и забушуетъ, какъ море! Электричество да и только! Надо видѣть эту женщину, чтобы повѣрить всему этому.

Долицкій не могъ не улыбнуться восторженнымъ словамъ Зарайскаго, который въ попыхахъ не замѣтилъ этой улыбки, а взявши его подъ руку, все тащилъ впередъ; Юрій повиновался какъ человѣкъ, которому все равно, остаться на мѣстѣ, или идти дальше. Вотъ они подошли наконецъ къ тому уголку залы, который можно назвать сборнымъ мѣстомъ одесской аристократіи, и Юрію издали мелькнула головка въ фантастическомъ уборѣ: что-то знакомое, какъ сонъ, какъ видѣніе... Онъ выдернулъ свою руку изъ-подъ руки Зарайскаго и сдѣлалъ шагъ впередъ; головка отвернулась; но онъ видѣлъ ея плеча, выгибъ шеи, руку, которую она приподняла, чтобъ оправить волосы, эти роскошные дивные волосы до невозможности черные. Все это поражало его непостижимымъ

сходствомъ. Какъ заколдованный смотрѣлъ онъ на эту женщину и не вѣрилъ глазамъ своимъ, кровь застывала въ жилахъ его, онъ блѣднѣлъ. Она сдѣлала движеніе, обернулася лицомъ. Какъ безумный, Юрій бросился впередъ; но густая толпа не пропускала его далѣе; онъ встрѣтился съ нею глазами, они узнали другъ друга!

«Это она!» чуть не вскрикнулъ Долицкій, пораженный паническимъ страхомъ.

Но подойти къ ней, заговорить съ нею при всей этой толпѣ было выше силъ его. Съ усиліемъ оторвавшись отъ обаятельнаго взгляда, онъ вышелъ изъ залы, и какъ сумасшедшій побѣжалъ, самъ не зная куда. Сколько бурныхъ чувствъ возникло въ душѣ его! Нѣтъ сомнѣнія! Это она, это его Женни, которую онъ такъ любилъ, для которой принесъ столько жертвъ и которую наконецъ считалъ умершею! Это она!... Съ ней вмѣстѣ воскресла для него молодость и поэзія! Онъ чувствуетъ, что жизнь съ новою силою кипитъ въ груди его! Одна она умѣетъ дать ему счастье!... Но зачѣмъ эти наряды? Откуда взялись они? Неужели въ самомъ дѣлѣ Женни пала такъ низко! Эта мысль сводитъ его съ ума! Весь преданный ей, онъ не помнитъ ничего болѣе, идетъ все дальше и дальше. Передъ глазами его, какъ будто изъ земли, выросло огромное зданіе Петербургской

гостиницы. Онъ остановился и осматривается кругомъ. Страшный вѣтеръ дуетъ со стороны моря, на площади темнота; бульваръ пустехонекъ; но у входа въ гостиницу ярко горитъ фонарь. — «Я хочу ее видѣть!» повторяетъ онъ и сторожитъ, завернувшись въ шинель, не подъѣдетъ ли карета. Не долго ждалъ онъ, прислонясь къ стѣнѣ, забывши все въ мірѣ, кромѣ Женни. По мостовой загремѣли колеса, и маленькая двумѣстная карета подкатилась къ крыльцу. Почти въ одно и то же время Долицкій и молодая женщина взошли въ сѣни.

— Юрій! вскричала она, останавливаясь противъ него.

— Женни! сказалъ онъ крѣпко сжавши ей руку: — не ужели это не тѣнь моей Женни!

— Пойдемте! тихо произнесла она, вбѣгая на лѣстницу.

Юрій послѣдовалъ за ней.

И вотъ она опять передъ нимъ, эта женщина, измѣна которой едва не стоила ему жизни; опять она глядитъ ему въ глаза, и грустно, грустно вздохнувши, опускаетъ головку на взволнованную грудь свою; сильно бьется сердце ея подъ бальнымъ нарядомъ, слезы блеснули на ея дрожащихъ рѣсницахъ.

— Я не должна бы любить тебя, Юрій! произнесла она глубоко-растроганнымъ голосомъ, который такъ

сладостно отозвался въ его сердцѣ: — ты меня оставилъ, но я тебѣ все простила!

О! кто не знаетъ, какое могучее орудіе женскія слезы! и сколько людей погубили душу свою для того, чтобъ утѣшить красавицу, которая готова измѣнить имъ! Одинъ ли Антоній потерялъ славу и власть изъ-за робкой слезы, которую увидѣлъ въ глазахъ Клеопатры? Кто изъ насъ не сознается, не взирая на положительность, которою хвастаетъ наше поколѣніе, что хоть разъ въ жизни, хоть на одну минуту онъ чувствовалъ себя готовымъ на все, чтобы превратить эти слезы въ улыбку?

Юрій не имѣлъ ни словъ, ни силы обвинять Женни: она плакала!

— Еслибъ ты зналъ, какъ я страдала безъ тебя, мой Юрій! тихо и съ грустью произнесла она. — Скажи мнѣ по крайней мѣрѣ, послѣ столькихъ лѣтъ разлуки, счастливъ ли ты?

— Нѣтъ! отвѣчалъ онъ.

— Нѣтъ? вскрикнула Женни, и въ одно мгновеніе прильнула къ груди его: — ты несчастливъ! говорила она страстнымъ голосомъ: — теперь пришла моя очередь укрывать тебя отъ житейскихъ бурь со всею заботливостью истинной любви. Я уже не та осьмнадцатилѣтняя женщина, которая, оставшись одна между небомъ и землей, не имѣла ни друзей, ни опоры, ни

денегъ, ни понятія о жизни. Тогда ты сжалился надо мной; ты полюбилъ меня, и великодушно заботился обо мнѣ. О, я не забыла твоихъ попеченій! Теперь я богата, и уже стала на ту точку независимости, съ которой смѣло смотришь на жизнь. Получивши наследство отъ дяди, я много путешествовала, узнала свѣтъ и людей, испытала многое, но сердца такого какъ твое я нигдѣ не находила. Я вся твоя! Ты несчастливъ! Боже мой! Нѣтъ, со мной ты опять оживешь и будешь благословлять свою судьбу. Съ какою нѣжностью я буду слѣдить за каждымъ твоимъ впечатлѣніемъ! Съ какою заботливостью буду разгонять всѣ тучи! О! я сумѣю устлатъ цвѣтами безцвѣтную жизнь твою! Мы окружимъ себя музыкой, независимостью, природой... я знаю, не для свѣта создана душа твоя, а для любви, для такой любви, какъ моя!

— Но ты измѣнила мнѣ! сказалъ Долицкій не твердо.

— Никогда и ни для кого! Тебѣ одному я назначена была судьбою, тебя одного я любила; нарушить святыню нашихъ клятвъ, значило бы отказаться отъ всего, что возвышаетъ человѣка; меня оклеветали въ глазахъ твоихъ, Юрій! Однимъ презрѣніемъ отвѣчала я на преслѣдованья Поля...

Говоря это, какъ бы утомленная душевнымъ волненіемъ, она прилегла на диванъ, и приклонивъ головку

на обнаженную руку, не сводила съ Долицкаго своего взора, отуманеннаго грустью. Розовое платье живописно обрисовывало станъ ея; гирлянда цвѣтовъ, обвивъ косу, роскошными вѣтками спускалась на шею; столько прелести было въ ея мечтательной позѣ!

Юрій восторженно глядѣлъ на нее. Въ эту минуту онъ показался Женни также хорошъ и увлекателенъ, какъ прежде, и ей блеснула мысль снова овладѣть имъ. Кто способенъ опредѣлить всѣ фантазіи женщинъ! Этой страстной натурѣ, сверхъ роскоши и нарядовъ, нужна еще была испытанная преданность и безкорыстная любовь. Она знала, что такое Долицкій, знала какъ слѣпа и покорна была любовь его.

— Ахъ, Юрій! сказала она, граціозно закинувъ руку свою около его шеи: — какъ я страдала безъ тебя! Въ одно утро мнѣ приносятъ извѣстіе, что умеръ дядя мой въ Варшавѣ, и я—единственная его наслѣдница. Какая печаль легла на мою душу, когда я сказала себѣ: гдѣ же онъ, мой Юрій? зачѣмъ не могу я раздѣлить этого богатства съ этимъ незамѣнимымъ другомъ, который для меня переносилъ все... даже самые недостатки и лишенья. О! будь увѣренъ, что я помню прошлое! Но теперь какъ счастлива я что встрѣтилась здѣсь съ тобой! Моя любовь, моя жизнь, все принадлежитъ тебѣ. О! теперь ничто не разлучить насъ!

— Нѣтъ! нѣтъ! пусти меня, Женни! мы не должны любить другъ друга! Я далъ слово другой... Я же нюсь!

— Ты женишься! воскликнула Женни, судорожно отталкивая его отъ себя: — о Боже мой!

Она упала на диванъ и закрылась руками.

— Оставь меня! тихо проговорила она послѣ долгаго, мучительнаго молчанія; — намъ не должно было бы видѣться.

— Прощай! сказалъ Юрій, и еще разъ взглянулъ на нее.

Женни не раскрывала глазъ и казалось впала въ состояніе тяжкаго безчувствія. Долго сдержанный глухой вздохъ вырвался изъ груди Юрія, но онъ превозмогъ себя и вышелъ быстрыми шагами изъ комнаты.

Прошло двое сутокъ, въ продолженіе которыхъ онъ не выходилъ изъ своей комнаты и отвѣчалъ на записку Луизы, что онъ боленъ и потому не можетъ быть у Еладыныхъ. На третью, въ сумеркахъ, завернувшись въ шинель, онъ торопливо сошелъ съ лѣстницы и черезъ нѣсколько минутъ очутился у дверей Женни Гольдесъ.

Мучительное ожиданіе Ольги перешло наконецъ въ какое-то нервическое страданіе: она содрогалась при малѣйшемъ стукѣ, она тревожно прислушивалась къ каждому слову и со слезами говорила Луизѣ:

— Ты видишь! предчувствія начинаютъ сбываться: онъ занемогъ!

— Помилуй! что за важность, маленькое нездоровье? Кто жь не бываетъ боленъ? отвѣчала Луиза, стараясь казаться спокойною.

— Нѣтъ! тутъ что-нибудь да кроется. Это не простое нездоровье; онъ могъ бы написать мнѣ хоть два слова. Такое равнодушіе меня пугаетъ...

— Развѣ ты не знаешь, какой онъ мнительный въ болѣзни, какой онъ чудакъ? ему просто лѣнь писать, да и только...

— Ахъ нѣтъ, нѣтъ, Луиза!

— Ну послушай, душа моя! если Юрій не явится сюда завтра, то я упрошу мужа съѣздить къ нему; довольна ли ты?

Ольга пожала ей руку и бросила на нее взглядъ полный благодарности.

Но такъ какъ на другой день Долицкаго не видали у Еладыныхъ, то Лоргеймъ, встревоженный этимъ нездоровьемъ, отправился къ нему, но нашелъ квартиру Долицкаго запертою; на дворѣ ему сказалъ кто-то, что его ужь часа два какъ нѣтъ дома, и человека своего онъ услалъ куда-то. Генераль пожалъ плечами и возвратился домой крайне не въ духѣ.

— Боже мой! что же это значитъ? подумала съ беспокойствомъ Луиза.

Надо было еще цѣлый день обманывать Ольгу. Что сказать ей?

Павель Ивановичъ тоже тревожился и хотѣлъ, не смотря на свой ревматизмъ, самъ ѣхать къ Долицкому. Ольга всю ночь провела безъ сна; а на слѣдующій день не было никакого извѣстія ни отъ Долицкаго, ни отъ Луизы. Ольга, которую всеминутно осаждали самыя мрачныя мысли, сказала отцу, что хочетъ сама ѣхать къ Луизѣ. Павель Ивановичъ согласился на это.

Вотъ Ольга поспѣшно проходитъ рядъ не освѣщенныхъ комнатъ, нигдѣ никого нѣтъ! Завидя издали огонь въ кабинетѣ, она спѣшитъ прямо туда. Генераль сидитъ, опершись рукою на столъ; передъ нимъ развернуто какое-то письмо, но онъ такъ задумался, что не замѣчаетъ подходящей къ нему молодой дѣвушки; а Луиза, прижавшись головой къ мраморному камину и закрывъ лицо платкомъ, горько плачетъ.

— Что съ вами, друзья мои? спросила Ольга звонко дрожащимъ голосомъ.

Генераль быстрымъ движеніемъ скомкалъ въ рукѣ письмо и всталъ.

— Что это за письмо? покажите мнѣ, Францъ Ѳеодоровичъ! сказала Ольга, какъ будто внезапно озаренная свѣтомъ.

— Это вовсе не касается до васъ! сказалъ генераль, дурно скрывая ложь.

Но Луиза подняла голову, отерла слезы, подошла къ Ольгѣ и взяла ее за руку.

— Другъ мой! собери всѣ силы души своей! сказала она, проникаясь глубокимъ чувствомъ состраданія и христіанской любви: — тебѣ предстоитъ вынести большое горе. На то воля Бога! и Богъ пошлетъ тебѣ силу; молись! ты христіанка! Францъ! напрасно обманывать ее! Я знаю сильную, высокую душу моей Ольги.

— Дайте мнѣ это письмо! сказала несчастная дѣвушка, уже съ большею твердостью нежели прежде.

Генераль молча подалъ ей письмо; но въ этомъ движеніи высказывалось столько участія къ судьбѣ ея и столько сожалѣнія, что Луиза снова закрылась платкомъ, и не могла болѣе скрывать своего волненія и своихъ слезъ.

Ольга прочла эти роковыя строки. Юрій писалъ Лоргейму: «Милосердіе и прощеніе человѣку, который вполнѣ сознаетъ себя безумнымъ! Когда вы получите эти строки, меня не будетъ въ Одессѣ. Скажите Ольгѣ, утѣшьте ее, если можно, я никогда не возвращусь. Пусть она пошлетъ мнѣ свое прощеніе, какъ умирающему. И вы и Луиза не проклиняйте меня! Я чувствую, что стремлюсь къ

«своей гибели, но я невластенъ остановиться. По-
жалѣйте обо мнѣ! если не обо мнѣ, такъ о матери
моей!

Ю. Долицкій.»

Ольга прочла до конца и упала безъ чувствъ въ объятія Луизы. Долго не приходила она въ себя; какой-то бредъ овладѣлъ ея воображеніемъ; она раскрыла глаза, но не узнавала окружавшихъ ее. Потомъ опомнилась и начала рыдать.

Видъ этой горести раздиралъ душу.

— Я не отпущу ее отъ себя, сказала Луиза мужу, — какъ ты хочешь, мой другъ! Дома она сойдетъ съ ума.

Дали знать Павлу Ивановичу, чтобъ онъ пріѣхалъ.

Его сильно огорчило несчастіе дочери. Онъ обнялъ ее, и глаза его наполнились слезами.

XIX.

Какъ скоро здоровье Павла Ивановича нѣсколько поправилось, онъ уѣхалъ по дѣламъ своимъ въ имѣніе, а Ольгу оставилъ у доброй Луизы Лоргеймъ.

Пользуясь правомъ траура, Ольга жила въ глубокомъ уединеніи, благодаря заботливой дружбѣ, которая доставляла ей всевозможное спокойствіе. Безъ этого условія, Ольга не вынесла бы горя, дѣйствовавшаго такъ разрушительно на ея душу. Музыку, живопись, чтеніе, она оставила все! Въ ея комнатѣ есть большое кресло, подлѣ него столикъ, на которомъ лежитъ Евангеліе; Ольга проводитъ тутъ цѣлые дни; только тихая молитва до могильное безмолвіе пришлись по душѣ ей. Мало-по-малу сердце ея примиряется съ мыслию о прощеніи и уста въ молитвѣ произносятъ имя *его*.

Луиза часто бываетъ съ ней; но бесѣда ихъ не имѣетъ прежней живости. Ни одна изъ нихъ не говоритъ о Юріи. Иногда прибѣгаетъ малютка Адель

съ своими игрушками, но видъ этой дѣтской веселости наводитъ грусть на душу Ольги.

Наконецъ Ольга попробовала взяться за свои прежнія занятія. Но первый аккордъ музыки, первая черта карандаша, проведенная ея рукою, бросили неимоверную грусть въ ея разбитое сердце. Какая пустыня кругомъ ея! Какъ мраченъ безотрадный путь, который разстилается передъ ея глазами! Нѣтъ ни одной розы на этомъ пути! Гдѣ поэзія, наполнявшая ея душу? Гдѣ свѣтлыя мысли? Гдѣ заманчивая прелесть искусствъ? Все умерло, все поглощено несчастьемъ, которое обрушилось на ея голову, какъ снѣговая глыба, и застывшее сердце ея уже не принимаетъ никакихъ поэтическихъ впечатлѣній. Она съ тоской оттолкнула отъ себя палитру и глухое стенаніе вырвалось изъ ея груди. Кромѣ своего горя, Ольга безчувственна ко всему.

Антоняки Капнистріоти опять появился у графини Омской; но куда дѣлась его прежняя любезность? Онъ мраченъ, онъ боленъ; онъ вовсе не угождаетъ графинѣ. Луиза попрежнему является въ свѣтъ, но не обращаетъ никакого вниманія на свѣтъ. Никто не знаетъ, что свадьба Ольги положительно расторгнута. Лоргеймъ умѣлъ дать благовидный предлогъ отсутствію Долицкаго; необходимая поѣздка Павла Ивановича въ орловское имѣніе, недавняя кончина

Анны Васильевны, трауръ Ольги все это вмѣстѣ придавало нѣкоторое правдоподобіе исторіи, которая была вымышлена Луизой и ея мужемъ.

Разумѣется, никто не вѣрилъ этой исторіи, каждый толковалъ по своему.

Передавать ли всѣ толки, всѣ догадки, всѣ басни, ходившія по городу по поводу несожѣвшагося брака Ольги? Говорить ли о двусмысленныхъ улыбкахъ и взглядахъ Кульпяковой? о дерзкихъ каламбурахъ мужа ея? о пустоцвѣтныхъ фразахъ Олимпіады Николаевны? Распространяться ли о догадкахъ и разысканіяхъ Зарайскаго, сильно желавшаго угодить графинѣ Омской блестящимъ открытіемъ истины?

Нѣтъ! лучше скажу, что Антонаки получилъ порядочное наслѣдство отъ какого-то дальняго родственника, и собирается ѣхать за границу. Въ самомъ тайномъ уголкѣ его портфеля хранится небольшое письмецо, написанное прекрасною женскою рукою и оканчивающееся слѣдующими словами: «Надѣюсь, что мы увидимся въ Парижѣ!»

Но вотъ настали теплые дни; все вострепелось въ природѣ, почуявъ весну; опять засуетились люди на пристани, опять запестрѣли разноцвѣтные флаги на мачтахъ; опять распустилась бѣлая акація. Роскошна и приманчива первая зелень на югѣ.

Недаромъ сравниваютъ поэты весну съ улыбкой

младенца. Вездѣ жизнь, повсюду радость! Все обновилось, кромѣ сердца Ольги, которое еще болѣе тоскуетъ при яркомъ солнцѣ, при видѣ возрождающейся природы.

— Посмотри, какая прелесть! сказала Луиза, вошедши къ ней съ вѣткой акаціи: — она уже начинаетъ цвѣсти!

Ольга взяла душистый цвѣтокъ изъ рукъ Луизы и съ любовью посмотрѣла на него; глаза ея оживились.

— Ахъ, Луиза! какъ это напоминаетъ мнѣ прошлое! сказала она: — да, ровно годъ тому, Юрій далъ мнѣ такую же вѣтку акаціи, чтобы развлечь мою грусть. Это былъ первый нашъ душевный разговоръ. О, какъ все измѣнилось съ тѣхъ поръ!

Ольга уговорила Луизу съѣздить на тотъ хуторъ, гдѣ они жили прошлаго года, обѣщая ей быть какъ можно благоразумнѣе. Луиза согласилась. «Пусть Ольга поплачетъ!» думала она: «чѣмъ живѣе горестъ, тѣмъ скорѣе она проходитъ: молчаливая печаль опаснѣе для сердца.»

Онѣ отправились на хуторъ. Все такъ же шумитъ волна, разбиваясь о камень, все такъ же навѣсилились надъ скамьей густыя вѣтви бѣлой акаціи. Все благоухаетъ и цвѣтетъ. Вотъ извилистая тропинка, которая ведетъ къ самому берегу; вдали бѣлѣются

стѣны монастыря; а здѣсь терраса, гдѣ Ольга про-
сиживала часто до полуночи, вмѣстѣ съ Юріемъ,
любуюсь огненною струей отражавшагося въ водѣ мѣ-
сяца. На хуторѣ все то же въ глазахъ другихъ, но
все измѣнилось для Ольги. Она бросаетъ тоскливый
взглядъ кругомъ и говоритъ Луизѣ: «Уѣдемъ! до-
вольно! Я чувствую, что меня оставляетъ благораз-
уміе.»

— Это правда! голосъ измѣняетъ тебѣ; а здѣсь
могутъ встрѣтиться знакомые.

И онѣ рука объ руку спѣшатъ взобраться на гору,
гдѣ оставили экипажъ; Ольга старается побѣдить
душевное волненіе, она идетъ, потупивъ голову. Но
подъ опущенною черною вуалью катятся слезы, и рука
ея, опираясь на руку Луизы, холодѣетъ и дрожитъ.
Имъ встрѣтилась компанія гуляющихъ, которые ве-
село разговариваютъ между собою. Луизѣ послышался
звонкій голосъ Зарайскаго. Онѣ удвоили шаги и по-
спѣшили къ каретѣ. Оставшись наединѣ съ Луизой,
Ольга дала полную волю своимъ воспоминаніямъ и
слезамъ.

Вскорѣ возвратился Павелъ Ивановичъ. Онъ пуще
прежняго озабоченъ и не веселъ; но Ольга замѣ-
чаетъ, что привязанность его къ ней какъ будто
пробудилась съ тѣхъ поръ, какъ не стало Анны
Васильевны и Лёля выбыла изъ ихъ семейства.

Онъ постарѣлъ, подрыхлѣлъ, оставилъ игру и клубъ, всѣ друзья его разсѣялись, какъ дымъ въ воздухъ. Предвидя близкое разореніе, онъ чувствуетъ, что все измѣнило ему, кромѣ дочери; она одна съ тою же преданностію смотритъ на него. Надо прибавить, характеръ его нѣсколько смягчился. Можетъ—быть совѣсть упрекала его во многомъ относительно Ольги. Павелъ Ивановичъ опомнился и сильно загрустилъ.

Обративъ въ деньги все, что кредиторы оставили ему отъ движимаго и недвижимаго имѣнія, уплативъ всѣ *священнѣйшіе*, то есть карточные, долги, Павелъ Ивановичъ явился въ Одессу съ весьма легкимъ кошелькомъ. Онъ однакожь не говорилъ ни слова объ этомъ Ольгѣ, у него было правило не спѣшить дурными вѣстями. Онъ всегда узнаются слишкомъ рано.

Послѣ первыхъ изліяній радости, Павелъ Ивановичъ, замѣтивъ, что лицо Ольги носитъ все тотъ же отпечатокъ *механхоли*, какъ и прежде, грустно покачалъ головою.

— Оленька, другъ мой! сказалъ онъ ей: — я вижу, что тебѣ тягостно въ Одессѣ. Всѣ эти встрѣчи, эти вопросы, самое это участіе... кромѣ Луизы Львовны..

— Ахъ! это все убійственно, папаша!

— Знаешь, душа моя! мнѣ давно хочется пожить въ Кіевѣ...

— Поѣдѣмте въ Кіевъ, папа!

— Да, тамъ столько святыни, мой другъ!

— И такая прекрасная природа! прибавила Ольга.

— Ну такъ рѣшено? А какова Лёля-то! въ Парижъ ускакала! вѣдь и Савву Филипповича потащила!

Ольга обмѣнялась выразительнымъ взглядомъ съ Луизой. Имъ обѣимъ пришла одна и та же мысль.

Дня два тому, Антонаки, отправляясь за границу, прѣзжалъ прощаться съ ними.

— Ну что же вы думаете, Луиза Львовна, о нашей поѣздкѣ въ Кіевъ? спросилъ Павелъ Ивановичъ, обращаясь къ Луизѣ.

— Что жь! Богъ съ вами... поѣзжайте! отвѣчала она, протягивая руку Ольгѣ. — Хоть мнѣ и грустно разстаться съ ней, но я не настолько эгоистка, я вполне согласна, что перемѣна мѣстъ необходима для ея здоровья и, можетъ, даже для ея душевнаго спокойствія.

— Итакъ простимся! сказала Луиза, обнявъ Ольгу.

— До свиданія, моя милая! я надѣюсь, что когда-нибудь увидимся! отвѣчала Ольга: — пиши ко мнѣ чаще! ты лѣнива писать, я знаю.

— О, нѣтъ! я буду писать къ тебѣ, но только съ условіемъ, чтобы ты отвѣчала на каждое письмо...

— Хорошо, обѣщаю! сказала Ольга.

— Еще обѣдай мнѣ не грустить, моя душа!

— Постараюсь, только не обѣщаю.

— Ну общай хоть по крайней мѣрѣ полюбить свои прежнія занятія, говорила съ жаромъ Луиза. — Ты ужь совсѣмъ не рисуешь, а это такъ жаль!

— Попробую, примусь за кисть; что будетъ, не знаю, напишу тебѣ.

Разговоръ этотъ происходилъ въ сыромъ и длинномъ сараѣ таможеннаго строенія, куда безпрестанно являлись люди и экипажи, и гдѣ, выслушавъ съ трепетомъ и волненіемъ приговоръ свой, исчезали какъ тѣни на мрачномъ берегу Стикса.

Ольга и Луиза, сидя на чьемъ-то сундукѣ въ ожиданіи очереди, высказывали другъ другу на прощаніи все, что было у нихъ на душѣ, чистосердечно желая, чтобы на этотъ разъ досмотрщики какъ можно медленнѣе исполняли свою обязанность.

Въ это время издали въ дверяхъ завидѣли они что-то неуклюжее, нѣчто среднее между медвѣдемъ и обезьяной; фигура эта шла прямо къ нимъ.

— Ахъ, Иванъ Григорьевичъ! воскликнула Ольга, протянувъ дружески руку Шанскому.

Это былъ онъ.

— Прощайте! сказалъ онъ, сильно сжимая ей руку: — оставляете вы насъ, Богъ съ вами!

И они долго и дружески говорили между собою. Шанскій и Луиза общались побывать у нихъ въ

Кіевъ; вдругъ на таможду торжественно въѣхалъ Зарайскій въ щегольскомъ кабріолетѣ.

Онъ громко объявилъ таможеннымъ, что ничего не везетъ съ собою изъ Одессы, потому что отправляется на Лиманъ.

Шанскій посторонился, чтобъ дать дорогу кабріолету льва, который граціозно раскланялся съ дамами.

— Я держу пари съ кѣмъ угодно, сказалъ Шанскій, провожая его глазами, — что ему вовсе не зачѣмъ ѣхать на Лиманъ; цѣль его была видѣть что дѣлается въ эту минуту на тамождѣ, чтобъ послѣ услужить дамамъ, Омской и другимъ. Луиза слегка улыбнулась. Ей было все равно: никакіе городскіе толки не могли задѣть ее за живое.

Павелъ Ивановичъ уже не суетился попрежнему; онъ смиренхонько сидѣлъ у пожитокъ какого-то несчастнаго Еврея, который божился и визжалъ, размахивая руками передъ чиновникомъ, въ надеждѣ разжалобить его; но гранитное таможенное, сердце не тронулось, и Еврей заплакалъ. Наконецъ Тома пришелъ доложить Павлу Ивановичу, что можно ѣхать; Павелъ Ивановичъ всталъ.

— Оленька, другъ мой! поѣдемъ! сказалъ онъ, подходя къ дочери. — Все готово.

При этомъ словѣ сильно забилося сердце Ольги; она встала и тяжело вздохнула.

— Прощай Одесса! сказала она, бросивъ грустный взглядъ на видѣвшійся издали городъ: — не думала я такъ печально разставаться съ тобой! Луиза, прощай! проговорила она, обращаясь къ своей доброй пріятельницѣ: — благодарю тебя за все... прощай!

Онѣ обнялись и тихо заплакали, скрывая слезы на груди другъ друга.

— Иванъ Григорьевичъ! и васъ благодарю! сказала Ольга, взглянувши на него сквозь облако слезъ: — и вы меня любили!

Шанскій схватилъ ея руку и нѣсколько разъ сряду поцѣловалъ ее, не имѣя ни словъ, ни силы отвѣчать Ольгѣ.

Павель Ивановичъ въ свою очередь простился съ Луизой и Шанскимъ.

Наконецъ Ольга бросилась въ карету.

Будь счастлива, душа моя! повторяла прерывающимся голосомъ Луиза: — помни, о чемъ я тебя просила! Богъ дастъ, и для тебя еще будутъ радостные дни! Надѣйся, Ольга!

Ольга грустно покачала головой.

— Ну что жъ не отъѣзжаешь! закричалъ грубый голосъ съ козелъ кучеру Еладыныхъ: — вишь на дорогѣ сталъ!

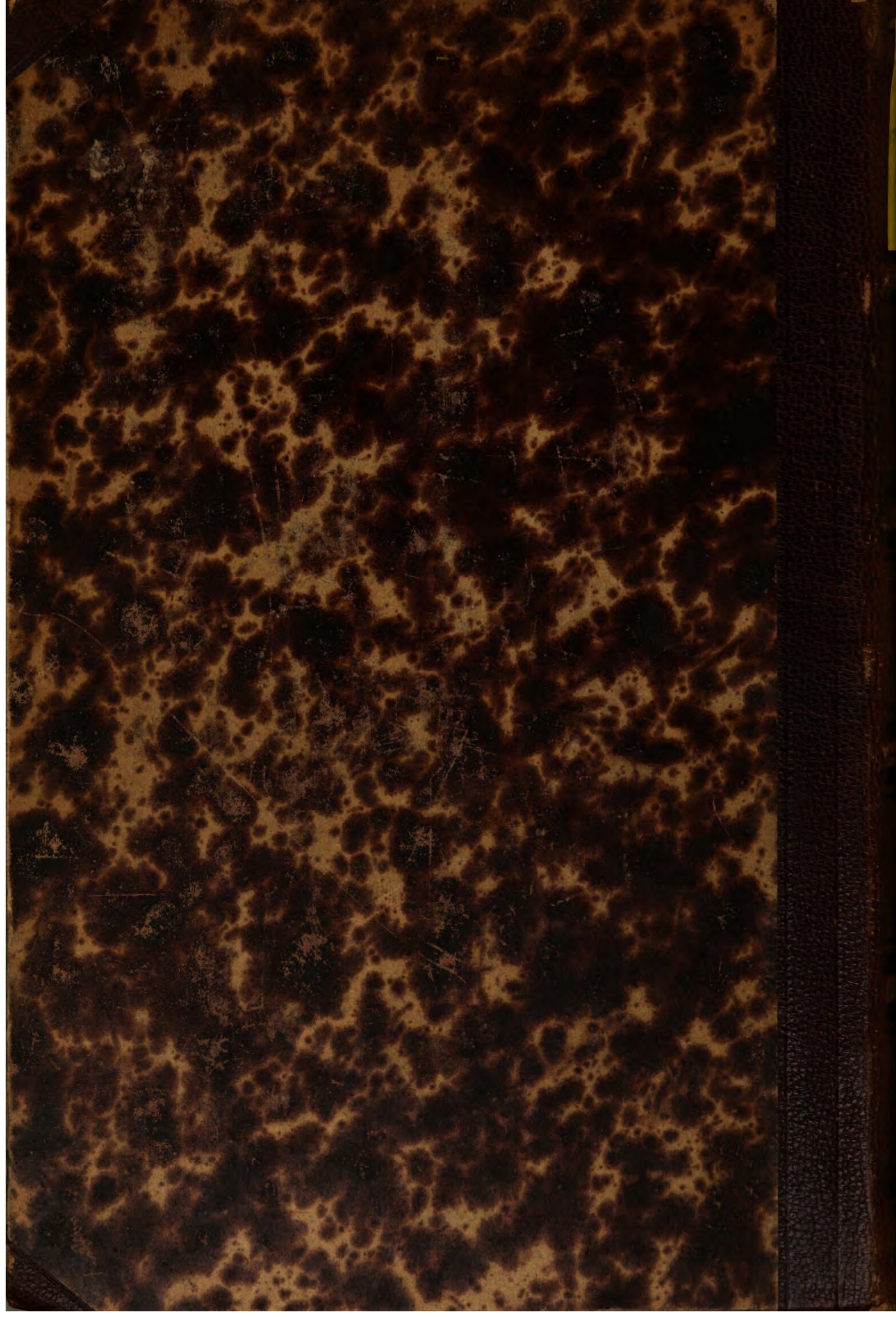
— Сейчасъ! отвѣчалъ тотъ, собираясь ударить

по лошадямъ : — дай срокъ господамъ-то сѣсть. Вишь какой горластый !

Но захлопнулись дверцы, двинулась карета. Ольга выглянула въ окно и не спускала съ глазъ друзей своихъ до тѣхъ поръ, пока пыльное облако окончательно не разлучило ее съ ними.

Когда Ольга скрылась изъ глазъ Луизы и Шанскаго, они обмѣнялись печальнымъ взглядомъ и молча пошли каждый къ своему экипажу.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Narskaja, E.

Dwe sestry (Zwei Schwestern)

Bd.: 1

Moskwa (1858)

P.o.rel. 3316-1

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10036361-6